

АВЕКСАНАДР

БЕНДИТ

Орден республики
Александр Романович Беляев
Александр Романович Беляев
Орден республики
Глава 1

Доктор Петр Федорович Прозоров жил в большом старом доме, который все в городке называли «докторским». Дом стоял в саду, сад примыкал к лесу. А за лесом текла река. Дом был казенный и принадлежал больнице. Но Прозоров уже забыл об этом, потому что жил в нем давно, лет тридцать, с того самого дня, когда приехал в городок на должность врача.

Сначала Прозоровы жили втроем: Петр Федорович, его жена и их сын Николай. Потом все изменилось. Уехал в Петербург Николай. Умерла жена. Доктор на долгое время остался один. Но за год до того, как в столице началась революция, к доктору, для укрепления здоровья на чистый воздух Закавказья, приехала внучка Женя — дочь Николая. Приехала на лето. А задержалась на четыре года.

В стране бушевало пламя гражданской войны. Власть в Закавказье захватили белые. Дашнаки и мусаватисты [[Дашнаки и мусаватисты - Дашнаки и мусаватисты — члены буржуазно-националистических контрреволюционных партий Армении и Азербайджана.]] преследовали большевиков. В городах и селах свирепствовали белоказаки. Петроград оказался за линией фронта. Связи фактически с ним не было никакой. И Петр Федорович разумно решил дожидаться более спокойных времен, чтобы отправить Женю к отцу.

А они, эти времена, судя по всему, были уже недалеко. Красная Армия теснила белых по всему Кавказу. Бои разворачивались где-то совсем рядом. И имелись все основания предполагать, что части красных вот-вот вышибут белых из городка.

Однако Женя и сама не очень рвалась в полуголодный Питер. Мать у нее умерла. Она ее почти и не помнила. А отец — крупный специалист по строительству мостов — все время находился в разъездах. Взорванных, разрушенных и сожженных мостов после гражданской войны осталось столько, что восстанавливать их и строить заново приходилось не покладая рук. Так что в Питере Жене

наверняка пришлось бы большую часть времени жить одной. А здесь, у бабушки, она не знала, по сути дела, никаких забот. Разве только убирала после чая со стола посуду да кормила большого пушистого рыжего кота Маркиза.

В тот памятный вечер, который Женя запомнила на всю свою жизнь, она после чая мыла блюда и чашки в большой миске, вытирала их полотенцем и ставила в старинный резной буфет. А доктор Прозоров, нацепив очки, сидел в своем кабинете возле большой керосиновой лампы-молнии и читал письма. Почта работала с перебоями. Письма и прочая корреспонденция доставлялись с запозданием, зато сразу большими порциями. Новостей набиралось много, а доктору хотелось их узнать поскорее и все.

Сегодня его особое внимание привлекло письмо из Владикавказа. Писал доктору его старый друг и коллега врач железнодорожной больницы. Письмо направлял через фронт с оказией. Через Тифлис до Еревана его везли проводники, потом на почтовом дилижансе до Дилижана, далее до городка нес почтальон. Коллега сообщал, что после изгнания из Владикавказа белых жизнь в городе и крае успешно налаживается, что Советская власть не жалеет денег на медицинскую помощь населению...

— Бабушка, а куда запропастился Маркиз? — услышал вдруг доктор голос внучки.

Петру Федоровичу не хотелось отрываться от письма, и он ответил первое, что пришло ему на ум:

— Не знаю. У него нет привычки сообщать, куда он уходит.

— Да, но я не видела его с утра, — пожаловалась Женя.

— Ничего. Есть захочет — придет, — успокоил ее доктор.

— А может, все-таки пойти его поискать?

— На ночь глядя? В такое время? Ты с ума сошла. В городишке творится бог знает что: поножовщина, драки, пьяная солдатня... Никуда не смей ходить! — доктор вновь погрузился в чтение и неожиданно для Жени сердито выругался: — Это черт знает что такое! Страница пропала!

— Какая страница? — не поняла Женя.

— Да из письма! Друг мой пишет, что узнал что-то о твоём отце, и, как назло, именно в этом месте нет целой страницы! — Доктор возмущенно сорвал с носа очки.

— Наверное, не вложил в конверт, — предположила Женя.

— Уж лучше бы он остальное забыл, а этот листок отправил, — проворчал доктор и опять взялся за письмо.

Женя убрала посуду, отнесла на кухню миску и снова вернулась в столовую. И в этот момент она совершенно ясно услышала голос Маркиза. Кот мяукал на крыльце. Он просился в дом.

— Пришел! — обрадовалась Женя, проворно выбежала в сени, отодвинула тяжелый засов и открыла дверь.

Она была уверена, что Маркиз тотчас прошмыгнет возле ее ног в дом. Но кота на крыльце не оказалось. Женя вышла на ступеньки. В саду было темно, шумел ветер, качая ветки деревьев. Откуда-то издалека, очевидно из-за гор, доносилась, как отдаленный гром, тяжелая артиллерийская стрельба.

— Маркиз! Маркиз! — позвала Женя.

Кот мяукнул возле забора.

— Сюда иди! Кис-кис! Вот глупый! — Женя спустилась с крыльца.

И в тот же миг кто-то большой и сильный схватил ее за плечи, зажал ей ладонью рот и потащил в глубину сада. Женя даже не успела крикнуть. Она попыталась освободиться. Но ее держали очень крепко. И так же крепко зажимали ей рот. Она чуть не задохнулась. Но рука неожиданно разжалась, в рот ей засунули какую-то тряпку, на голову надели мешок, подняли на седло и повезли неизвестно куда. От страха Женя почти потеряла сознание. А когда снова обрела способность все чувствовать, то поняла, что ее увозят в горы, потому что лошади скакали уже не так быстро и шея у той лошади, на которой ее везли, задралась почти вертикально.

Глава 2

Белые отходили из села с боем. Их пулеметы, установленные на колокольне церкви и в каменном подвале купеческого дома, не давали красным войти в село до тех пор, пока артиллеристы прямой наводкой не подавили обе эти вражеские огневые точки. Отряд красных конников ворвался в село. Было уже сумрачно. Пахло гарью. На базарной площади, неподалеку от церкви, горели дома.

Несколько человек пытались их тушить. На окраине еще слышались выстрелы.

Командир отряда остановил коня и приказал ординарцу вызвать командира второго эскадрона Пашкова. Тот прискакал на площадь и доложил:

— По вашему приказанию прибыл!

— Выводи эскадрон из боя, — распорядился командир.

— Понял. И куда его? — спросил Пашков.

— Осмотри хорошенько село. Проверь каждый дом, каждый сарай — не затаился ли где какой враг. Соберите оружие, что побросал противник...

— Понял!

— Потом получишь дополнительную задачу, — сказал командир отряда.

— И это понял, — ответил Пашков и вдруг привстал на стременах.

— Начальство какое-то пожаловало.

Командир отряда развернулся в седле.

— Верно. И товарищ Киров там, — сказал он, разглядев в группе командиров коренастую фигуру члена Реввоенсовета 11-й армии Сергея Мироновича Кирова. — Выполний, Пашков, приказание.

Пашков пришпорил коня и почти с места галопом помчался за своим эскадронам. А командир отряда поспешил туда, где остановилось прибывшее из армии начальство. Он слез со своего коня в сторонке, кинул поводья на ходу ординарцу, подошел к члену Реввоенсовета и представился по всей форме. Киров сразу же перешел к делу.

— Потери большие? — спросил он.

— До полсотни убитых и раненых, — доложил командир отряда.

— Огонь белые вели сильный, товарищ член Реввоенсовета.

— Понимаю, что трудно было, — кивнул Киров. — И дальше будет трудно. Белые без боя не отдадут нам ни одного дома, ни вершка земли, ни пуда хлеба. Но Кавказ и Закавказье должны быть советскими. И они будут советскими. И мы будем не только воевать, но везде, где только можно, будем помогать людям налаживать новую мирную жизнь. Надо сейчас же организовать тушение пожаров.

— Сейчас сюда вернется второй эскадрон. Пожары потушим, товарищ член Реввоенсовета, — заверил Кирова командир отряда.

— Это еще не все. Пошлите людей по домам. Если среди населения имеются раненые, немедленно организуйте медицинскую помощь, — продолжал Киров.

— Для своих бойцов медикаментов не хватает, — хмуро заметил кто-то из прибывших товарищей.

— Знаю, — быстро ответил Киров. — И все-таки будем делиться с населением всем, что у нас есть. Каждый выздоровевший раненый завтра станет таким же активным защитником революции, как мы с вами.

Киров говорил негромко, но четко и твердо. Он не просто приказывал. Он разъяснял и одновременно убеждал.

— Это не все. Особое внимание надо обратить на сирот.

— А с ними что делать? — спросил кто-то.

— Прежде всего, их надо выявить. Дети — наше будущее. И если мы не позаботимся о них сегодня, у нас не будет нашего революционного завтра. Сирот надо не только выявлять, но и подбирать.

— А куда девать? Возить в обозе? А чем кормить? — слышалось сразу несколько вопросов.

— Отправляйте в детские дома в освобожденные Красной Армией города. Отправляйте, в конце концов, в Россию.

На площади появились бойцы второго эскадрона во главе с Пашковым. Командир отряда без труда узнал, даже в сумерках, его могучие плечи, белую кубанку с широкой красной лентой и кожаную куртку. Попросив у Кирова разрешения, он сел на коня, поскакал навстречу Пашкову и передал ему все распоряжения члена Реввоенсовета.

Пашков, как обычно, слушал молча. Но когда разговор зашел о сиротах, на лице его выразилось полное недоумение.

— Что же, моим хлопцам нянькаться с ними?

— Поступать так, как того требует товарищ Киров. А значит, и наша партия, — пояснил командир отряда.

— А воевать кто будет... — хотел было уточнить Пашков, и вдруг его черные глаза широко раскрылись и замерли. А сам он весь

подался в седле вперед и громко крикнул: — Глянь-ка, командир! А ну, хлопцы, тащите его.

Командир отряда невольно обернулся и увидел, как над срубом стоявшего неподалеку колодца появилась чья-то рука и уцепилась за сруб. К колодцу сейчас же подбежали бойцы и вытащили из него парнишку. С парнишки ручьями текла вода, он не стоял на ногах.

— Может, качнуть его? — предложил, подъезжая, Пашков.

— Живой он.

— Только нахлебался здорово, — объяснили бойцы.

Пашков и командир отряда спешили и подошли к парнишке. Он уже сидел на земле, поминутно вздрагивая всем телом. Бойцы помогали ему раздеться. Кто-то протягивал полотенце, кто-то набросил на его плечи шинель.

— Звать-то тебя как? — спросил Пашков.

— Ашот, — ответил парнишка.

— Как же тебя в колодец занесло?

— Казаки сбросили.

— Казаки? У, зверье! — загудели бойцы.

— Разотрите его хорошенько полотенцем, — приказал командир отряда. — И хорошо бы чаем горячим напоить.

Пашков послал в соседние дома своих людей. И пока они искали у хозяев чай, бойцы насухо обтерли Ашота, надели на него шинель, а его собственную одежду выжали и отнесли в дом сушить. Пришел санитар, перевязал Ашоту ногу и голову: парень сильно ударился о бадью в колодце. К счастью, эта бадья и спасла ему жизнь. Не ухватись он за нос, захлебнулся бы в холодной, как лед, воде.

— За что же они тебя бросили-то? — расспрашивали бойцы.

— Хлеба попросил, — ответил Ашот.

— И за это сбросили? Вот гады!

— Они думали, что меня подослали партизаны, — сказал Ашот.

— Дом-то твой где?

— В горах был. — Ашот махнул в сторону каменных утесов.

— Почему был?

— Теперь нет.

— А где батька с матерью?

— Умерли.

— С кем же ты живешь?

— Один живу. Пастухом был у лавочника. А он убежал. И я чуть с голоду не умер. А казаки хаш варили. Я хотел стороной пройти. Не утерпел. Подошел. А они меня схватили. Сначала били. Потом бросили.

— Ничего, хлопец. Теперь тебя никто не обидит. А обидит — во! — сказал Пашков и показал кулак величиной с лошадиную голову. — Так как выходит, что ты наш первый крестник.

Бойцы дружно засмеялись. Ашот тоже попытался улыбнуться. Но не смог. Видно, просто разучился улыбаться. Командир отряда понял это. Он подошел к Ашоту, положил руку на плечо.

— А ты молодец. Надо же, сам из колодца выбрался. Значит, не так просто тебя скрутить.

— Я тоже кумекаю, добрый из него со временем боец выйдет, — поддержал командира Пашков.

— А пока обсушите парня хорошенько и отправьте в обоз. Пусть денек-другой с ранеными побудет. Подкормится малость, синяки залечит. Потом посмотрим, куда его пристроить, — распорядился командир отряда. — А ты, Пашков, приступай выполнять задачу. И еще тебе приказ: обоз с ранеными возьми под свою охрану.

Пашков хотел возразить. Но, увидев непреклонный взгляд командира, лишь досадливо кашлянул в кулак и сказал:

— Все понял!

Глава 3

Лошади долго шли шагом. Но наконец остановились. И Женя услышала недовольный хриплый голос:

— Давай ее сюда.

Кто-то поднял ее на руки и куда-то понес. Она уже не вырывалась и не дергалась, а только всхлипывала от страха. Потом ее поставили на ноги и сняли с головы мешок, отвратительно пахнущий чем-то затхлым, и вынули тряпку изо рта. Она увидела небольшой костер, черные своды пещеры и двух верзил, заросших по самые глаза косматой щетиной.

— Чего ревешь? — сказал один из них, показав при этом ровные белые зубы. — Бить тебя мы не собираемся.

Другой ушел в глубь пещеры и принес сухого валежнику, заранее, очевидно, запасенного там. Он подбросил валежник в костер. Пламя прожорливо захватило сухие ветки и занялось с большой силой.

Женя сразу почувствовала тепло.

— Куда вы меня привезли? — всхлипывая, спросила она.

— Знаем куда, — ответил тот, который ходил за валежником. Он был с бородой, в плечах пошире, чем его напарник, и выглядел старше.

— Зачем вы меня схватили? — снова спросила Женя.

— Узнаешь, — ответил белозубый.

Женя решила больше ничего не спрашивать. А абреки [[Абрек - Абрек (осетин.) — разбойник]] — она поняла, что двое эти — самые настоящие бандиты с большой дороги, — расстелив возле костра кошму, развязали торбы, достали хлеб, мясо брынзу и принялись за еду. Белозубый отрезал ножом большой кусок вареной баранины и протянул его Жене.

— Ешь! — коротко приказал он.

Женя отвернулась.

— Оставь ее. Один раз не поест — ничего с ней не случится, — сказал другой.

Белозубый не стал возражать. Скоро они оба насытились и закурили трубки.

— Теперь я тебе скажу, зачем мы тебя взяли, — повернулся к Жене бородатый.

Женя насторожилась.

— Пока мы не сделали тебе ничего плохого. Подумаешь, немного покатали на лошади. Это даже интересно, — продолжал бородатый.

— Но мы можем сбросить тебя в пропасть. Или скормить шакалам. Или просто завалить тут камнями...

— За что? — Женя сжалась от ужаса.

— Просто так! Напиши своему деду письмо. Если он хочет получить тебя живую и здоровую, пусть заплатит миллион.

— Кому? — спросила Женя.

— Нам.

— Где же он его возьмет?

— Найдет. Поищет и найдет, — уверенно ответил бородатый.

— А если не найдет?

— Тогда мы сами скажем ему, в каком ущелье собрать твои кости!

— пригрозил бородатый.

— Давайте бумагу, — сказала Женя.

— Вот это другой разговор! — Бородатый даже улыбнулся.

Пока белозубый доставал из торбы какую-то тетрадку и искал карандаш, Женя пыталась сообразить, где же дедушка найдет столько денег. Никаких сбережений у него не было. Он жил только на жалованье, большую часть которого тратил на медицинское оборудование для больницы: казенных денег на это не отпускали уже давным-давно. Ее похитители, наверное, и не подозревали, что доктор Прозоров иногда даже продукты у лавочника брал в долг. Женя вспомнила свой любимый рассказ «Вождь краснокожих». Она много раз читала его в Петрограде и здесь и всегда от души смеялась над проделками маленького пленника Джонни. Да и вообще ей нравились не только Джонни, Билл и Сэм. Очень забавной выглядела вся рассказанная О'Генри история о похищении рыжего сорванца.

Но то, о чем писал американский писатель, было совершенно не похоже на историю с ней самой. Ее похитители были мрачными оборванцами, вполне способными сделать все, что они пообещали, если дедушка не заплатит за нее выкуп.

— Вот бумага. Пиши, — белозубый протянул ей помятую и замусоленную конторскую книгу и карандаш.

— Пиши, — подтвердил бородатый.

— Что писать? — спросила Женя.

— Пиши так, — бородатый немного подумал: — «Если ты хочешь, чтобы я вернулась, приготовь миллион рублей. Если согласен, открой на чердаке окно. Тот, кому надо, увидит». Написала? Так. И еще напиши, что очень хочешь домой. И подпишись, — сказал он.

Женя отдала бородатому записку и карандаш.

— Дедушка все отдаст, что у него есть. Но столько денег ему не найти, — грустно сказала она.

Глаза у бородатого сузились. Он вплотную приблизился к Жене и угрожающе засопел:

— Мне дела нет, где он достанет деньги. У него своя жизнь, у меня своя. Я тоже хочу иметь дом, коня и хорошую еду. И пока у меня этого

не будет, тебе отсюда не выбраться.

Он сложил записку пополам и отдал белозубому.

— Поезжай. Не трать время. Действуй, как договорились.

Белозубый спрятал записку за пазуху, стегнул себя по сапогу кнутовищем и вышел из пещеры. Женя услышала, как зацокали по камням подковы его лошади. А бородатый придвинул к огню свою кошму и повесил над костром котелок с водой.

Женя почти не спала. Задремала только под утро, но, едва рассвело, уже открыла глаза. Бородатый, все так же не двигаясь, как изваяние сидел у костра, который почти догорел. Теперь, при свете, Женя хорошо рассмотрела его лицо. Оно было худое и сердитое.

Наступил полдень. Белозубый не возвращался. Бородатый несколько раз пил чай и никуда из пещеры не выходил.

Солнце закатилось за гору. В пещеру поползли сумерки. Потянуло сыростью. А белозубый словно под землю провалился. Теперь бородатый уже не сидел на кошме, поджав под себя ноги, а мотался взад-вперед, как заведенный, перед входом в пещеру. Белозубый появился, когда совсем стемнело.

— Порядок. Окно открыто! — сказал он и тяжело плюхнулся на кошму.

— Цха! — с облегчением рыкнул бородатый и торжествующе посмотрел на Женю. — Я говорил, у него есть деньги.

— Наверное, достал. Куда-то бегал, — сказал белозубый.

— Не наше дело. Пиши второе письмо!

На свет снова появилась затрепанная тетрадь и огрызок карандаша. Но теперь, прежде чем начать диктовать, абреки долго и оживленно о чем-то спорили друг с другом на своем, горском, языке. Жене показалось, что они даже несколько раз начинали ссориться. Потом бородатый, очевидно предвкушая удовольствие от подсчета денег, закатил глаза и блаженно улыбнулся.

— Пиши, — сказал он Жене. — «Деньги привези в Сурамское ущелье. Закопай под корнем высохшего карагача, что стоит у ручья на третьей версте. Закопай и уходи. Придешь домой, я буду дома».

Женя не успевала писать. Бородатый последнюю фразу повторил два раза. И кажется, остался очень доволен собой. Потом они снова пили чай, ели мясо, почти насильно кормили Женю. Теперь они уже

не были такими злыми, как накануне. Ночь прошла спокойно. Женя даже немного соснула. Но утром следующего дня абреки замотали Женю, несмотря на все ее мольбы, в кошму, крепко завязали веревкой и отнесли в глубь пещеры. А сами сели на лошадей и куда-то ускакали. Женя попробовала освободиться. Но очень скоро поняла, что ей, как бы она ни старалась, не удастся вытащить даже руки, и заплакала от беспомощности и бессилья.

Глава 4

Ашот быстро освоился в обозе и к концу дня знал уже многих бойцов. Большинство из них были тяжело раненные. Они лежали в повозках и на телегах почти без движений. За ними ухаживали повозочные и санитары. В эту работу незаметно включился и Ашот. Кому-то надо было принести воды, над кем-то поправить тент, чтобы не жгло горячее южное солнце, с кого-то просили согнать надоедливых мух и слепней. Раза два в обоз наведывался командир эскадрона Пашков.

— Потерпите, хлопцы, самую малость. Наведут саперы мост через ущелье, и мы вас быстренько всех в лазарет доставим, — успокаивал он раненых.

Бойцы понимали, что мост навести не так-то просто, и терпели. И лишь когда терпеть становилось невмочь, тихо постанывали. В такие моменты возле них и появлялся Ашот.

— Говори, что надо? — спрашивал он.

Его о чем-нибудь просили. Он с готовностью бежал куда посылали, кого-то звал, что-то приносил.

На следующий день сразу после обеда обоз двинулся в тыл. Ашот ехал вместе со всеми. Он сидел рядом с повозочным и смотрел на темную тучу, нависшую над перевалом. Повозочный, пожилой боец с ввалившимися щеками и прокуренными усами, мешая русские и украинские слова, назидательно говорил:

— Я так Кажу, хлопче, нечего тебе с нами по шляхам болтаться. Отдадим мы тебя в дитячий дом, и будешь там жить как следует.

— Зачем он мне нужен? Что я, маленький? — усмехнулся Ашот.

— А то ни?

— Я уже работать могу.

— Рано тебе, хлопче, работать. Учиться тебе трэба.

— Вот и учи меня.

— Я? Чему же я тебя выучу? — удивился повозочный.

— Стрелять, прежде всего. Я мстить хочу. За себя. За свое село. Казакам! Белым! Лавочникам! Всем богатеям!

— Дело хорошее — отплатить, — согласился повозочный. — Да только приказу, хлопче, не было.

— Какого приказа? — не понял Ашот.

— А такого, чтоб патроны на тебя выделяли. И потом, хлопче, не моя это задумка насчет дитячего дому. Товарищ Киров так приказал. А это считай — закон.

— Какой такой Киров?

— Товарищ Киров, хлопче, надо думать, самый верный помощник товарища Ленина.

— А кто такой Ленин?

— И про товарища Ленина не знаешь? — еще больше удивился повозочный и даже в упор посмотрел на Ашота. — Якись же ты темный хлопец. Да товарищ Ленин это же сама наша Советская власть. Наипервейший наш заступник. А ты спрашиваешь, кто такой!

В повозке ехали еще двое раненых. Один, у которого вся голова и лицо были забинтованы, почти все время спал и разговора этого не слышал. Другой, с перевязанным плечом, с веселыми карими, как у цыгана, глазами, по имени Серега, взял Ашота под свою защиту.

— А откуда ему знать, дядя?

— Так весь свит знает! — стоял на своем повозочный.

— Так у него «свит» — то от одной околицы в деревне до другой. И мы от белых эту деревню еще не освободили, — засмеялся Серега.

— Про нашего вождя, про товарища Ленина, ему еще надо рассказать. И мы расскажем. А стрелять — тоже надо его научить.

Дело это, прямо скажем, в наше время нужное. В жизни еще сто раз пригодится. И начинать учиться надо не с патронов, а с винтовки.

— Конечно! — обрадовался Ашот. И с благодарностью посмотрел на кареглазого бойца.

— А конечно, тогда бери вот мою и изучай, благо она не заряжена, — разрешил Серега.

Ашот давно уже косился на лежавшую рядом с ним винтовку, но боялся даже дотронуться до нее. И вдруг разрешили не только

дотронуться, но и взять ее в руки! Он потянулся к отполированному до блеска прикладу. Однако Серега неожиданно опередил его. Он взял винтовку здоровой правой рукой, положил ее на колени и крепко зажал между ног.

— Смотри, слушай и запоминай, как что называется и как что делается, — сказал он. — Это вот затвор. Он в стволе патрон затворяет. Деталь, можно сказать, наиважнейшая. Без нее никак, брат, не выстрелишь. А открывается он очень даже просто. Вот так. И вынимается тоже легко, надо только нажать на крючок. Вот этак...

Серега снова поставил затвор на место, послал его вперед, легко, одним движением вскинул винтовку к плечу и нажал спусковой крючок. Пружина ударника резко и звонко щелкнула. Серега протянул винтовку Ашоту.

Ашот поднял винтовку к плечу. Она оказалась совсем не легкой. Но он, наверное, скорее позволил бы, чтобы у него вывернулись в суставах руки, чем упустил это оружие.

— Ничего. Пойдет! — подбодрил его Серега и начал объяснять, как винтовка заряжается обоймой и отдельным патроном. Примерно через час Ашот уже неплохо знал, как обращаться с винтовкой.

— А стрелять-то все едино не получится, — заметил повозочный.

— Стрельнем. Не каркай! Не сейчас, так в другой раз, — заверил Ашота Сергей и снова положил винтовку возле себя. Его, очевидно, мучила рана, потому что он вдруг обхватил здоровой рукой раненую и заскрипел зубами. Ашоту захотелось хоть как-нибудь помочь этому хорошему парню с доброй приветливой улыбкой. Он, кажется, не пожалел бы ничего на свете, чтобы только облегчить его страдания. Но что он мог сделать! И лишь участливо спросил:

— Сильно болит?

— Терпимо, браток, — попытался улыбнуться Серега. — Сам-то ты как? Тебе ведь тоже досталось...

— Я хорошо, — ответил Ашот.

Он хотел сказать что-нибудь еще, что ободрило бы его нового друга, но позади обоза вдруг раздались частые выстрелы. Люди на повозках — и те, кто управлял лошадьми, и те, кто сидел, и даже те, кто лежал, — зашевелились, повернулись в сторону стрельбы, стараясь понять, что там стряслось. Но за обозом тянулось густое

облако пыли, и за ним, как за занавесом, ничего нельзя было разглядеть. А стрельба между тем становилась все интенсивней. Потом из облака пыли вырвался боец на коне и во весь дух проскакал в голову обоза. Его пытались окликнуть:

— Эй! Что там?

— Кто стреляет?

— Да расскажи, куда тебя несет?

Но боец в ответ только энергичней настегивал своего скакуна. Навстречу ему уже мчался с группой всадников Пашков. Неподалеку от повозки, на которой сидел Ашот, они встретились. И тот, который прискакал из пыли, доложил:

— Казаки нас догнали, командир!

— Откуда они тут взялись? — так и опешил Пашков.

— Пролезли где-нибудь по ущелью. И гуляют по тылам...

— Сколько их?

— Десятка три, сам видел. Похоже, разъезд!

— Холера им в бок! — выругался Пашков и, привстав на стременах, скомандовал громко и повелительно, так, чтобы слышали все — и те, кто был в голове колонны, и те, кто замыкал ее, и те, кто вез раненых: — Второй взвод — отразить атаку! Обозу — прибавить шаг! Гони, хлопцы, коней!

И тотчас неторопливо двигавшийся обоз и сопровождавший его эскадрон словно очнулись. Все отлично поняли, что за опасность неожиданно навалилась на них. Понимали они и то, что помощи ждать совершенно неоткуда. И что все их спасение сейчас зависит исключительно от их командира и от того, насколько они будут проворно и четко выполнять его приказание.

Повозочный погнал коней, а Серега взял винтовку, зарядил ее на полную обойму, загнал патрон в патронник:

— Рано, значит, мы в лазарет собрались...

— Будем отстреливаться? — спросил Ашот.

— Да уж, известно, живыми не дадимся, — ответил Серега.

Повозку бросало на каждом ухабе, на каждой выбоине. Тяжелораненого растрясло. Он застонал. Но помочь ему ничем было нельзя. Стрельба позади обоза уже слилась в сплошной гул. Ашот не знал, какой маневр решил предпринять командир эскадрона. Но

одно он понял ясно: уйти от преследования, надеясь на коней, обозу не удастся. Ашот не раз бывал в этих местах, хорошо их знал. И знал, что дорога, уже давно петлявшая между гор, дальше пойдет все круче и круче. Через полчаса такой гонки лошади, запряженные в тяжелые повозки, выдохнутся. Бока у них уже сейчас в мыле, а до перевала оставалось еще добрых часа полтора самой быстрой скачки.

— Не уйдем мы так! — прокричал Ашот Сереге.

Тот не сразу разобрал, что хочет сказать парнишка. А когда, наконец, понял, почти безразлично поморщился и пожал плечами.

— Значит, другого выхода нет. Держись! — крикнул он в ответ.

Но командир эскадрона, очевидно, нашел выход. На первой же поляне, пятачком обозначившейся среда гор, обоз начал останавливаться. Повозочные с трудом сдерживали разгоряченных коней. Кони хрипели, ржали, косили налитыми кровью глазами. Их выстраивали в линию так, чтобы плотно перегородить повозками дорогу через поляну.

— Баррикаду будем робить, — сказал повозочный и, осадив за узду коней, поставил повозку в общий ряд.

— Толку-то что? — ответил ему кто-то из бойцов. — Сколько нас тут? Да и патронов не густо...

— А ты целься лучше! — посоветовал Серега.

— Я не об себе пекусь. С ними вот что делать? — кивнул боец на тяжелораненого.

Подъехал Пашков. К нему сразу же подбежали бойцы.

— Куда раненых девать?

— Снимайте с повозок, перекладывайте на коней, увозите в лес!

— А там куда? — хотели знать бойцы.

— А я почему знаю, куда! — вскипел вдруг Пашков. — Сам думай, как его к своим доставить. А я тут останусь. Понял?

— Та хоть бы место это кто знал, — понурились бойцы. — Хоть бы рассказал, какие куда дороги.

— А хлопец! — вспомнил кто-то.

— Какой хлопец?

— А что с колодца вытащили. Он же местный. Может, он чего знает...

— А ну, давайте его сюда! — обрадовался Пашков.

Ашота тотчас нашли. И пока он бежал к командиру эскадрона, рассказали, зачем его вызывают.

Пашков положил руку на плечо Ашота и сказал спокойно, будто встретились они где-нибудь на прогулке:

— И ты, сынок, потребовался.

— Скорей говорите, что надо!

— Немного, сынок. Бывал ты в этих горах?

— Бывал.

— Припомни, где можно укрыть раненых.

— В пещере можно, — сразу решил Ашот.

— В какой пещере?

— Есть тут, впереди.

— Далеко?

— За поворотом. Там тоже поляна будет, а за ней пещера.

Большая. Весь обоз спрятать можно!

— Ты не шутишь, сынок? — насторожился Пашков. — Целый обоз...

— Клянусь прахом своих предков! Пещера большая. На ту сторону горы выходит...

Пашков схватил Ашота своими железными ручищами и как кутенка легко поднял над землей. И хотя момент для проявления такого бурного восторга был явно неудачный — стрельба слышалась совсем рядом, — бойцы, видевшие эту сцену, заулыбались. Пашков осторожно опустил Ашота на свое седло и сам легко и ловко сел сзади.

— Показывай, где твоя пещера, — сказал он и пришпорил коня.

Вороной жеребец с коротко подстриженной гривой, почувствовав на себе, кроме хозяина, еще и незнакомого седока, попытался укусить Ашота за колено. Но, увидев предостерегающий жест хозяина, закусил удила и как птица понесся вперед. За командиром помчались бойцы. За бойцами, с каждым шагом набирая скорость, двинулся обоз.

Через полчаса вся группа остановилась на поляне перед пещерой. Ашот говорил правду: пещера поражала своими размерами. Она зияла чернотой, как разверзшаяся пропасть. Бойцы

быстро собрали с елей смолу, соорудили что-то наподобие факелов и вошли под каменные своды. В пещере оказалось сухо и даже не очень грязно.

— Вот здесь другое дело. Здесь и двое и трое суток можно продержаться, — сказал Пашков.

Дальше он уже только командовал:

— Заносите раненых в пещеру!

— Распрягайте коней! Заводите их тоже сюда!

— Брички! Повозки! Фуры! Все в кучу! Забить ими в пещеру вход и забаррикадироваться! — гремел его голос в такт перестрелке.

Как только раненых занесли в глубь пещеры, заслон, прикрывавший путь белым, начал потихоньку отходить. Дорога была узкой. Казаки не могли обойти бойцов ни справа, ни слева и, волею-неволей подставляя себя под выстрелы красных, лишь теснили заслон все выше и выше в горы.

Пока бой шел за поворотом, Ашот вместе со всеми помогал переносить в пещеру раненых, таскал с повозок сено и солому им для подстилки, бегал к ручью под отвесной скалой на поляне с котелками и ведрами — за водой. Когда заслон отступил за поворот, бойцы закончили баррикадировать вход. Они перевернули несколько повозок, завалили их камнями, оборудовали для стрельбы удобные бойницы. Когда казаки, преследуя заслон, выбежали на поляну, защитники пещерного гарнизона встретили их дружным залпом. Белые также ответили огнем. По камням зацелкали пули. Но, очевидно, казаки опешили, напорвшись на такую оборону, потому что на какое-то время даже перестали стрелять. Пашков воспользовался затишьем и собрал командиров.

— Спас нас хлопец, одним словом. Спасибо ему. А то казачня уже всех бы порубала! — сказал он.

— Надо, значит, его наградить, — подсказал кто-то.

— И наградим! — согласился Пашков. — Ежели, конечно, выберемся отсюда.

Наступила пауза. Пашков обвел всех взглядом и продолжал:

— Я, в общем-то, об этом и хотел потолковать. Конечно, дня два-три мы тут продержимся, если казачня не подвезет орудие. А подвезет, тогда эту баррикаду в минуту словно ветром сдует. А ежели

без орудия — то продержимся. Но потом без воды подохнем. И коней поить надо, и самим пить, а пуще раненых поить нечем будет.

— Да и с патронами худо, — заметил кто-то.

— Худо, — согласился Пашков. — Поэтому сидеть нам тут и ждать, пока нас хватятся да на помощь придут, нечего. Надо пробиваться к своим.

— Атаковать будем? — спросил командир второго взвода Одинцов.

— Не было бы у нас лазарета — атаковали бы. А зараз по другому действовать будем. Давайте-ка сюда нашего хлопца!

В полутьме и сутолоке Ашота нашли не сразу. Но нашли и привели к Пашкову. Пашков, ярко осветив факелом его лицо, сказал:

— Помнится, ты говорил, что пещера эта аж на ту сторону горы выходит. Или мне такое только послышалось?

— Говорил, — подтвердил Ашот.

— И можно по ней на ту сторону выйти?

— Можно.

— А ты ходил?

— Ходил.

— И помнишь, как пройти?

— Найду, — уверенно ответил Ашот.

— Господь бог тебя нам послал, сынок! — сказал Пашков.

— Нет, — покрутил головой Ашот. — Сам из колодца вылез.

Командиры засмеялись.

— И то верно, — согласился Пашков. — Одним словом, времени терять нечего. Будем из этого каменного мешка к своим выбираться. Ты покажешь дорогу.

Пашков достал из сумки карту, нашел на ней пещеру, обвел ее карандашом и передал карту командиру второго взвода.

— Возьми трех человек побойчее в двигайте к нашим. Дойдете — покажешь на карте, где мы. Значит, нас выручат. Не дойдете — дня через три всем нам тут крышка. Ситуацию понял?

— Понял, — ответил Одинцов.

— Тогда вперед, — хлопнул его по плечу Пашков.

Взводный быстро отобрал людей. Бойцы вооружились факелами, зажгли их. Факелы нещадно чадили, разливая по сторонам неяркий,

колеблющийся свет.

— На животе ползти буду, а к нашим приду. И наших сюда приведу, — полусшепотом поклялся Ашот и пошел вместе с бойцами в глубь пещеры.

Он шел впереди. За ним, подсвечивая ему факелами, двигались бойцы. Пещера была просторной, и идти было легко. Пока шли по прямой, за спиной долго мерцал дневной свет. Но как только свернули по каменному коридору пещеры в сторону, вокруг сомкнулся мрак. Теперь только огненные языки факелов давали возможность ориентироваться в темноте. С каменных сводов пещеры то и дело срывались летучие мыши и беззвучно проносились над головами людей.

Ашот по каким-то только ему одному известным признакам находил путь и вел бойцов все дальше и дальше.

Раза два командир взвода останавливал Ашота и спрашивался:

— Не сбились? Точно?

— Правильно идем, — отвечал Ашот.

— А долго еще идти-то?

Ашот недоуменно пожал плечами.

— Как можно в темноте время считать? Часов нет. Солнца тоже нет. Надо еще идти, — словно оправдываясь, отвечал он.

Часов действительно во всей группе ни у кого не было. И никто точно не мог сказать, сколько времени они уже двигаются в этой кромешной тьме.

За большим каменным уступом Ашот неожиданно остановился.

— Заблудился? — с тревогой спросил командир взвода.

— Нет, идем правильно, — успокоил взводного Ашот и показал рукой вверх. — Только потолок почему-то совсем низкий стал.

Бойцы подняли факелы. Каменная кровля действительно спустилась почти на головы людей.

— В горах так бывает. Может, обвал. Может, земля тряслась. В горах всякое бывает, — объяснил Ашот.

Они двинулись дальше. Каменный коридор становился все ниже и уже.

— И так было? — снова спросил взводный.

— Так не было. Но идем мы правильно, — решительно ответил Ашот.

— Будь они прокляты, эти горы! — не выдержал взводный. — Только баранам на них и жить.

— Правильно идем, — повторил Ашот. И вдруг увидел впереди неясное белесое пятно. — Вон же!

— Что? — вскрикнули бойцы все разом.

— Свет вижу!

Радость была большой, но оказалось, преждевременной. Чем ближе бойцы продвигались к долгожданному выходу из пещеры, тем труднее было им протискиваться между каменными глыбами. Теперь они уже не шли по пещере, как вначале, а ползли: где на четвереньках, а где и просто на животах. Но скоро изо всей группы ползти мог только Ашот. Он карабкался между камнями, до крови царапая колени и руки об их острые края. Он разорвал на себе штаны и куртку, перемазал в грязи лицо, но упорно лез вперед и вперед.

— Крышка, командир, — послышался вдруг сзади него приглушенный голос кого-то из бойцов. — Застрял я как кость в горле: ни туда, ни сюда.

— И я тоже, братцы, как тот квач в бочке, шоб ее разорвало, — признался взводный. — Ни на вершок ни назад, ни вперед. Что будем делать?

— Похоже, щель эта не для нас. И нам через нее не выползти, — послышался ответ.

— А как же отряд? Кто же приведет помощь?

— Проси мальчика, командир. Может, он еще как-нибудь вылезет отсюда...

— Доверить мальцу такую задачу? Да с нас Пашков головы посрывает! — испугался взводный.

— Тогда вытащи отсюда меня, и я дойду до наших! — сердито прохрипел боец.

Весь этот разговор долетал до Ашота будто издали, хотя бойцы были совсем рядом. Взводный даже время от времени помогал Ашоту, подталкивая его вперед то головой, то руками. Зажатые со всех сторон камнями, не зная, что предпринять, бойцы долго

спорили, ища выход из создавшегося крайне нелепого положения. Взводный никак не хотел соглашаться с мыслью, что через завал им не пробиться, и шумел сильнее всех, кляня на чем свет стоит и горы, и пещеру, и не поддающиеся никаким его усилиям холодные, бездушные камни.

— И карту ему отдадим? — спросил он в конце концов совета у бойцов.

— А черта ли в ней секретного? Белым и так известно, где мы, — рассудили бойцы. — А нашим она службу сослужит... Да ты не тяни! Не тяни время!

— А, была не была! — смирился наконец с полной своей беспомощностью взводный и окликнул Ашота: — Слышал, парень, о чем мы тут толковали?

Ашот все слушал очень внимательно. Он прекрасно понимал, почему так долго не решается на этот шаг взводный, и не обижался. Шутка ли сказать, от него одного будет зависеть теперь судьба всего отряда!

— Я все слышал.

— Тогда, дорогой, я засуну сейчас тебе в ботинок карту. А ты выползай отсюда и передай ее нашим, — сказал взводный. — И скажи: больше трех дней мы тут не продержимся.

— А где мне их искать?

— Пробирайся на Благодать. А там они недалеко. Знаешь, в какую сторону идти?

— Примерно знаю.

— Тогда спеши! — взводный хлопнул на прощанье Ашота по ботинку. — Вся наша надежда теперь только на тебя, парень.

Глава 5

Есаул Попов пришел в бешенство, когда, смяв, как ему казалось, заслон красных, казаки не нашли перед собой их обоза. До него, как говорится, уже рукой было подать, еще напор — и казаки захватили бы сотни полторы-две пленных красноармейцев, оружие, коней, повозки. И вдруг все это словно сквозь землю провалилось. А когда сотня, в поисках так неожиданно исчезнувшего врага, вырвалась на поляну, из-под горы в упор по казакам ударил дружный залп. Еще один! Еще! Казаки спешно отступили, оставив на поляне больше

десятка своих людей. Пока определили точно, откуда ведется стрельба, и пытались проскочить под градом пуль через поляну по дороге дальше, чтобы посмотреть, не ушел ли обоз вперед, потеряли еще несколько человек.

Попов поклялся не выпустить из пещеры живым ни одного человека.

— Удушю там всех! И раненых и здоровых! Рубите ельник! Больше рубите! — кричал он на своих подчиненных.

Казачьи клинками рубили зеленый лапник и стаскивали его в кучу. А те, кто не был занят этой работой, пробивали в камнях тропу над входом в пещеру. Там, на этой тропе, будучи недосыгаемы для красноармейцев, казаки могли надежно контролировать вход и выход из пещеры. Но не только для этого была нужна им эта тропа. Когда ее в конце концов пробили, казаки набросали с нее перед входом в пещеру целую гору сухого валежника и подожгли его. А когда костер разгорелся и над поляной заплясали языки огня, забросали костер сверху зеленым лапником. В пещеру потянулся густой, как вата, желтый удушливый дым.

— Лапника не жалеть! Валежника не жалеть! Я посмотрю, сколько они там выдержат, — наблюдая из леса за входом в пещеру, говорил Попов.

К нему подъехал средних лет казак с Георгиевским крестом на груди.

— Разрешите доложить, ваше благородие, — приостанавливая коня, проговорил он.

— Говори, Чибисов, — разрешил есаул.

— Дозвольте, ваше благородие, с другой стороны гору осмотреть. Случается, что пещеры энти наскрозь проходят, — доложил казак.

— Дело предлагаешь. Осмотри, — разрешил есаул. — Только как же ты через поляну проскочишь? Простреливают они ее.

— Прикажете, ваше благородие, дыму поболее накурить и казачкам пошибче пострелять по ихней баррикаде. И проскочим на аллюре, господь милостив, — перекрестился Чибисов.

— И это дело, — похвалил казака есаул и отдал все необходимые на этот случай приказания.

А Чибисов, выбрав трех самых лихих наездников, приготовился к броску.

Как только дым от костра заволок поляну, казаки — и те, которые были сверху, и те, которые залегли у дороги, — открыли по пещере беглый огонь. Есаул махнул рукой, и Чибисов, пришпорив коня, рванул через поляну. За ним аллюром помчалась вся его группа. Кони их, распластавшись как птицы, казалось, летели по воздуху. Мгновения достаточно, чтобы они проскочили поляну. И все же только двоим удалось доскакать до выступа скалы, который скрыл их от пуль осажденных в пещере красноармейцев. А двое, пораженные меткими выстрелами, кубарем слетев с коней, остались на поляне.

За поворотом, осадив разгоряченного коня, Чибисов оглянулся на убитых казаков, снял фуражку и перекрестился:

— Уберегла матушка, заступница...

— Не всех, однако, — заметил его напарник, казак помоложе.

— За себя молись, губошлеп, — буркнул Чибисов и повернул коня в сторону от поляны.

Казаки поскакали в объезд горы. День был жаркий. Стрельба смолкла, или ее просто не стало слышно, но в горах было тихо. Только снизу, из-под обрыва, доносился монотонный шум речки. Пробитая по карнизу отвесной скалы дорога висела над самой рекой. Казалось, оступится лошадь — и неминуемо вместе с седоком очутится в бурлящем, стремительном потоке. Но чем дальше мчались казаки, тем шире становился карниз. Гора отступала от дороги и уже не дыбилась над ней непреодолимой кручей, а спускалась книзу все более отлогим откосом. Там, где дорога неожиданно повернула к реке, Чибисов осадил лошадь. Натянул поводья и его напарник. Они остановились.

— Ежели судить по солнцу, мы аккурат с обратной стороны заехали, — сказал Чибисов.

— Ну и где ж пещера? — спросил молодой казак.

Чибисов окинул пристальным взглядом склон.

— Там где-нибудь, в кустах, — неопределенно ответил он, кивнув в сторону горы. — А может, и нет ее вовсе.

— Полезем искать?

Чибисов криво усмехнулся.

— Не для того я тебя, дурака, из-под пуль увел, чтобы тебе здесь башку продырявили.

— И то верно. Спасибо, дядя Захар, — быстро сообразил молодой казак. — А што их благородию скажем?

— А ничего. Не видно никого — и говорить нечего, — рассудил Чибисов.

— Тогда, может, скупаемся? Ишь как пекет... И тихо, — обрадовался молодой казак.

— Ополоснуться неплохо, — согласился Чибисов и, легонько потянув повод, повернул коня к густому кусту можжевельника.

Тут, на лужайке, станичники сложили винтовки, разделись и, крестясь, полезли в воду.

Глава 6

Преодолев с величайшим усилием еще метра два, Ашот неожиданно почувствовал, что лаз стал расширяться. Гора, словно вдоволь натешившись над своими добровольными пленниками, смилостивилась и разжала объятия. Ашот уже мог опираться на руки. Потом встал на колени. А скоро и вовсе поднялся в полный рост.

Он очутился в просторной каменной нише, увидел солнечный свет, непривычно режущий после пещерной тьмы глаза, деревья у входа, серый пепел костра на полу и свернутую в рулон и перевязанную веревкой кошму. Поначалу он от радости не обратил особого внимания ни на пепел, ни на кошму, а перво-наперво достал из ботинка засунутую туда взводным карту и спрятал ее под подкладку своей шапки. Но потом вдруг заметил, что под пеплом еще тлеют горящие угли, а кошма даже будто шевелится... Ашот вздрогнул: значит, тут кто-то был? А возможно, есть и сейчас? Он мгновенно спрятался за большим камнем и затаился. Но кругом все было тихо. И только в кошме действительно кто-то шевелился, явно желая высвободиться из нее.

Ашот осторожно подошел к этому странному свертку и слегка приоткрыл его с одной стороны. На него в упор уставились вытаращенные от страха голубые глаза и послышался полный ужаса голос:

— А-а-а!...

Ашот проворно отпрянул назад и оглянулся по сторонам. Под каменными сводами по-прежнему, кроме него и странного, завернутого в кошму существа, никого не было. Тогда он снова открыл сверток. И на этот раз увидел белокурые волосы и лицо девчонки. Она снова начала было кричать, но Ашот, не церемонясь, зажал ей рот рукой.

— Замолчи! — зашипел он. — Чего орешь?

— А ты кто такой? — тараща на него глаза, спросила Женя.

— Какая разница! — фыркнул Ашот. — Скажи лучше, зачем ты туда залезла?

— А ты не с ними? — спросила Женя.

— С кем?

— С бандитами!

— С какими бандитами?

— Которые меня связали!

— Ни с какими я не с бандитами, — сказал Ашот и начал развязывать веревку. Она оказалась затянутой так крепко, что некоторые узлы пришлось растягивать зубами. В конце концов ему удалось выволить Женю из кошмы. Он схватил ее за руку и буквально потащил за собой. А когда, продираясь через заросли, попытался отпустить, то почувствовал, что не он ее, а она его держит крепко-накрепко. Так они бежали до тех пор, пока лес не поредел и пещера не осталась далеко позади. И тут они, не сговариваясь, свалились на траву, чтобы отдышаться от сумасшедшего бега. И только тогда Женя разжала руку, отпустила Ашота и стала его разглядывать.

— Почему ты такой грязный и рваный? — удивилась она.

— Цха! Побывала бы ты там, где я был, посмотрел бы я на тебя, — усмехнулся Ашот.

— А где ты побывал?

— Это неважно. А вот как ты в пещере очутилась?

Женя рассказала всю свою историю. Ашот с интересом слушал ее, сочувственно качал головой, вздыхал, поминутно повторял: «Вай-вай-вай!»

— И зачем ты им понадобилась? — не понял он главного.

— Они за меня у дедушки выкуп требуют, — объяснила Женя.

— Деньги? И сколько?

— Миллион.

Ашот даже привскочил:

— Это же целый мешок денег!

— А что я, по-твоему, меньше стою? — обиделась Женя.

— Не знаю, — пожал плечами Ашот. — Смотри что ты умеешь делать. Лаваш печешь? Хаш хорошо готовишь?

— Совсем не умею, — ответила Женя.

— Ухаживаешь за виноградом? Прядешь шерсть?

— Да ты что! — отмахнулась Женя.

— Тогда за что миллион?

Женя начала было рассказывать о дедушке, но Ашот прервал ее.

— Где, ты говоришь, он живет? — спросил он.

— В Благодати, — ответила Женя.

— Вот туда мне и надо! — Ашот быстро встал, но Женя снова схватила его за руку.

— Не бойся меня, — взмолилась она. — Я пойду с тобой.

Ашот от неожиданности замялся. Дело принимало совершенно непредвиденный оборот. Он совсем не знал эту городскую девчонку. И хотя она была ему симпатична, он понимал, что она будет мешать ему в пути и он из-за нее лишь потеряет драгоценное время. Поэтому он попытался ее отговорить:

— Я очень быстро пойду. Ты за мной не успеешь.

— Успею! — еще крепче сжала Женя его руку. — Я буду бежать за тобой. И не отстану ни на шаг.

В голосе ее звучала такая мольба, что Ашот заколебался. «А может, и на самом деле не помешает? — подумал он. — Бегает она, действительно, как коза. И не хнычет... И дорогу знает...» Но тут он вспомнил напутствие взводного командира: «На тебя на одного вся наша надежда». И ответил тоже себе: «Наверняка не разрешил бы... Потому как дело такое, особое...»

— Я одна никогда не дойду до дома, — просила Женя.

«И Одинцов тоже не разрешил бы тратить на нее время», — думал свое Ашот.

— Ты человек или нет? Что ты молчишь? — На глазах у Жени блеснули слезы.

«А Серега? — вспомнил своего кареглазого друга Ашот. — Серега, пожалуй, не оставил бы человека в беде, даже если бы увидел его в первый раз». Ашот неожиданно улыбнулся.

— Ладно, пойдем, — сказал он и предупредил: — Только слушаться меня во всем.

— Хорошо! — обрадовалась Женя.

Они побежали дальше. Миновали редкий лес и увидели внизу кусты и дорогу. Ашот остановился. Надо было оглядеться: этого требовала осторожность. Но кусты мешали широкому обзору, и Женя проворно забралась на большой, поросший мхом камень.

— Там река, — сообщила она свои наблюдения. — А в ней какие-то дядьки купаются...

— Какие дядьки? — насторожился Ашот и вслед за Женей полез на камень.

— И лошади две возле куста, — продолжала Женя.

Но Ашот уже и сам хорошо видел все, что делалось на берегу. И даже разглядел то, чего не заметила Женя. Тут же возле куста, к которому были привязаны лошади, на траве лежали две винтовки, казачья форма и стояли, поблескивая на солнце голенищами, две пары сапог.

Ашот слез с камня, потянул за собой Женю. Наверное, лицо у него было очень растерянным, потому что Женя даже испугалась.

— Что случилось? — с тревогой спросила она.

— Казаки, — шепотом ответил Ашот.

— Ну и хорошо, — обрадовалась Женя. — Надо сейчас же рассказать им все о бандитах.

Ашот от неожиданности даже поперхнулся.

— Ты что? Кому рассказывать? Сами они бандиты. Еще хуже бандитов! — сказал он и укоризненно покачал головой.

— Да уверяю тебя, они ничего плохого нам не сделают, — запротестовала Женя.

Но Ашот не стал ее слушать.

— Сразу видно, что мы с тобой разные люди.

— Почему?

— Наверное, потому, что ты богатая, — серьезно сказал Ашот. — Ты миллион стоишь. А я? Да что я... Если все наше село продать — то

половину таких денег не наберешь. Я тебе больше ничего не скажу. Но мне никак нельзя казакам попадаться.

— Да почему? — не могла понять его Женя.

— Врозь нам идти надо, — вместо объяснения сказал Ашот.

Но Женя снова схватила его за руку.

— Нет! Я пойду только с тобой! И ни о чем тебя больше спрашивать не буду, — пообещала она.

И опять ему стало жалко ее.

— Ладно. Второй раз ты меня уговорила, — сказал он. — Но теперь быстрее в Благодать.

— А как же мы пойдём? Поднимемся обратно в горы? — мгновенно забыв о своем обещании, снова спросила Женя.

— Там не пройдешь. Там пропасть, — сказал Ашот. — Один у нас путь, по дороге.

— Но там казаки...

— Что-нибудь придумаем. Посиди здесь, — попросил он и пополз в кусты ближе к дороге.

Что он задумал, Женя, естественно, не знала. Ее больше беспокоило, чтобы Ашот не уполз совсем. Но он через несколько минут вернулся.

— Ты верхом ездить умеешь? — вполголоса спросил он.

— С ума сошел! Мне дедушка даже близко не разрешал подходить к лошадям.

Ашот добродушно усмехнулся:

— А еще миллион стоишь! Ну да ладно. Будешь делать, что я скажу. Ползи вон до той, самой крайней сосны и спускайся на дорогу. И возвращайся не торопясь по дороге сюда. Они подумают, что ты откуда-то издалека идешь. И при тебе постесняются вылезать из воды...

— А ты куда пойдешь? — не дала ему договорить Женя.

— У тебя все одно на уме, — нахмурился Ашот. — Ждать тебя буду!

— Смотри, — пригрозила ему пальцем Женя и, прячась за кусты, поползла к сосне, стоявшей у самой дороги.

Скоро ее не стало видно. Ашот подождал еще немного и тоже пополз к дороге. А точнее, к тому кусту, возле которого лежали

винтовки и к которому были привязаны кони. Он понимал, что, если казаки увидят его, ему несдобровать. Но другого выхода не было. Ждать, когда казаки уйдут? Они могли просидеть тут и день, и два. Обходить их стороной? Но склон горы обрывался глубокой пропастью, и перебраться через нее нечего было и думать. Оставалось одно — именно то, что он задумал. И он полз, старательно прижимаясь к земле. Вот и куст. Кони давно уже настороженно поглядывали в его сторону, стригли ушами, пофыркивали, но особой тревоги пока не поднимали. Очевидно, потому, что хорошо видели его. Казаки были за кустом и ниже. Они его видеть не могли. Но они уже увидели Женю. Это он понял по их разговору.

— Тю, бабу нелегкая несет, — сказал один из них недовольным тоном.

— Да это ж девка, дядя Захар. И то малая, — поправил его другой.

— Все одно, вроде срамотно при ней вылезать, — буркнул первый и добавил: — Ну-ка шумни ей, чтоб побыстрее проходила.

— Ей! Давай поскорей! Ходят тут разные! — окликнул Женю его напарник.

Ашот понял: его расчет оправдывает себя. Но действовать надо без промедлений. И первым делом — обезоружить врага. «Вот так вынимается затвор», — вспомнил Ашот, как учил его Серега. Он повернул рукоятку, открыл затвор, нажал на спусковой крючок и вытащил затвор из затворной коробки. Точно ту же операцию он проделал и со второй винтовкой. А потом, не теряя драгоценного времени, забросил оба затвора в кусты. Теперь, даже если бы казаки и обнаружили его, он еще мог от них удрать. Во всяком случае, пустить в ход винтовки они уже не могли. Но это было лишь полдела. Надо было еще уйти от казаков.

Стараясь, чтобы его не заметили, Ашот отвязал коней, с ловкостью кошки вскочил на одного из них, хлестнул его, а другого коня потянул за собой на поводу. Кони легко сорвались с места и в один миг вынесли его на дорогу, навстречу Жене. Казаки, как ошпаренные, выскочили из воды и ошалело заорали ему вслед:

— Стой!

— Стой, поганец!

— Стреляй его, вражину, Петруха!

Но Ашот не обращал на эти вопли никакого внимания. Он даже не оглянулся назад. Он подскакал к Жене и, едва остановив коней, протянул ей руку.

— Залезай скорее, — скомандовал он и, подхватив Женю за руку, почти втащил ее в седло. Потом стегнул коней и поскакал вдоль дороги. Ашот хорошо сидел в седле. А Женя так вцепилась в его куртку, что оторвать ее от него нельзя было никакими силами.

Они проскакали, не встретив никого, километра три. Однако бесконечно так продолжаться не могло. Хотя и тревожное было время, дорога не пустовала. А если бы кто-нибудь увидел столь необычных всадников, то уж, конечно, заподозрил бы что-то неладное. Поэтому у развилки дороги Ашот остановился и слез на землю. Потом быстро и ловко расседлал коня, которого вел на поводу, сбросил седло в обрыв, снял узду, закинул ее в кусты, а самого коня крепко стегнул хворостиной. Скакун заржал и, почувствовав свободу, понесся в горы.

— Куда он? — спросила Женя.

— Там, за поворотом, хороший луг. Пусть попасется. — Ашот снова забрался в седло.

Они могли продолжить путь и скоро выехали бы на большак. Но Ашот боялся большой дороги и решил ехать по тропам, а то и вовсе по кустам, лишь бы подальше от чужого глаза. Однако в горах проезжих путей не так-то много, и волей-неволей очень часто приходится ехать не там, где хотелось бы, а там, где можно. Так случилось и с ними. Как ни старался Ашот держаться подальше от большой дороги, а спуститься на нее пришлось. И скоро впереди показалось село. Объехать его стороной было нельзя. Слева домишки лепились прямо к скале. Справа, сразу же за огородами, начинался обрывистый берег реки.

Проехать через село на коне или даже провести его за собой на поводу было равносильно тому, что добровольно выдать себя с головой. Конь-то явно, по всем статьям, был военный, под казачьим седлом и в армейской узде. Конечно, проще всего было бы и этого скакуна прогнать в горы и дальше идти пешком. Но до Благодати было еще далеко, и у Жени наверняка не хватило бы сил. Значит,

пришлось бы останавливаться, отдыхать. А время бежало, летело, и патронов у защитников пещеры, Ашот знал, становилось меньше с каждой минутой... Нет, идти пешком они не могли. Женю надо было на чем-то везти. Надо было снова искать выход из положения, и Ашот задумался.

— А мы есть что-нибудь будем? — спросила вдруг Женя.

— Есть? — Ашот даже не сразу понял, о чем она говорит.

— Ну да, есть, — повторила Женя. — Чувствуешь, как вкусно пахнет?

Ашот невольно втянул носом воздух и сразу почуял запах шашлыка. Ел он последний раз вместе с Серегой еще в обозе, ровно сутки назад. Пообедали они тогда, покормили раненых, двинулись по дороге дальше, а потом началось...

— Барашка жарят, — глотая слюну, сказал он.

— Может, хоть хлебца нам дадут, — вздохнула Женя.

— Шомполов нам дадут, если поймают. — Ашот остановил коня, спешился и помог Жене спрыгнуть на землю. Он кое-что уже придумал и теперь, подстрекаемый голодом, начал действовать энергично. Послав Женю наблюдать из-за камней за селом — нет ли там белых, — Ашот расседлал скакуна и, как и в первом случае, бросил седло в речку. Женя скоро вернулась и сообщила, что в селе, очевидно, никого чужих нет. Собаки не лают. Жителей тоже почти не видно. По улице бродят куры и овцы...

— Тогда иди в село впереди меня. Будто мы и знать друг друга не знаем. Ты сама по себе, а я сам по себе, — сказал Ашот. — А за селом спрячься где-нибудь и жди меня.

— Хорошо, — сказала Женя. И добавила: — Только ты недолго.

Ашот в ответ махнул рукой: «Иди!»

Женя заспешила. А он, подождав и поотстав от нее, повел коня прямо к дому лавочника.

Село было ему знакомо: он бывал в нем раньше. Ашот подошел к лавке и, привязав коня у крыльца, по ступеням поднялся в дом. В лавке хозяин и хозяйка, уже немолодые, толстые, один с аршином, другая с ножницами в руках мерили и резали материал. На Ашота они взглянули мельком и продолжали свое занятие. Покупателей в

лавке не было, и Ашоту это было на руку. Он откашлялся для важности и, понизив, насколько мог, голос, спросил:

— Кто здесь хозяин?

Толстяки снова мельком взглянули на него, и мужчина сердито буркнул в ответ:

— А ты что, слепой?

— Вас двое. А мне хозяин нужен, — нимало не смутившись, продолжал Ашот.

— Зачем он тебе? — спросил мужчина.

— Дело есть, — ответил Ашот.

— Какое дело? И кто ты такой? — снова спросил лавочник.

— Табунщики мы. На Черных камнях пасем. Знаешь? — в свою очередь спросил Ашот.

— Ну и что? — насторожился лавочник.

— Меня старший прислал. Ишак нам нужен, — объяснил Ашот.

— Ха! — засмеялась жена лавочника. — Ишак всем нужен.

— Мы заплатим, — сказал Ашот.

— Кто «мы»? Царь Николай второй? — засмеялся теперь уже и лавочник.

— Старший придет — заплатит, — сказал Ашот.

— Ну вот, когда придет, принесет деньги, тогда и будем говорить, — отрезал лавочник.

— Мне ишак сейчас нужен, — на своем стоял Ашот.

Жена лавочника всплеснула толстыми, как колбаса, висевшая на полке, руками.

— Он считает нас дураками! Кто же даром даст тебе ишака?

— Зачем даром? — усмехнулся Ашот. — Я вам в залог оставляю коня.

За прилавком прекратилась всякая суета. Потом лавочник изобразил на своем масленом, как блин, лице что-то вроде улыбки и переспросил:

— Коня, говоришь?

— Да! — холодно отчеканил Ашот.

— Где же он? — пожелал узнать лавочник.

Ашот указал на окно. Лавочник и его жена проворно вышли из-за прилавка и прильнули к стеклу. Ашоту даже показалось, что они о

чем-то пошептались. Но он не слышал их слов. Он, не отрываясь, смотрел на колбасу. И в животе у него словно кошка вдруг поскребла лапой. Только на второй, а может быть, даже на третий раз Ашот услышал, о чем его спрашивает лавочник:

— Это твой конь?

— Он самый, — снова настраиваясь на деловой тон, заверил Ашот.

— А может, ты украл его? — хихикнул лавочник.

Ашот понял: настал самый критический момент. И если он сейчас не убедит лавочника, ему уже никогда не удастся осуществить свой план. Он придал своему лицу самое презрительное выражение и даже сердито сплюнул.

— Тьфу! Я напрасно трачу время! Мне говорили — иди к попу, он даст двух ишаков, — сказал Ашот и решительно повернулся к выходу.

Он уже не видел, как у лавочника широко, словно собирались выкатиться, раскрылись глаза. Как он глотнул ртом воздух, точно рыба, выброшенная на берег, и протянул вслед за Ашотом руки. Но он услышал его голос:

— Подожди, дорогой! Зачем идти к попу? У святого отца и так всего много!

— Ему сам господь бог помогает! — вторила мужу толстая лавочница.

Ашот обернулся.

— Кто же нам, бедным людям, поможет? — схватил Ашота за руку лавочник. — Я теперь вспоминаю: у Черных камней всегда пасли табун.

— Так что будем делать? — спросил Ашот.

— Веди коня во двор, — сказал лавочник.

— А где ишак? — снова спросил Ашот.

— Он там уже давно тебя дожидается, — заискивающе улыбался лавочник.

Ашоту очень хотелось попросить у лавочника в придачу к ишаку еще немного колбасы и хлеба. Но он побоялся, что это вызовет подозрение и расстроит так великолепно совершенную сделку. И промолчал. А чтобы ненароком какие-нибудь слова по этому поводу

у него не вылетели изо рта сами, крепко, до боли в зубах, сжал челюсти.

Когда Ашот завел во двор коня, лавочник так быстро закрыл за ним ворота, что было похоже, будто за ним гнались собаки. Он сразу же подвел коня к кормушке, насыпал в нее овса, стал гладить его шею и, кажется, совсем забыл об Ашоте. Он даже не оглянулся, когда Ашот повел со двора ишака. Но Ашоту было не до проводов. Ему все еще казалось, что лавочник вот-вот одумается, и он спешил убраться из села.

Женя встретила его за околицей.

— Где наш конь? — изумилась она.

— Теперь это — наш конь, — важно сказал Ашот.

— Как же мы поедем на нем? Он таков маленький...

— Ты поедешь, — объяснил Ашот.

— А ты?

— А я буду вас обоих погонять. А то вы и за неделю не доберетесь до своей Благодати.

Ашот помог Жене забраться на спину длинноухого «скакуна» и похозяйски хлопнул его ладонью по крупу:

— Шевелись, душа любезный! Нам еще топать и топать.

Ашот не знал, что когда он скрылся за поворотом, лавочник схватился за живот от смеха, как ему здорово удалось надуть мальчишку и почти задаром приобрести такого красавца скакуна. Но жена лавочника стояла в сомнении.

— Чему радуешься, конь-то и правда ворованный! Видно, что военный.

— Это сейчас видно! Ночью перекуем, пострижем гриву, поменяем узду и угоним в горы. Месяц-другой пройдет, тут и белые, и красные сто раз переменятся! Кто тогда его найдет?

— А я бы и ночи ждать не стала, — сказала лавочница. — Тропа в горы прямо за садом начинается...

— А... — лавочник отмахнулся от нее, как от назойливой мухи. — Свинья не выдаст, боров не съест.

Глава 7

За селом навстречу Жене и Ашоту протарахтела арба, прогнали овец, везли сено, шли женщины с большими кувшинами на плечах.

Все это были мирные люди, занятые своими заботами и делами. И наверняка никто из них не желал зла ни Ашоту, ни Жене. Но они видели ребят, с любопытством их разглядывали, особенно по-городскому одетую Женю, так неумело сидевшую на спине ишака. Это очень не нравилось Ашоту. Женя явно не думала ни о какой опасности. И наверное, даже о бандитах забыла. Но он-то прекрасно понимал, что казаки не станут сидеть сложа руки, что они или уже начали их искать, или вот-вот рванут за ними в погоню. При этом они будут спрашивать всех встречных и поперечных, не попадались ли им в пути двое, лет по двенадцати, один оборванный, другая в модном городском платье и сапожках. И тогда любая из этих только что встреченных ими на дороге крестьянок, со страху не задумываясь, даст казакам все интересующие их сведения.

Ашот был бы рад свернуть с дороги снова в горы. Но, как назло, им не попадалось ни одной тропы. Он присматривался к окрестностям, ничего не находил и беспрестанно подгонял ишака. На душе у него было тревожно.

Женя молчала. Казалось, она всецело была поглощена своими мыслями. И вдруг Ашот услышал, как она всхлипнула. Он посмотрел на нее и увидел на ее щеках слезы.

— Чего ревешь? — сурово спросил Ашот.

— Есть хочу. — Женя размазала по лицу слезы.

— А я, думаешь, не хочу? — Ашот смягчился и подумал, что, пожалуй, все же зря не вытребовал у лавочника колбасы и хлеба.

— Я сутки в рот не брала ни крошки, — всхлипывала Женя.

— Я тоже, — сказал Ашот. Но воспоминания об этих сутках, за которые так много всего произошло, вернули его к мысли о том, ради чего он почти бежал сейчас по этой пыльной дороге, немилосердно нахлестывая ишака. В нем словно вдруг что-то оборвалось. И он продолжал уже совсем иным тоном: — Ну и что из этого? Мы с тобой здоровые! Катаемся, понимаешь, на свежем воздухе. А там люди гибнут. Раненые без воды мучаются!

Теперь пришла очередь недоумевать Жене.

— Какие раненые? О чем ты говоришь? — она уставилась на Ашота.

Он понял, что сгоряча выпалил лишнее. Но у него тоже силы были на исходе.

— А... — неопределенно махнул он рукой вместо объяснения.

— Не хочешь говорить, тогда накорми меня, — капризно сказала Женя.

— Чем? — пожелал узнать Ашот.

— Мне совсем чуть-чуть надо, — взмолилась Женя. — Совсем маленький кусочек хлеба.

— Где я его возьму?

— Попроси у кого-нибудь. Вон впереди деревня! — указала она рукой.

Женя сидела на ишаке, и ей было видно, что там впереди. Ашот же шел сзади и ничего не видел. Но сейчас он привстал на цыпочки и тоже увидел в низине серые крыши домов. «Может, на самом деле достать чего-нибудь съестного? Идти еще далеко. Может, и в горах прятаться придется. Тогда голодным крышка. Оба ноги протянем», — подумал Ашот и сказал:

— Хорошо. Я достану еды. Но только дальше ты пойдешь пешком.

— Пожалуйста! — даже обрадовалась Женя. — Думаешь, такое большое удовольствие сидеть на твоём осле?

— И еще! — оставил ее без ответа Ашот. — Будешь мне помогать.

— В чем? Что надо делать? — сразу оживилась Женя.

— Делать — ничего. Молчать надо, — потребовал Ашот.

— Что значит «молчать»? — не поняла Женя.

— Совсем молчать. Будто совсем говорить не умеешь. Будто ты немая!

Женя задумалась.

— А обманывать нехорошо, — вдруг сказала она.

— Знаю, — согласился Ашот.

— А зачем тогда учишь?

— Не обманывать учу. Молчать учу. Это разные вещи.

— А почему я должна молчать? — Женя хотела знать истину.

— Потому, — Ашот подыскивал слова, — что хотя ты и стоишь миллион, все равно обязательно что-нибудь не то скажешь.

— Значит, ты мне не доверяешь, — сделала вывод Женя.

— Доверяю. Но не совсем, — уточнил Ашот.

Так с разговорами они зашли в деревню. Ашот сразу выбрал дом побогаче и погнал к нему ишака. Возле дома он остановился и постучал в окно. Окно открылось. На улицу выглянул сморщенный старик с большим носом и маленькими подслеповатыми глазками. Посмотрев на Ашота и, очевидно, решив, что тот просит милостыню, он сердито спросил:

— Зачем беспокоишь?

— Купи ишака, добрый человек, — без дальних разговоров предложил Ашот.

— Кто продает? Ты? — не поверил старик.

— Откуда у меня может быть ишак, добрый человек? Она продает, — кивнул Ашот в сторону Жени. — Мое дело — погонщик.

— Она? — оценивающе взглянул на Женю старик. Но, очевидно, городская одежда Жени внушила ему доверие, и он продолжил разговор: — Сколько же она за него хочет?

Ашот назвал цену. Подслеповатые глаза старика раскрылись и стали круглыми, как у орла. Ашот испугался, что старик рассердится, и быстро добавил:

— Не дороже, чем все просят, добрый человек. А ишак что надо. Хорошему коню не уступит.

Старик не дослушал. Он с шумом захлопнул окно и скрылся за занавеской. Ашот не ожидал такого оборота и невольно обернулся и посмотрел на Женю. Та молчала. Но глаза ее лучились откровенной усмешкой. Это совсем обескуражило Ашота, тем более что не он, а она только что плакала и просила его раздобыть хоть кусочек хлеба. Ашот уже собрался было задать ей вопрос, что, собственно, так развеселило ее, как дверь дома распахнулась, и на крыльце появился тот же старик, но уже в большой мохнатой шапке. И уже не орлиные глаза, а горящие угли светились у него из-под нависших бровей. Старик проворно спустился по лестнице и дважды обошел ишака, насквозь прожигая его пристальным взглядом. Потом он спросил Женю:

— Ваша скотина?

Женя отрицательно покачала головой. Ашот остался этим доволен. Но у старика глаза засверкали еще сильнее.

— А чья же? — сразу насторожился он.

— Дедушкина, — совершенно четко вдруг ответила Женя.
— А где дедушка? — сотворил что-то наподобие улыбки старик.
— Болен, — также категорично ответила Женя.
— Чем болен? Тифом? — сразу отпрянул старик.
— Сердце у него болит, — успокоила его Женя.
Старик снова заулыбался.

— А, это хорошая болезнь, очень хороший, — забормотал он. — И ишак тоже хороший. Я его покупаю. Только зачем вам, мои дорогие внучки, деньги? Что они сейчас стоят? Одно название. И те, того и гляди, жулики украдут. Послушайте меня — старого человека. Я дам вам козу.

— Козу? — так и поперхнулся Ашот.

— Самую хорошую, — заверил его старик. — И еще столько хлеба и сыра, сколько вы унесете.

— Да зачем нам коза? — завопил Ашот.

Старик изобразил на своем морщинистом лице крайнее удивление.

— Как зачем? — развел он руками. — Коза это шерсть. Это шкура. Это мясо. Это такое молоко, от которого самое больное сердце поправится. Пусть меня накажет господь бог, если я вру!

Сказав это, он набожно перекрестился и дважды громко хлопнул в ладоши. Все остальное завершилось в считанные минуты. Старик быстро загнал ишака во двор, крикнул какой-то женщине, чтобы она поскорее приготовила лаваш и чанах, а сам скрылся в сарае. Через минуту он уже выгнал оттуда во двор козу. Коза была белоснежная и очень красивая. У нее были небольшие рожки, черная звездочка на лбу, огромные темные глаза, а на шее красивый пунцовый бант. Коза сказала «Бе-е-е-е» и грациозно помотала головой.

— Точно как у Эсмеральды! — воскликнула Женя и захлопала от восторга в ладоши.

— Даже лучше, хотя я, честное слово, не знаю, где живет этот ваш Эсмеральд, — сказал старик и протянул Жене веревку, за которую была привязана коза.

В это время во дворе появилась женщина, по самые глаза закутанная черным платком. Она вынесла ароматно пахнущий хлеб и сыр. Вид и запах съестного так подействовал на голодных ребят, что

они, сразу забыв обо всем на свете, схватили у женщины и то и другое и, не взглянув больше ни на старика, ни на женщину, поспешили вместе с козой со двора. А старик, в свою очередь, поспешил скорее закрыть за ними ворота.

На улице Женя тянула козу за веревку, а Ашот покрикивал на нее сзади. Коза послушно бежала вперед. Однако возле крайних домов ее бег заметно стал медленнее. А за околицей она и вовсе пошла шагом.

— Слушай! Мы так и до вечера не дойдем! — взмолился Ашот и свернул с дороги на тропу, ведущую в гору.

Коза прошла от поворота шагов десять и пошла еще медленнее.

— Я вот тебе сейчас задам! — грозно прикрикнул на козу Ашот и, перехватив у Жени из рук веревку, потянул сильнее. Красивая коза на сей раз сказала «М-е-е-е-е» и замотала головой. Ашот уперся. Веревка лопнула. Ашот бросил веревку и схватил хворостину.

Глава 8

Дважды казаки пытались взять пещеру штурмом и оба раза с большими потерями откатывались назад. Есаул Попов неистовствовал, божился, что не оставит в живых ни одного защитника каменного гарнизона. Но прорваться через баррикаду, закрывающую вход в пещеру, казакам так и не удалось. Они пробовали забросать баррикаду гранатами. Однако оказалось, что обороняющиеся успели воздвигнуть в пещере второй вал из камней, так что гранаты не нанесли защитникам пещеры существенного урона.

— Всех задую! Голодом заморю! Шкуру с живых сдеру! Ремни на спине вырежу! Понадобится — неделю тут простою! Две! Три! Но ни одной живой душе не дам выйти наружу! — кричал из-за укрытия Попов защитникам пещеры.

В ответ прогремело несколько выстрелов. Пули зацелкали по камням, ранив осколками есаула в лицо. Попов выругался, сел на разостланную бурку и приказал подать водки. В этот момент перед ним предстал Чибисов со своим напарником. Оба растрепанные, мокрые от пота, без лошадей, с винтовками без затворов. Чтобы добраться до своих, им пришлось лезть через гору. Есаул сразу понял по их виду, что с казаками случилось что-то недоброе.

— Ну? — грозно прорычал он, уставившись на Чибисова тяжелым, как свинчатка, взглядом.

— Выхода из пещеры по ту сторону горы, ваше благородие, мы не нашли, — вытягиваясь в струнку, доложил Чибисов.

— А почему в таком виде? Почему пешком? — еще больше нахмурился Попов.

Чибисов рассказал все, что с ними случилось.

— Что? Два шкета? — не поверил своим ушам Попов. И вдруг взорвался: — Врешь! Оба врете, каналы! — рявкнул он и плеснул в лицо Чибисову недопитую водку из стакана.

— Как есть, сущая правда, ваше благородие! — вытаращив глаза, оправдывался Чибисов.

— Так как же они тогда вас одурачили? — ничего не желал слушать Попов. — Связные это их были! А вы их упустили. А теперь врете мне! И про выход врете! Под трибунал пойдете!

Чибисов и его напарник стояли бледные как полотно.

— Всю жисть верой и правдой служу, ваше благородие. И тапереча нет моего обмана. Уж не знаю, кто они такие, но своими глазами видел — малец и девчонка. На коня вскочили и ходу, — поклялся Чибисов.

— Куда же они поскакали?

— Не могу знать, ваше благородие. Только дорога тут одна до самой Благодати. А там на мосту патруль наш. И деться им некуда. Окажите последнее доверие, ваше благородие. Век буду бога молить — разрешите поймать поганцев? — бухнулся перед ним на колени Чибисов.

Попов поднялся с бурки.

— Не разрешаю. А приказываю. И сам с вами поеду! И если ты мне не докажешь, что все было именно так, а не иначе — запорю шомполами! — пообещал Попов и вскочил на коня.

Через несколько минут пять всадников, нахлестывая коней, уже мчались по дороге.

Впереди скакал Чибисов. Он спешил и старался. Конечно, не очень-то было приятно ему, георгиевскому кавалеру, выслушивать распекаания есаула. Но слава богу, что дело только этим и ограничилось. Крутой нрав есаула знали все. И если он обещал

вкатить сотню-другую шомполов — можно было не сомневаться: вкатит. И Чибисов спешил...

Они выехали к тому месту, где купались.

— Аккурат тут все было, ваше благородие, — приосадив коня, доложил Чибисов.

Попов в ответ только мрачно взглянул на него и, не останавливаясь, помчался дальше. Доскакали до развилки дорог и остановились.

— Так куда же они направились? — нетерпеливо спросил Попов.

Казачи спешили, разбрелись по обоим направлениям, внимательно разглядывая следы подков.

— Нашел! Нашел, ваше благородие! — раздался вдруг счастливый голос молодого казака. — Седло свое нашел!

Все обернулись на его голос. Молодой казак указывал под обрыв. У самой воды, на ветвях старой ветлы, словно подстреленная птица с распростертыми крыльями, висело седло. Очевидно, у Ашота не хватило силенок добросить его до воды, и оно застряло на дереве. Казака спустили на ремне вниз, он подхватил седло и поднял его вверх.

— Мое! Ей-богу, мое! — повторял он.

— Мне те двое нужны! — оборвал его Попов.

— Похоже, следы и туда и сюда пошли, господин есаул, — доложил казак.

Попов посмотрел на карту.

— У деревни обе дороги сходятся. Двое давайте налево, остальные за мной, — приказал он.

Казачи разъехались. Группа Попова проскакала еще версты три и нашла второе седло. Теперь уже радовался Чибисов и благодарил царицу небесную матушку-заступницу за то, что не оставила вниманием раба своего.

— Не уйдут, ваше благородие. Под землей, а найду. Истинный крест! — клялся он.

— А не найдешь — я свое слово держать умею, — предупредил есаул.

У околицы остановились. Подождали тех, кто поехал в объезд. Скоро казачи спустились с горы, гоня перед собой угнанного у них

коня.

— Только в горы заехали, а он тут как тут, пасется на лугу. Мы к нему, а на нем узды нет, — рассказывали они.

— А этот след напрямиком в деревню ведет, — доложил Чибисов.

— Почему знаешь? — недоверчиво спросил есаул.

— Мой конь, ваше благородие, на правую сторону особыми подковами кован. По четыре шипа на каждой. Чтоб ненароком в обрыв не слетел. Вон, на дороге, все видно, — объяснил Чибисов.

Есаул нагнулся с седла, посмотрел на необычный след.

— По-умному уходят твой беглецы, Чибисов. Вряд ли проехали они через деревню, — заметил он.

— Вот и я думаю, ваше благородие, не стоит нам за ними дальше гнаться, — обрадовался Чибисов тому, что голос есаула стал мягче. — Разрешите, я наперед на своих двоих разведу?

— Давай, — кивнул есаул.

Чибисов как собака метнулся по следу и безошибочно вышел к дому лавочника. За ним, не торопясь, двигалась вся группа. След подвел Чибисова к коновязи, потом к воротам...

— Похоже, здесь они, ваше благородие, — доложил Чибисов.

Есаул сделал знак рукой. Казаки тотчас окружили дом. А Чибисов ловко перемахнул через забор и очутился в саду. Там он снова нашел след двойных шипов, который привел его к сараю. Чибисов распахнул ворота сарая и сразу же увидел своего вороного. Конь приветливо заржал. Чибисов быстро отвязал его и вывел из сарая. И тут перед ним, словно из-под земли, появился лавочник. Жирное небритое лицо его расплылось в угодливой улыбке.

— Вот и хозяин нашелся. А я думаю, где его искать, — залезил он перед казаком.

— Пой, пой, — мрачно оборвал его Чибисов. — Мы еще дознаемся, как он к тебе попал.

— Привели мне его. Накажи меня господи, привели! — поклялся лавочник.

— А ну, пошли к есаулу! — Чибисов схватил за шиворот лавочника и потащил к воротам.

Лавочник не упирался: саженого роста казак мог ведь и ребра переломать. Он только оправдывался:

— Я ему овса дал. И хлеба дал. И воды ключевой принес...

— Мели, мели... — Чибисов вытолкнул лавочника из ворот.

Есаул Попов начал допрос без лишних слов.

— Так откуда у тебя, любезный, этот конь? — спросил он, поигрывая нагайкой.

Лавочник решил представить все господину офицеру в самом выгодном для себя свете.

— Я сразу догадался, что это ваш конь. И подумал: надо забрать его у мальчишки.

— Что же он, так тебе его и отдал, за здорово живешь? — усмехнулся Попов.

— Какое! Лучшего ишака взамен взял! — поклялся лавочник.

— Говори, куда делся этот оборванец!

Лавочник угодливо развел руками.

— Этого, господин офицер, не знаю.

— Пойдешь с нами, — решил есаул. — Поищешь своего длинноухого. Найдешь — твое счастье. Не найдешь — казачки научат тебя, как зариться на казенное имущество.

На лице у лавочника отразился испуг.

— Господин офицер, где же я его буду искать? Помилуйте! — взмолился он.

— Помилуем его, казачки? — усмехнулся есаул.

Казачки плотным кольцом окружили лавочника.

— Да что с ним толковать, ваше благородие, — выступил вперед Чибисов. — Все они одним миром мазаны. Куда узду замотал, волчья сыть?

Лавочник в страхе отшатнулся. Но было поздно. Чибисов резко взмахнул нагайкой и со свистом опустил ему на спину. Лавочник взвыл от боли. И этим только развеселил казаков. Удары посыпались на него со всех сторон и продолжали сыпаться до тех пор, пока есаул не остановил своих подчиненных.

— Ему еще ишака искать, казачки.

Лавочника взгромоздили на свободного коня, и вся группа поскакала по дороге на Благодать.

Глава 9

Как только тропа привела ребят в горы, Женя сразу попросила:

— Давай присядем на минуточку...

— Какое присядем! Не видишь — темнеет! — завопил Ашот, подгоняя козу.

Женя огляделась по сторонам. Солнце уже скатилось за гору и оттуда посылало в небо желтоватые, белые и розовые лучи. Они устремлялись в синюю высь в там бесследно таяли. В лощинах, под кручами, и в ущельях начали сгущаться сумерки. И от этого, казалось, посинел и загустил весь воздух над горами.

— А как же мы будем есть? — снова спросила Женя.

— Как все люди, на ходу! — Ашот оторвал кусок лаваша, сунул его в рот и аппетитно задвигал челюстями.

— А дедушка говорит, что на ходу есть вредно, можно подавиться, — заметила Женя.

— Ха! — непроизвольно вместо ответа вырвалось у Ашота.

И слышались в этом возгласе и насмешка, и удивление, и негодование.

— Я не то что на ходу, на бегу всю жизнь согласен есть. Лишь бы было что, — сказал он и снова набил рот хлебом и сыром.

— А еще дедушка говорит, что перед едой надо руки помыть, — продолжала Женя.

Ашот посмотрел на свои руки, повернул их ладонями вверх, вниз, потом вытер о бока своей куртки и, решив, что сделал все, что требовалось, спокойно продолжал есть.

— И еще дедушка говорит, что руки обязательно надо мыть с мылом! — не отставала Женя.

Ашот даже остановился.

— Да? А где его взять, это мыло? У нас во всей деревне его не видели уже сто лет!

Он сказал это с обидой и с упреком. И Женя смутилась. Поняла, что, пожалуй, зря придирается к нему. Ведь, в общем-то, он очень хороший парень: и добрый, и сообразительный. А если многого не знает, так разве он в этом виноват? Жене стало жалко его.

— Конечно. Сейчас война, — вздохнула она.

— Вот тебе и «конечно»! — передразнил ее Ашот. Но очевидно, Женя задела его за живое. Он еще долго что-то ворчал, а потом сам перешел в атаку.

— Очень твой дедушка много знает. А про Ленина он слышал? — явно надеясь поставить Женю в тупик, почти торжественно спросил он.

Но Женя в ответ только засмеялась.

— Да Ленина весь мир знает! — совсем по-доброму сказала она. — А дедушка всегда говорил, что Ленин — самый большой человек на свете.

Ее тон, наверное, подействовал на Ашота больше всего. Он вдруг перестал ершиться:

— А вот я ничего про товарища Ленина не слышал. Только вчера мне о нем наши бойцы рассказали. И ты расскажи, что ты знаешь...

Они говорили, а шли давно уже с остановками, тянули козу за рога, подталкивали ее сзади до тех пор, пока она вдруг окончательно не остановилась.

Ашот взмахнул хворостиной и стегнул козу по спине. И в тот же момент она, вырвавшись из рук Жени, ловко поддала рогами Ашоту под бок. Ашот от неожиданности всплеснул руками и кубарем полетел в траву.

— Вай! — закричал он.

Женя расхохоталась.

— Чтоб тебя волки сожрали! — причитал Ашот, вставая.

Женя поймала козу за веревку, но та и не думала вырываться.

— Животных надо любить. С ними надо обращаться ласково, — сказала Женя.

Коза все это выслушала. А когда Ашот снова взялся за хворостину, легко поднялась на задние ноги и, стремительно бросившись вперед, дала ему такого тумака в живот, что Ашот как мяч полетел в кусты. После этого коза снова вернулась к Жене и как ни в чем не бывало ласково потерлась о ее ноги.

— Теперь я понимаю, почему этот старый черт так быстро запер за нами ворота! Вот жулик! — причитал Ашот. — Чтоб его тот ишак сбросил в пропасть!

Они свернули по тропинке в обход большого, лежавшего на пути у них камня. Прошли сквозь заросли карагача и очутились на поляне. И тотчас же на них с громким лаем бросился большой мохнатый пес.

Женя вскрикнула и нырнула за спину Ашота. А Ашот схватил с земли толстый сук и замахнулся на пса.

— Назад! — скомандовал он.

Пес лаял, но не бросался и не пытался их укусить. Он просто не хотел пускать их на поляну дальше. И еще он пытался отбить у них козу. Коза рванулась в горы, но лохматый пес немедленно ее догнал и завернул на поляну. И только тогда и Ашот и Женя увидели, что в дальнем конце поляны сбилось в табун стадо овец и навстречу им от стада идет человек — в бурке, высокой шапке, с палкой в руке. И еще они заметили в стороне от табуна неяркое пламя костра.

Человек в бурке крикнул: «Верный, замолчи!» — и пес сразу перестал лаять.

— Кто это? — испуганно спросила Женя.

— Наверное, чабан, — ответил Ашот.

Человек в бурке подошел к ребятам.

— Откуда вы? — спросил он, с любопытством разглядывая их.

— Мир тебе, — ответил Ашот.

— Хорошо. Пусть будет так. Мир вам обоим, — прекратил расспросы чабан.

Они помолчали, продолжая разглядывать друг друга. У чабана было строгое, словно высеченное из камня лицо, небольшие усы, прямой нос, внимательные и добрые глаза.

В горах темнеет быстро. Сумерки на поляне стали уже совсем серыми, и все окружающее утонуло в них, как в тумане. Разглядеть чабана досконально Ашот уже не мог. Но то, что он смотрит на них приветливо и не сделает им зла, Ашот понял сердцем. Он сам два года пас чужих овец, знал, как нелегко достается чабанам хлеб, и сразу проникся к незнакомцу полным доверием.

— Скажи, пожалуйста, куда ведет эта тропа? — спросил Ашот.

— Вокруг поляны, — ответил чабан.

— А дальше?

— А дальше снова вниз, на большую дорогу.

— А нам в Благодать надо, — сказала вдруг Женя.

Чабан, как показалось Ашоту, чуть заметно усмехнулся.

— Ночью в горах только шакалы бегают да волки, — сказал он.

— Что же нам делать? — задумался Ашот.

— Идемте к моему огню. Там виднее, там что-нибудь придумаем,
— предложил чабан.

Оставалось только согласиться. Тем более, что чабан, не говоря больше ни слова, повернулся и пошел туда, где разгорался костер.

Возле костра был устроен шалаш. Чабан пригласил ребят в шалаш и подбросил в костер хворосту. Потом он достал из мешка хлеб, лук, вареное мясо и угостил ребят.

Пока ребята ели, чабан молчал. Но когда они, по его мнению, насытились, сказал вроде бы самому себе:

— В Благодать проще всего идти нижней дорогой.

Ашот сделал вид, что не расслышал его слов. Но Женя выпалила всю правду:

— Нам там идти нельзя. Там казаки.

Ашот от ее слов даже дышать перестал. Он точно подавился бараниной, и глаза у него широко раскрылись и застыли. Чабан все отлично понял и пришел Ашоту на помощь.

— Утром я покажу вам другую дорогу. А сейчас давайте спать, — сказал он и, чтобы окончательно успокоить Ашота, добавил: — У меня с казаками тоже свои счеты.

Уснули ребята мгновенно. Усталость свалила их, словно скосила косой. И спали они крепко, как убитые. Но едва над горами появилась огненная корона солнечных лучей, чабан разбудил своих гостей. Он уже вскипятил на костре воду, заварил чай и напоил Ашота и Женю. Пока они прихлебывали из кружек душистый горячий напиток, он, не торопясь, говорил:

— Две дороги ведут в Благодать. И на обеих вы можете встретить казаков. Пробиваться вам надо третьим путем: по реке. До реки вас доведет Верный. Там сядете в лодку и поплывете вниз. Держитесь ближе к правому берегу. А наблюдайте за левым. Как увидите на левом берегу два сухих дерева у старых развалин, причаливайте к ним. Лодку привяжите к кустам, а сами бегите в лес. Идите прямо против солнца, не сворачивайте никуда. Часа через два придете в Благодать.

— А кто же лодку назад пригонит? — спросил Ашот.

— Кто надо, тот и пригонит, — заверил Ашота чабан. — Идите. Не теряйте времени. Сюда казаки в любой момент могут нагрянуть.

Ребята вышли из шалаша. Неподалеку мирно паслась их коза, а рядом с ней сидел Верный. Чабан подозвал пса и, указав рукой на Ашота и Женю, сказал:

— С ними пойдешь. Веди их к реке. Покажи лодку.

Пес в ответ завилял хвостом и ткнулся кудлатой головой в ногу хозяина.

— Хороший, хороший, — ласково потрепал пса за загривок чабан и снова обратился к ребятам: — В путь добрый.

Ашоту не хотелось прощаться с этим гостеприимным человеком, хотелось его отблагодарить. И Ашот придумал.

— Спасибо тебе за все, — сказал он. — Прощай. И возьми, пожалуйста, от нас в подарок нашу козу.

— Такой подарок можно делать только врагу, — добродушно улыбнулся чабан.

Ашот растерялся.

— Не обижай нас! Мы от чистого сердца!

— От всего сердца, — подтвердила Женя. — А дедушка потом обязательно найдет вас и еще отблагодарит.

— И вы тоже не обижайтесь, — весело сказал чабан. — Только эту рогатую ведьму у нас вся округа знает. Она с одним лишь Верным дружит. Что у вас выменял на нее старый Геворк?

— Ишака, — ответил Ашот.

— Вот плут! Ну, да ладно, пусть пасется вместе со стадом. — И чабан уже совсем серьезно добавил: — Говорят, красные уже подходят к Благодати...

— А как вас зовут? — спросила Женя.

— Сурен, — ответил чабан. — А прозвище «Каторжный». Меня тоже вся округа знает...

Верный побежал рысцой вперед. Ашот и Женя поспешили за ним. Пока шли через поляну, они несколько раз оглядывались и махали чабану руками. Он тоже один раз махнул им в ответ. А йотом стоял не шевелясь, как изваяние, и молча глядел им вслед.

— Какой хороший человек, — сказала Женя, когда чабана не стало видно. — Я никогда не думала, что в горах есть такие люди.

— Только в горах такие и есть, — гордо сказал Ашот.

— А почему он каторжный?

— Наверное, политический, потому и каторжный, — решил Ашот.
— Наш Одинцов тоже на каторге был. Даже два раза.

— Какой Одинцов? — не поняла Женя.

— Да там один... — замял разговор Ашот.

— Где «там»? Где? Ты уже сколько раз проговаривался! — обиделась Женя. — То про какой-то отряд. То про каких-то раненых. То у тебя кто-то там гибнет. Думаешь, я такая уж глупая и ничего не понимаю?

— Ничего я тебе не скажу, — Ашот насупился. — Но и ты не храбрись. Думаешь, казаки простят нам лошадей? Думаешь, они нас не ищут? Беги быстрее, пока ноги несут. Поймают — от них миллионом не отделаешься. Сбросят в ущелье и еще посмеются.

— Ладно, — вздохнула Женя, — не пугай. Я думала, раз мы с тобой подружались, значит, у нас не должно быть друг от друга секретов. Но если ты без секретов не можешь, то пожалуйста. Молчи. Когда-нибудь все равно все расскажешь.

— Когда-нибудь, конечно, — согласился Ашот.

Он и не подозревал, что это «когда-нибудь» наступит очень и очень скоро, потому что буквально с этой минуты их сравнительно спокойному путешествию пришел конец. Верный, бежавший впереди, вдруг ощетинился, злобно заворчал и бросился в кусты. А из кустов прямо под ноги ребятам выкатился забавный, пушистый медвежонок и с любопытством уставился на них черными глазенками. При этом он все время тянул к ним носом, жадно улавливая долетавшие до него незнакомые запахи. Он был таким хорошеньким, что Женя не раздумывая бросилась к нему. И в тот же момент навстречу ей из кустов, злобно облаиваемая Верным, вывалилась огромная медведица. Она рывкнула, встала на дыбы и пошла на Женю. Женя остолбенела. Страх парализовал ее. Она даже не заметила, как впереди нее очутился Ашот и так же, как и при встрече с Верным, закрыл ее от страшного зверя собою.

А медведица наступала. Широко раскинув лапы и открыв пасть, она медленно двигалась вперед. От ребят ее отделяли считанные метры. И тогда Женя, повинувшись скорее инстинкту, чем каким-то соображениям, сорвала с головы Ашота шапку и швырнула ее в пасть зверя. Медведица на лету перехватила шапку лапой и ударом

отбросила ее в кусты. И в тот же момент Ашот с воплем: «Ты с ума сошла!» — как тень метнулся за шапкой.

Неизвестно, чем бы закончилась эта встреча с лесной хозяйкой, если бы не Верный. Он бросился на медведицу сзади и схватил ее за гачи. Почувствовав остроту собачьих клыков, медведица закрутилась на месте, стараясь поддеть пса лапой. Но Верный ловко увертывался от страшных когтей, то и дело хватая зверя зубами. В конце концов медведица села.

Ашот схватил Женю за руку и потащил ее в сторону от этого места. Чем дальше они убегали, тем, казалось, быстрее несли их ноги. Но это не мешало Ашоту на чем свет стоит ругать Женю.

— Ты соображаешь, что ты чуть не натворила? — кричал он на бегу.

— Да что ты пристал с этой шапкой? Дедушка тебе таких десять купит, — оправдывалась Женя.

Но Ашот разошелся еще больше:

— Купит? Да ты знаешь, что это за шапка?

— Знаю! Старая! Рваная! У нас такая в саду на чучеле надета! — еле переводя дух, не сдавалась Женя.

— Вай-вай-вай! — запричитал Ашот. — Пропаду я с тобой! И задание не выполню!

— Какое задание? — словно только этих слов и ждала Женя.

Но Ашот и теперь ничего ей не сказал. Да и Женя не стала допытываться. Потому что кусты расступились и они очутились на берегу реки. Следом за ними из кустов выскочил Верный и побежал вдоль берега к лодке, стоявшей в небольшой тихой заводи.

Женя первой подбежала к лодке и сразу же забралась в нее. А Ашот почему-то вдруг остановился перед лодкой и затоптался на месте. Женя, однако, не обратила на это внимания. Она зачерпнула ладошкой речную воду и с удовольствием умыла разгоряченное лицо. И еще, и еще раз, пока немного не успокоилась. А Ашот по-прежнему стоял возле лодки и смотрел на реку широко открытыми глазами.

— Смотри, как крутит! А волны какие, — пролепетал он.

— Ну и что? Мы же на лодке, — удивилась Женя.

Но Ашот не мог оторвать от воды застывшего от страха взгляда. Женя еще не видела его таким растерянным.

— Может, лучше я берегом побегу?

— Ты боишься плыть? — не поверила Женя.

— Да я плавать не умею! — признался Ашот.

Женя поняла, что его страх не напрасен, и попыталась его успокоить.

— На лодке надежно, — сказала она.

— А если она перевернется?

— Я тебя спасу. Я на Неве родилась. Я хорошо плаваю!

— Меня не надо спасать, — покачал головой Ашот, — шапку надо.

— Помешался ты на своей шапке! — рассердилась Женя. И неожиданно скомандовала: — А ну, садись!

И странное дело: Ашот повиновался и осторожно, словно двигался по скользкому льду, сел в лодку.

Женя решительно взяла в руки шест. Она уперлась им в дно, оттолкнула лодку от берега и направила ее на стремнину. Поток подхватил легонькое суденышко и быстро понес его вниз. Верный увидел, что ребят уносит, и залаял.

— Прощай, Верный! — крикнула ему Женя. — Иди к хозяину! Мы с тобой еще встретимся!

Верный гавкнул еще раз и скрылся в кустах. А Женя обернулась к Ашоту:

— Ты хотел мне что-то рассказать?

Ашот снял шапку и протянул ее Жене.

— Теперь все скажу. Теперь другого выхода нет, — сказал он. — Перевернемся — меня не надо спасать. Одним Ашотом больше, одним меньше, ерунда. Шапку держи. В ней карта. А на карте показано, где наш отряд в пещере засел. Где с белыми бьется. Если мы эту карту красным не передадим, всему отряду конец. И раненым всем тоже конец. Казаки всех перебьют. Поняла?

— Ты красный? — не поверила Женя. — И ты так долго это от меня скрывал?

— Это не моя тайна! Я и теперь рассказал только потому, что твой дедушка хорошо о Ленине говорит. И еще, если что, только ты можешь выполнять задание нашего командира. На, держи шапку.

— Не возьму! Сам выполнишь задание.

— Возьми! — приказал Ашот.

Женя неохотно взяла шапку, повертела ее в руках и надела на голову.

— Тогда уж так, — улыбнулась она.

А река становилась все бурливей. Все чаще встречались на пути ребят торчащие из воды камни, о которые с плеском бились волны. Лодку качало, заливало водой. Она то и дело кренилась то на один, то на другой борт. Женя едва успевала выравнивать ее. Ашот пригоршнями выплескивал воду.

— Вай-вай-вай! — причитал он, и глаза его стеклянели от страха.

Жене было жалко Ашота. Она знала, что его надо как-то успокоить, отвлечь от искрящейся, брызжущей и пенящейся воды. И она спросила:

— А сколько ты кончил классов?

Ашот посмотрел на нее непонимающе.

— Какие классы? О чем ты говоришь?

— В лодках всегда о чем-нибудь разговаривают, — пыталась отвлечь его Женя.

— Конечно, если она спокойная, а не такая сумасшедшая, как наша! Вай-вай-вай! — опять запричитал Ашот, и было от чего.

Поток ударил о камень. Лодка приподнялась и лишь чудом не перевернулась. Женя успела упереться шестом в дно, и это спасло ребят.

— Так все-таки ты учился? — едва миновала опасность, снова спросила Женя.

— Конечно! — чувствуя, что она не отвяжется, огрызнулся Ашот.

— Сколько?

— Один класс!

— Так мало? — не поверила Женя.

— Отец сказал «хватит».

— Но ведь действительно мало!

— Он ткнул пальцем в книжку, я прочитал «Хлеб». Он сказал: «Молодец! Самое главное уже умеешь. Остальное чепуха». И послал меня помогать нашему деревенскому чабану, — Ашот повеселел

немного от воспоминаний. И вдруг закричал: — Смотри! Верный бежит!

Женя посмотрела на берег. Действительно, по камням бежал Верный.

— Странно. Почему же он не вернулся к хозяину? — удивилась она. — Ой, мы уже приплыли... Вон развалины и два сухих дерева.

Ашот ничего не успел ответить. Лодка налетела на камень, подпрыгнула и зачерпнула левым бортом воду. Ребята инстинктивно бросились на правый борт. Лодка накренилась на правый борт, снова зачерпнула воды и на этот раз перевернулась.

— Ай! — только и успел вскрикнуть Ашот и скрылся под водой.

— Держись! — закричала Женя и нырнула за ним.

Вода была мутная. В ней ничего нельзя было увидеть. Но Женя действовала решительно, схватила Ашота за волосы и вытащила на поверхность. Ашот глотнул ртом воздух, уцепился за борт лодки и сразу же закричал:

— Шапка где? Шапка?

Шапку кружило в водовороте.

— Утонет! — снова закричал Ашот и, перебирая руками по корпусу лодки, потянулся за шапкой.

Женя оттолкнулась от лодки и поплыла к ней. Но шапку уже понесло по волнам. Женя поплыла быстрее. Однако догнать шапку оказалось не так-то просто. Река как будто шутила над Женей. Злополучная шапка то вдруг останавливалась, и ее начинало кружить на одном месте, то, подхваченная потоком, устремлялась по течению так быстро, что угнаться за ней не было никакой возможности. И наверное, Жене так и не удалось бы ее поймать, если бы не пес. Как только ребята скрылись под водой, Верный, не раздумывая, бросился в реку и поплыл к лодке. А когда увидел, что Женя старается догнать что-то черное, с каждой минутой уплывающее от нее все дальше и дальше, направился к этому черному наперерез, подплыл к нему и схватил в зубы. Потом он поплыл к Жене. Она взяла у него из пасти злополучную шапку и снова надела ее на себя. Вода с шапки заливалась ей в рот, в глаза. Но Женя не обращала на это внимания. Она нащупала под ногами камень и встала на него. Камень оказался большим и плоским. Женя почувствовала, что стоит устойчиво. Тогда

она схватила Верного, который плавал вокруг нее, и тоже помогла ему встать на камень. В таком положении они дождались, когда стремнина принесет к ним лодку с Ашотом.

— Держись крепче за лодку, — скомандовала Женя, зажала в зубах веревку, привязанную к лодке, и поплыла к берегу.

Плыть было нелегко. Но когда Женя достала, наконец, ногами до дна, сердце у нее готово было выскочить из груди. В эти считанные минуты она напрягла все свои силы, заставила себя быть смелой и выиграла неравный поединок с рекой.

А скоро уже и Ашот с Верным были на берегу. С них ручьями текла вода. Верный сейчас же встряхнулся. А Ашот долго еще не мог прийти в себя, дрожал, стучал от холода зубами и то и дело повторял:

— Ты настоящий человек. Ты кунак! Тебе джигитом надо было родиться!

— Мне и так хорошо! — смеялась Женя. — А ты мне не доверял! А теперь побежали — надо скорее согреться! Верный, пошли!

Но Верный сел возле лодки и всем своим видом дал понять, что его место теперь тут, возле лодки хозяина. Ашот понял это.

— Он будет ее караулить. Бежим скорей! — снова сказал он и помчался в лес, за которым, как объяснил им Сурен, находится Благодать.

Глава 10

Казачи торопились и не жалея гнали лошадей. Лавочника, чтобы он не свалился, привязали к седлу веревкой. Но в следующей деревне они отвязали его и спустили на землю.

— Ищи своего длинноухого, — приказал Попов.

Лавочник, всхлипывая и что-то бормоча под нос, заковылял к ближнему дому. Напарник Чибисова Петруха неотлучно следовал за ним. Лавочник постучал в окно и, когда на его стук выглянула моложавая женщина, принялся что-то горячо ей объяснять. Женщина поджимала губы, вертела головой, потом задумалась, будто что-то припоминая, и показала рукой на большой дом напротив. Лавочник обрадовался и, даже не поблагодарив ее, побежал к этому дому. Заглянув через забор в сад, он прислушался, вбежал на крыльцо и скрылся в доме. Казак в дом не пошел, но крикнул ему вдогонку:

— Поскорее там поворачивайся!

Минут через пять лавочник проворно скатился по ступенькам обратно и напрямик побежал к другому дому, возле которого накануне останавливались ребята. За ним последовали и все казаки.

На этот раз лавочник не стал ни подниматься на крыльцо, ни барабанить в окно. Он прямо направился к воротам и смело распахнул их. Во дворе двое мужчин и женщина навьючивали поклажей двух ишаков. Лавочник, словно за ним гнались волки, пулей влетел во двор и с криком: «Мой! Мой, господин офицер!» — подбежал к ишаку, который уже был нагружен.

— Кто твой? С ума спятил, Тигран? — оттолкнул его старик с большим носом.

— Ишак мой! Вот кто! — не переставая орал лавочник. — Это ты совсем свихнулся от жадности. Хватаешь все: и свое и чужое!

— Я хватаю? — опешил старик. — Нет, он совсем повредился в уме. Вся деревня видела, как я выменял его на козу, на хлеб, на сыр! И не мешай мне, проклятый торгаш!

Во двор выбежало еще несколько человек. Но лавочника это не испугало.

— Я тебе покажу, кто проклятый! — полез он с кулаками на старика.

Но и старик не думал отступать.

— Гоните его со двора! — приказал старик своей челяди и вместе со всеми бросился на лавочника. И наверное, здорово бы его отколотил. Но в это время во двор въехал есаул. За ним казаки. И один из них сразу же бесцеремонно схватил старика за шиворот.

— Охолонь, дядя, — назидательно сказал он, приподнял старика над землей и потряс.

От лавочника тотчас все отступились. А тот обнял ишака, как родного сына, и, захлебываясь от радости, повторял есаулу:

— Мой это, господин офицер. Правду я вам говорил. Мой!

— Ну твой, тогда забирай его, — разрешил есаул.

Лавочник поспешно стал скидывать с ишака поклажу. Но тут на защиту своего добра снова выступил старик с большим носом.

— Я купил его, господин офицер. Все люди могут это подтвердить! — закричал он.

— Рассказывай, у кого ты его купил, — потребовал есаул.

— У ребятишек, господин офицер. Мальчик и девочка. Лет по двенадцати. Такие хорошие, — заключил старик. — Говорили...

— Они это, ваше благородие. Как есть они! — не дал ему досказать Чибисов.

— Что они говорили? — перебил его есаул.

— Говорили, ишак дедушкин. А дедушка, тоже очень почтенный человек, заболел. А за ишака я очень дорого заплатил, — рассказывал старик. — Дал самую дойную козу. Хлеба дал. Сыру дал. И еще денег дал.

— И поди, еще дорогу показал, по которой бежать лучше? — добавил молодой казак.

— Не показывал, господин офицер. Клянусь прахом моих предков! — запричитал старик.

— Ты хорошо их запомнил?

— Как сейчас вижу, господин офицер. Мальчик такой чуть повыше, совсем черненький. Девочка такая чуть пониже, совсем беленькая...

— Вот и прекрасно, — подвел итог разговору Попов. И уже совершенно другим тоном, не терпящим никаких возражений, приказал: — Поедешь с нами. Поможешь нам их найти.

Старик замахал руками, закрутил головой:

— Где я их буду искать?! Что вы, господин офицер, куда мне ехать?

К Попову бросились все домочадцы старика. Двор огласился воплями:

— Помилуйте, господин офицер!

— На лошадь его! — рывкнул есаул.

Старика подхватили под руки и затащили на коня, на котором до этого ехал лавочник. Быстро прикрутили к седлу, сунули в руки поводья.

— А этих в дом! — снова скомандовал Попов. — Да так, чтобы рта не раскрывали!

Казачьи и эту команду выполнили немедленно. В воздухе замелькали плетки. На родичей старика градом посыпались удары.

— Поехали! Не найдешь этих лазутчиков — поставлю к стенке как их пособника! — пригрозил Попов и, пришпорив коня, выехал со двора.

Казачи вместе со стариком проскакали вслед за ним по всей деревне и выехали за околицу. У тропы, ведущей в горы, все остановились. Чибисов, как и на предыдущей развилке, соскочил с коня, пытаясь разобраться в следах.

— Ну, что там? — нетерпеливо окликнул его есаул.

— Не разберу, ваше благородие! Вроде не сворачивали, — не очень уверенно ответил Чибисов.

На помощь Чибисову подошли еще двое казаков. Петруха поднялся по тропе, другой казак разбирал следы на дороге. Тропа была каменистой. На ней не оставалось никаких отпечатков. И Петруха скоро вернулся, похлестывая себя по голенищу веревкой.

— Проскочить бы туда вёрсты на полторы, может, следы и будут, — высказал он свои соображения.

Есаул задумался.

— Куда ведет эта тропа? — спросил он старика.

— К реке, господин офицер. Прямо к воде, и там кончается, — объяснил старик.

— Что за рекой?

— Горы. У нас везде горы, господин офицер, — сказал старик, и вдруг прищуренный глаз его широко раскрылся и стал снова круглым, как у орла. А сам он весь подался в седле вперед, к Петрухе.

— Ты чего, дед? — изумился Петруха.

— Веревка! Моя веревка! — тянул к Петрухе руки старик. — Покажи ее мне!

Петруха протянул ему веревку, которую нашел в траве у тропы. Старик вертел ее перед носом, внимательно разглядывал. Казачи с любопытством следили за ним.

— Я сам привязывал на нее козу, — сказал наконец старик. — Где ты ее нашел?

— А вон, за камнем, — показал Петруха.

— Значит, они свернули с дороги. Туда надо ехать, господин офицер.

— Поехали! — приказал есаул, и вся кавалькада помчалась по тропе в горы. Теперь старик уже никак не хотел отставать от есаула.

Путь, который ребята проделали за два часа, казачи преодолели минут за пятнадцать. Они вылетели на взмыленных лошадях на

поляну и увидели овец. А рядом с ними и чабана. Есаул направился прямо к нему. Сурен встретил непрошенных гостей молча. Он и виду не подал, что испугался или удивился их появлению. Мало ли кто и зачем ездит...

Есаул кивнул Чибисову, и тот осадил коня прямо перед чабаном.

— Парнишку и девчонку тут видел? — спросил он.

Сурен покачал головой.

— Никого не видел.

— Похоже, память у него отшибло, ваше благородие, — обернулся к есаулу Чибисов.

— А ты спроси еще раз хорошенько. Может, он не понял, — приказал есаул.

— Все он понял, господин офицер. Врет он, — вмешался в разговор старик. — Только правды он все равно не скажет.

Каторжный он. Гольтьбу против царя поднимал.

— Вот оно что... — Есаул вплотную подъехал к чабану. — Тогда другой разговор. Значит, ты никого не видел?

Казак, не дожидаясь команды, окружили чабана со всех сторон, а двое из них быстро спешились.

— Отвечай! — потребовал есаул.

— Не видел, — громко повторил чабан.

Сурена тотчас свалили на землю. С него сорвали бурку. Один казак сел ему на голову, другой на ноги. Чибисов вывинтил из винтовки шомпол.

— Последний раз спрашиваю, видел парня и девку? — предупредил Чибисов.

— Никого не видел, — глухо ответил Сурен.

Есаул кивнул. Это была команда. Чибисов взмахнул шомполом и с силой опустил его на спину чабану. После десяти ударов рубаха на спине у Сурена покраснела от крови.

Есаул остановил Чибисова. Нагнулся над чабаном. Снова спросил:

— Видел мальчишку и девчонку?

— Не видел, — процедил сквозь зубы Сурен.

— Я спущу с тебя шкуру целиком, если ты не скажешь правды, — предупредил есаул. — Отвечай!

— Не было здесь никого, — твердо ответил Сурен.

— Не было? — снова завопил старик. — А откуда тут моя коза взялась? Вот же она!

Старик нашел в стаде свою козу и тащил ее за рога. Коза упиралась. Старик чертыхался, но козу не выпускал.

— Говорил я вам: не верьте ему, христопродавцу! — продолжал он кричать. — Пусть скажет, как попала к нему коза.

Есаул ударил Сурена сапогом.

— Отвечай, где взял скотину?

Но Сурен вместо ответа только сильнее сжал зубы.

— Отвечай! — хрипел есаул.

На Сурена снова посыпались удары. Били шомполом. Потом хлестали плеткой. Сурен не произнес ни звука.

— Ладно, — сказал есаул. — Он еще заговорит. Не будем терять времени. Эй, старик! Кроме этой тропы, есть отсюда еще какой-нибудь выход?

— Только к реке дорога, господин офицер, — ответил старик. — Вот моя коза...

— Забирай ее и уматывай ко всем чертям, пока мои ребята не расписали тебя, как зебру! — рявкнул есаул.

Старик не заставил господина есаула повторять это приказание дважды. Подгоняя козу и руками и ногами, он бегом припустил с поляны. Он бежал, останавливался, кланялся господину офицеру и снова бежал. И снова кланялся. Но ни есаул, ни казаки этого уже не видели. Они перекинули чабана поперек лошади, связали у нее под животом ему руки и ноги и, вскочив в седла, поскакали по тропе, ведущей к реке.

На берегу казаки снова спешили и разбрелись в поисках следов. Берег был отлогим и сплошь засыпан камнями. Никаких следов обнаружить там не удалось. Есаул задумался:

— Может, они еще раньше свернули в лес?

— Не вылезти им по таким кручам, — ответил молодой казак. — Да и старик говорил, что один от поляны ход, по тропе...

— А если один, то куда же они отсюда делись?

— Разрешили бы вы нам еще раз этого идола крутануть, — кивнул на чабана молодой казак, — он бы точно сказал, куда. Он-то знает.

— Крутаните, — разрешил есаул.

Чабана сняли с лошади и бросили на камни. В этот момент Чибисов неожиданно увидел на узкой глинистой полоске берега полукруглую, приглаженную вмятину. Такую вмятину могло оставить только или бревно, когда его стаскивали в воду, или лодка. Чибисов осмотрел берег внимательней и скоро убедился, что тут стояла именно лодка. Он тут же доложил об этом есаулу.

Попов остановил экзекуцию и осмотрел след.

— Похоже, что лодка, — согласился он.

— На ней они и удрали, — решил Чибисов.

— А куда?

— Не иначе вниз, ваше благородие, — уверенно ответил Чибисов.

— Почему думаешь?

— Сами посудите: насупротив — не вылезти, берег крут. Вверх не выгрести — ишь, река шибко несет, — рассуждал казак. — Да и бежать им надо к своим, к фронту. А он там...

— Он там, — снова согласился есаул. — И мост там. А на мосту часовые. И им приказано ниже моста не пропускать ни души.

Есаул лихо вскочил на коня и, не дожидаясь, когда то же самое сделают его подчиненные, помчался вдоль берега вниз по течению. Прибрежная полоса была так узка, что кони то и дело заскакивали в воду и поднимали копытами фонтаны брызг, переливавшихся на солнце всеми цветами радуги. Несколько раз казакам пришлось сворачивать от берега и пробираться лесом, так как берег сплошь был завален камнями. Местами, там где река несла свои воды под кручами, пускали коней вплавь и плыли вместе с ними, держась за седла. Обогнули каменистый мыс. И неожиданно увидели на берегу лодку. Переправились через реку и подъехали к ней.

— Твоя лодка? — спросил чабана есаул.

Избитый казаками чабан еле шевелил губами. Но он собрал силы и ответил твердо:

— Не знаю никакой лодки.

— А чья же она? — требовал ответа есаул.

Сурен молчал. И тут, откуда ни возьмись, из кустов вдруг выскочил Верный. Должно быть, он лежал там, затаившись. Но когда услышал голос хозяина, сразу же покинул свою засаду. Он подбежал к нему и, повизгивая от радости, облизал его лицо и связанные руки. А

потом с громким лаем набросился на казака, пытавшегося вытащить перевернутую лодку на берег.

— И толковать нечего, его лодка, ваше благородие. И собака его. Ишь как хозяйское добро бережет, — сказал Чибисов и снял с плеча винтовку. — Зараз мы ей заткнем глотку.

Но он не успел загнать патрон в патронник. Сурен вдруг закричал громко, с отчаянием:

— Уходи, Верный! Домой иди! Домой!

Пес перестал лаять, на мгновение замер. А потом стремглав бросился обратно в кусты, из которых только что выскочил. Выстрел Чибисова грохнул в тот момент, когда сзади него плотно сомкнулись ветки. Увесистый удар прикладом получил и Сурен. И не выдержал, застонал от боли. Но Верного спас. Вовремя подал команду.

Видя все это, есаул Попов разъярился. Он схватил Сурена за волосы и, приподняв его голову, зашипел ему прямо в лицо:

— Шутки шутить вздумал? Ну подожди: я тебя не кому-нибудь передам, а господину Мещерскому. А у него мертвые разговаривают. Да как! И ты заговоришь, собака!

— Может, дальше его не тащить, ваше благородие? — снова снял с плеча винтовку Чибисов. — Теперь в аккурат все ясно.

— Не спеши, Чибисов, — остановил казака есаул. — В руках у капитана он бога молить будет, чтобы его кто-нибудь пристрелил. А ты сам хочешь сделать ему такую услугу. А сейчас по коням! К мосту!

И снова казаки погнали коней по берегу реки. Скакали лугом. Потом по жнивью. Потом опять лугом, пока возле самого моста путь им не преградила колючая проволока. Она опоясывала мост двумя рядами, между которыми торчали ежи. А у самого моста были сложены из мешков с песком два пулеметных гнезда, в них стояли пулеметы и сидели расчеты, в любую минуту готовые открыть огонь. Казаки остановились, и начальник охраны моста, прапорщик, потребовал у Попова документы. Есаул показал их. Начальник охраны разрешил ему пройти за колючую проволоку.

— Есть у вас связь с Благодатью? — спросил Попов.

— Так точно, господин есаул, — доложил прапорщик. — Прошу к телефону.

Попов подошел к аппарату и приказал дежурному связисту:

— Соедини-ка меня, голубчик, с «Засадой».

Дежурный покрутил ручку аппарата и назвал позывной. Услышал ответ и протянул трубку Попову.

— “Засада” на проводе, ваше благородие.

Попов взял трубку.

— “Засада”? — удостоверился он. — Попрошу капитана Мещерского.

Очевидно, связь работала не очень хорошо и слышно было слабо, потому что есаул разговаривал очень громко, так, что было слышно всем.

— Да, да! — кричал Попов. — Мои каналы упустили двух связных большевиков. Идут к линии фронта. Но через лес. Да, да! Мальчишка и девчонка. Кто их может опознать? Есть у меня такой. Сейчас же доставлю вам. Что? Пробовал. Молчит. Что? Заговорит? Надеюсь. И еще посылаю вам донесение. Прошу пару ящиков динамита...

Отказыряв прапорщику, Попов вернулся к казакам. Он написал на листке бумаги донесение, свернул листок вчетверо и передал Чибисову.

— Доставишь лично начальнику контрразведки капитану Мещерскому и донесение и этого оборванца! — приказал он.

— Слушаюсь, ваше благородие! — вытянулся в струнку Чибисов. — Разрешите взять напарника?

— Бери, — разрешил Попов. И добавил: — И если и на этот раз у вас что-нибудь случится, расстреляю обоих собственноручно!

Глава 11

Начальник контрразведки капитан Мещерский, человек невысокого роста, худощавый, с рыжеватыми подергивающимися усиками и большим шрамом на щеке, положил на рычаги аппарата трубку и подошел к окну. Над городом собирались тучи. Они плыли из-за гор, скапливались над лесом, наглухо закрывая небо и солнце. Их тяжелый лиловый, местами переходящий в свинцовый цвет предвещал грозу. Солдаты, чистившие во дворе оружие, с опаской поглядывали на небо, спешно свертывали свои дела.

Капитан открыл окно и громко позвал:

— Дежурный, ко мне!

По ступеням крыльца проворно взбежал широкоскулый солдат и, вытянувшись перед капитаном, доложил:

— Младший унтер-офицер Сыч слушает!

— Поднимайте, дежурный, по тревоге первый взвод и немедленно отправляйте прочесывать лес у реки! — приказал Мещерский. — Всех, кого встретят, особенно подростков, доставить сюда. В город не должна проскочить и мышь. Понятно?

— Слухаю! — отчеканил дежурный.

— Да не «слухаю», а так точно! — потребовал Мещерский.

— Слухаю, так точно! — вытаращил глаза дежурный.

— Тьфу! — плюнул капитан. — Выполни!

Дежурный выскочил из кабинета, а в кабинет зашел подпоручик Геборян. Мещерский закурил и сел в свое кресло. Дел у начальника контрразведки было много. Подпоручик положил перед ним на стол пакет.

— От кого? — спросил капитан.

— От начальника гарнизона, — доложил подпоручик.

Мещерский вскрыл пакет и прочитал бумагу. И бросил ее на стол. Лицо его посуровело, левый ус нервно задергался.

— Черт знает чем приходится заниматься, — недовольно проворчал он.

За окном во дворе слышалась команда:

— Первый взвод, за мной, рысью, марш!

Зацокали подковы, и взвод выехал со двора.

— Вот моя работа, — указал на окно Мещерский. — Ловить красных шпионов. А не вшей.

— Полковник просил вас лично связаться с доктором Прозоровым, — заметил подпоручик.

— Как будто в гарнизоне нет других офицеров, — продолжал ворчать Мещерский, искоса поглядывая в окно. Попадать под ливень ему явно не хотелось. А сегодня, судя по внезапно наступившей в природе зловещей тишине, небо собиралось разразиться именно ливнем. — Почему бы, например, не съездить к доктору вам, подпоручик?

— Вы же знаете характер этого эскулапа, — усмехнулся подпоручик. — Только вы, Юлий Константинович, можете повлиять

на него.

— Да вы разве не понимаете, что он первым делом потребует, чтобы я нашел его внучку? А где я ее найду? Где?

— Полковник ждет от вас доклада, — ушел от ответа на вопрос подпоручик.

Мещерский потушил папиросу и встал из-за стола. Он подошел к большому, черному, как гранитная глыба, сейфу, открыл его, сунул в сейф распоряжение начальника гарнизона, а из сейфа взял какие-то другие бумаги.

— Конечно, я поеду, — сказал он. — Распорядитесь, чтобы подали мой экипаж и двух верховых в сопровождение.

Подпоручик быстро вышел из кабинета. А Мещерский развернул и внимательно прочитал только что взятые из сейфа бумаги.

Влиять на доктора Прозорова было не так-то просто. И надо было хорошенько подготовиться к разговору с этим ершистым и чересчур непокладистым субъектом. Естественно, в другое, совсем недавнее и спокойное время, когда власть в Закавказье, да и на всем Кавказе, прочно удерживалась в руках белых, с доктором можно было бы и не церемониться. Но сейчас фронт находился всего в нескольких верстах от Благодати, раненых солдат и офицеров привозили прямо с передовой, и все они нуждались в немедленной помощи. А на всю округу остался один-единственный врач, который мог оказать им необходимую помощь, и в этой ситуации разговаривать с ним надо было крайне деликатно. Тем более, что контрразведка, несмотря на все старания, до сих пор ничем не могла помочь доктору в розыске его внучки. Как только эта злополучная девчонка пропала, доктор Прозоров сейчас же позвонил Мещерскому. Капитан отдал распоряжение перекрыть все дороги, ведущие из города. Патрули обыскали все дома, все дворы, все сараи. Но девчонка словно в воду канула. Доктор очень нервничал, перестал ходить на работу. И именно в эти дни в городке появились первые тифозные больные. Начальник гарнизона, крайне обеспокоенный тем, что в гарнизоне может вспыхнуть эпидемия, потребовал от Мещерского любым путем вернуть доктора в больницу. Почему от Мещерского? На это были особые основания...

Мещерский поднялся на крыльцо докторского дома как раз в тот момент, когда первые крупные капли дождя упали на ступеньки, гулко забарабанили по крыше и окнам.

Капитан проворно постучался в дверь.

— Входите. Не заперто, — услышал он недовольный глуховатый голос доктора.

Мещерский вошел в дом. Доктор был небрит, взлохмачен, небрежно одет. Он поднял на капитана покрасневшие от бессонницы глаза, нетерпеливо спросил:

— Есть новости?

— К сожалению, ничего сообщить не могу, — ответил Мещерский. Доктор нахмурился и отвернулся к окну.

— Но мы не теряем надежды. И настойчиво продолжаем поиски, — попытался утешить его Мещерский.

Прозоров никак не отреагировал на это заверение капитана, словно бы и не слышал его. А капитан, сделав небольшую паузу, продолжал:

— Однако не это прискорбное дело привело меня на сей раз к вам, уважаемый Петр Федорович. В городе появились больные тифом. И мы хотели бы, чтобы вы приняли соответствующие меры, предупреждающие распространение этой заразы.

Доктор не отрывал взгляда от тропинки, ведущей в сад. Женя, если бы она вдруг появилась, подошла бы к дому только по этой тропинке. В саду вовсю бушевал ливень. Упругие струи воды хлестали по листьям, примяли траву на лужайках, барабанили по лужам, выбивая из них быстрые, юркие фонтанчики.

— Вы сами понимаете, какую опасность для нас может принести вспыхнувшая в городе эпидемия, — говорил Мещерский. — Врачей нет. Медикаментов нет. Больница и городская управа забиты ранеными. И к тому же начнется повальный тиф...

Доктор Прозоров отлично понимал, почему так обеспокоено командование белых. Тиф страшнее пуль. Страшнее снарядов. Он будет косить солдат, как траву. Не пощадит ни нижних чинов, ни господ офицеров. Он выберет для себя жертвы в каждом отделении, в каждом пулеметном и артиллерийском расчете. Он превратит

боеспособный гарнизон в скопище горячечных больных, большинство которых будет обречено на гибель.

— Вы слышите меня, Петр Федорович? — повысил голос Мещерский.

Доктор с трудом оторвал взгляд от тропинки.

— Да, — отрешенно ответил он.

— Так почему же вы молчите?

— На все ваши слова я отвечу только одним вопросом: где моя внучка?

— Но я же сказал, мы ее ищем.

— Вот когда вы ее найдете, тогда я буду что-нибудь для вас делать, — твердо ответил доктор.

— Но тогда все может оказаться слишком поздно, — заметил Мещерский.

— Ищите быстрее. Это мое неперемное условие, — сказал доктор и снова отвернулся к окну.

Он не видел, как передернулось лицо капитана, как побелел у него на щеке шрам. Но услышал его неожиданно ставший хриплым голос.

— А вот условий, господин доктор, я на вашем месте не стал бы ставить.

— Вы меня предупреждаете? — на сей раз быстро откликнулся Прозоров.

— Пока нет. Но взываю к вам, как к бывшему офицеру, — сказал Мещерский и перевел взгляд на фотографию, висевшую над диваном. На ней доктор был снят в форме военного врача с винтовкой и кубком в руках. Под фотографией красивым почерком было выведено: «Чемпион Санкт-Петербурга по стрельбе из трехлинейной винтовки военврач П. Ф. Прозоров». — Вы присягали государю. И если забыли об этом, я могу вам напомнить, как законы Российской империи карают клятвоотступников.

— Вы мне угрожаете? — негодуяще посмотрел на капитана Прозоров. — Потрудитесь немедленно удалиться из моего дома!

Но Мещерский в ответ только снисходительно усмехнулся.

— Но-но, доктор. К чему такие резкости? — Он открыл портсигар и бесцеремонно закурил. — Во-первых, этот дом не ваш.

— Как вы смеете так говорить! — вспыхнул Прозоров.

— Смею, доктор, — ответил Мещерский, достал из кармана кителя бумагу и протянул ее Прозорову. — Вот документ, подтверждающий, что дом этот казенный. Он принадлежит больнице, и вы имеете право его занимать лишь до тех пор, пока тут работаете. А так как вы изволили фактически самоустраниться, нам, как единственным представителям законной власти, ничего не стоит вытряхнуть вас на улицу, а помещение занять под раненых. Которых, кстати сказать, уже давно негде размещать.

Прозоров опешил. Такой наглости он не ожидал.

— Хорошо, — сказал он. — Извольте. Я уйду.

— Это мало что изменит, доктор, — продолжал снисходительно Мещерский. — У нас есть к вам и более серьезные претензии. И от них вы уже не уйдете никуда.

— Что вы имеете в виду? — насторожился Прозоров.

— Ну хотя бы то, почему вы оставили службу в девятьсот пятом году...

— Это было мое личное дело, — нахмурился Прозоров.

Осведомленность контрразведчика обезоруживала его.

А Мещерский теперь уже явно с издевкой продолжал:

— Вряд ли, доктор, можно считать личным делом явную симпатию революционно настроенным элементам. Это уже идеология. А она всегда общественна. Но в ту пору о вас еще многого не знали. И тогда вас просто уволили со службы. А сегодня...

— Что сегодня?

— А сегодня нам немало известно и о вашем сыне! — сказал Мещерский и в упор посмотрел на Прозорова.

— О Николае? — вздрогнул Прозоров.

— Совершенно верно, — подтвердил Мещерский.

— Мой сын ученый...

— Он активно сотрудничает с большевиками!

— Откуда вам это известно?

— Об этом вам сообщают ваши друзья, — ответил Мещерский и протянул доктору еще один листок, исписанный мелким почерком.

Прозоров взглянул на лист и сразу узнал почерк своего старого друга, врача железнодорожной больницы из Владикавказа, от

которого всего несколько дней тому назад получил письмо. Но как такое же письмо могло попасть контрразведчикам? И тут Прозоров вдруг вспомнил, что в его письме не хватало именно той страницы, на которой его друг писал о Николае. Значит, контрразведка просто-напросто перехватила это письмо, прочитала его, извлекла из него то, что ей было нужно, а уж только после этого письмо попало к нему...

— Вы читаете чужие письма? — еле выговорил от негодования Прозоров.

Мещерский в ответ лишь развел руками.

— Но ведь это нечестно! Подло! Гнусно!

— Увы, доктор, — согласился Мещерский. — Но этого требуют интересы службы. Однако вернемся к нашим делам. Теперь, надеюсь, вы признаете, что у нас есть достаточно оснований считать, что мы с вами по разным сторонам баррикады. И по законам военного времени можем безжалостно покарать вас. Но мы, доктор, этого не делаем. И лишь просим вас: осмотрите наши лазареты. Изолируйте больных. Не дайте вспыхнуть эпидемии.

Контрразведчик говорил о чем-то еще. Но Прозоров его уже не слышал. Он вдруг увидел, как входная дверь тихо открылась и в дом вошла Женя. Прозоров сначала даже напугался. Ему явно показалось, что у него начались галлюцинации. Он совершенно ясно видел свою внучку. И в то же время почти не мог ее узнать. Волосы на голове у нее слиплись. Платье было насквозь мокрым. Вся она была в чем-то перемазана... От неожиданности, от охватившего его волнения и смятения доктор даже забыл, что творится на улице... И только когда она радостно улыбнулась и громко крикнула: «Дедушка!» — он понял, что перед ним не плод воображения, а его живая и невредимая внучка.

— Боже мой! — протянул он к ней руки. И так стремительно бросился ей навстречу, что чуть не сбил с ног Мещерского. Тот вовремя увернулся и с нескрываемым любопытством уставился на эту, точно с неба свалившуюся, Женю, из-за которой возникло столько всяких неприятностей и волнений.

Но если доктор Прозоров от счастья никого и ничего, кроме своей внучки, больше не замечал, то Мещерский сразу увидел в

полутемном коридоре еще одного человека, вошедшего в дом вместе с ней и робко жавшегося к двери. Человек был невысок ростом, щупловат, примерно одного с Женей возраста, и что больше всего привлекло внимание контрразведчика, бедно одет. Мещерский смотрел то на Женю, то на ее спутника, а в ушах у него сердито гудел телефонной мембраной голос есаула Попова, предупреждавшего его о том, что в Благодать идут связные большевиков. Капитан все понял. Но естественно, и виду не подал о своей догадке. Напротив, улыбаясь как можно приятней, он сказал:

— Поздравляю, Петр Федорович. Дошла-таки ваша молитва до бога.

Сказал и сразу почувствовал на себе тревожные, испытующие взгляды двух юных пришельцев. Во взглядах этих не было испуга, но все же была некоторая растерянность.

Мещерский не знал, что, подходя к дому, ребята увидели солдат. Не знал, что Ашот сразу же нырнул в кусты и наотрез отказался заходить в дом. Но Женя его уговорила не бояться. Она напомнила ему, что ее дедушка врач и к нему в любое время приходят самые разные люди. И ничего удивительного нет в том, что на сей раз к нему пожаловали военные. И очевидно, они подготовились к тому, что встретят в доме кого-нибудь из них. И все же неожиданное появление Мещерского озадачило ребят.

— Нашлась, нашлась, — лепетал от радости старый доктор. — Но где же они тебя прятали? Мы все перевернули в округе вверх дном!

Мещерский насторожился. Но Женя не стала вдаваться в подробности о месте своего заточения.

— Здесь меня надо было искать, в городе, — сказала она.

Она сказала это так просто и так искренне, что Мещерский на какой-то момент даже засомневался: «Уж об этих ли двоих говорил ему есаул Попов? И каким же на самом деле связным может быть эта девчонка?» Но сомнения эти продолжались очень недолго. Уже давно укоренившаяся в нем привычка не доверять никому и ничему и даже своему собственному чутью сказалась и на этот раз. И капитан подавил свои же собственные сомнения. Если девчонка может и на самом деле быть ни при чем, то парню во всех случаях и непременно

следует устроить очную ставку с тем типом, которого обещал прислать в контрразведку есаул.

— А вот кто меня вызволил из плена, — продолжала Женя и указала на Ашота.

Только сейчас Прозоров заметил в своем доме еще одного человека. Человек мало походил на спасителя. С него так же, как и с внучки, текла ручьями вода. Он робко жался к двери и теребил в руках свою мохнатую шапку. Но он сразу же понравился доктору.

— Что же вы тут стоите, молодой человек, — шагнул навстречу Ашоту доктор. — Проходите. Давайте переодеваться, сушиться, приводить себя в порядок. Чувствуйте себя тут как дома.

Мещерский решил, что ему здесь больше делать нечего.

— Надеюсь, доктор, теперь, когда все кончилось так хорошо, мы вправе ожидать вашего возвращения в больницу, — сказал он.

— Да, — не стал возражать Прозоров.

— В таком случае, я удаляюсь, — сказал Мещерский и вышел.

Дождь уже перестал. Он кончился так же внезапно, как и начался. И теперь капало лишь с деревьев. Мещерский вышел из сада, закрыл за собой калитку и отыскал солдат. Они стояли неподалеку, под большим навесом. Капитан подал им знак. Солдаты, прыгая через лужи, тотчас подбежали к нему. Он коротко отдал им приказание, погрозил для пущей убедительности обоим кулаком, сел в свой экипаж и помчался в контрразведку. А солдаты, прихватив за поводья коней, направились к забору, окружавшему докторский дом.

Глава 12

— Во что же мне вас переодеть? — разглядывая Ашота, задумался доктор.

— Дай ему свой халат, — посоветовала Женя.

— Да ведь он же в нем утонет, — засмеялся доктор. — А впрочем, пожалуйста!

Он проворно пошел в свою комнату. А Ашот сейчас же схватил Женю за руку и зашептал:

— Зачем мне халат? Мне сейчас же уходить надо.

— Сначала поешь! — запротестовала Женя.

— Дай на дорогу кусок хлеба.

— Но мы даже ни о чем не расспросили дедушку! Ты даже не знаешь, куда идти! — на своем стояла Женя.

За окном, за садом прогремел то ли запоздалый гром, то ли далекая орудийная пальба.

— Сам все найду. Туда пойду, — показал Ашот рукой в сторону, откуда донеслись тяжелые раскаты.

— Что же я дедушке скажу? — Женя поняла, что не удержит его.

— Лучше всего — ничего. Домой, мол, очень заторопился, — сказал Ашот и, нахлобучив по самые брови свою шапку, тихонько вышел из комнаты.

— Тогда я тебя провожу! — Женя догнала его на тропинке в саду. — Ты настоящий парень, Ашот, — негромко сказала она. — Возвращайся потом к нам. Дедушка для тебя все сделает, как для меня. Он очень хороший.

— Я понял. Он мне сразу понравился, — согласился Ашот и пожал Жене руку. — Я обязательно вернусь, и мы вместе пойдем к Сурену. Он тоже очень хороший человек.

— Конечно, — помахала вслед ему рукой Женя.

Ашот вышел из сада, а Женя подбежала к калитке и снова помахала ему рукой. И тут она вдруг увидела, как к Ашоту подскочили двое солдат и схватили его сразу с двух сторон. Ашот попытался вырваться, у него с головы слетела шапка. Но солдаты лишь крепче схватили его, обвязали веревкой, посадили на коня и куда-то увезли.

Все это произошло так быстро, что Женя ничего даже не успела сообразить. А когда она выбежала из сада и побежала к тому месту, на котором только что схватили ее друга, там никого уже не было. Только валялась в грязи лохматая шапка Ашота. Женя подобрала эту шапку и что было мочи припустила домой. Она влетела в комнату в тот момент, когда дедушка, ничего не понимая, стоял с халатом в руках посередине комнаты и беспомощно оглядывался по сторонам.

— Ашота арестовали! — выпалила Женя и бросилась к нему.

— Как арестовали? — опешил доктор. — Кто?

Женя рассказала, что произошло.

— Не может быть! — не мог поверить случившемуся доктор.

— Может, дедушка! Может! Я теперь поняла: за нами гнались всю дорогу. За шапкой вот за этой гнались! — почти выкрикнула Женя и бросила дедушке в руки лохматую и грязную шапку Ашота.

Доктор поймал шапку на лету, повертел ее в руках, помял и неожиданно для себя вытащил из-под подкладки сложенный в небольшой квадрат кусок карты.

— Его красные послали. Им срочно нужна помощь. Там люди гибнут, раненые, — быстро объяснила Женя. И, сбиваясь и запинаясь от волнения, перескакивая с одного на другое, рассказала обо всем, что произошло с ней за эти дни. Доктор слушал и не верил своим ушам.

... Бандиты... Пещера... Казачьи кони... Пастух... Собака... Лодка... Все это мелькало сейчас в его воображении, как кадры кинематографа. Он и видел это и воспринимал, но не понимал. Неужели его двенадцатилетняя внучка, которая до смерти боялась пустых темных комнат, пережила все ужасы бандитского плена и выдержала все выпавшие на ее долю испытания? А сейчас, хоть и волнуясь, но явно без тени страха рассказывает обо всем об этом, как о самом обычном деле... И еще никак не мог понять доктор, откуда в этом оборванном, наверняка полуголодном и безграмотном мальчишке взялась такая напористость и сила, которой мог бы позавидовать любой взрослый мужчина... В какие-то моменты доктору вдруг начинало казаться, что все это абсолютная чушь. И что его внучка просто-напросто бредит. Но он опускал глаза, видел в своих руках карту с корявой карандашной отметкой на склоне горы и вздрагивал, словно сам неожиданно попадал в зону этой отметки.

В конце концов вся картина стала ему ясна.

— Боже мой, боже мой, — повторял он, раскачиваясь в кресле. — Ведь он почти ребенок!

— Ты должен ему помочь! И как можно быстрее!

Старый доктор встал с кресла. Он прошел несколько раз из угла в угол комнаты и сказал:

— Хорошо. Но давай во всем разберемся.

— Давай, — сразу обрадовалась Женя.

— Ты говоришь, что его забрали солдаты? Но какие? Мало ли в городе частей...

— Не знаю, — пожала плечами Женя. — На них же не написано... А ты позвони коменданту. Может, это были патрули? — посоветовала Женя.

Доктор задумался. Он снова несколько раз прошел из угла в угол.

— Понимаешь, Женюра, нам ни у кого ничего спрашивать нельзя, иначе мы себя выдадим, — сказал он. — Скажи: солдаты видели, что ты наблюдала за ними?

— Нет. Я стояла за калиткой. А когда поднимала шапку, там никого уже не было.

— Да ты успокойся. Найдем твоего друга, — доктор потер виски. — Кажется, я кое-что придумал. Все будет хорошо, если будешь меня слушаться беспрекословно.

— Буду! Все буду делать! — поклялась Женя.

— Тогда, первым делом, марш в постель! — приказал дедушка и ушел к себе в кабинет.

Там он открыл маленький шкафчик, в котором хранил лекарства, достал два пузырька и небольшую баночку и снова вернулся к Жене. Женя уже лежала под одеялом. Дедушка дал ей выпить ложечку какой-то микстуры, потом таблетку.

— Запомни: ты больная. Через час у тебя вроде бы поднимется температура, — сказал он. — Ты должна будешь все время лежать. А если кто-нибудь придет тебя проведать, положи на голову мокрую тряпку и стони.

— Поняла, — ответила Женя.

Глава 13

Догорел последний смоляной факел, и пещера со всем ее гарнизоном окунулась во мрак. Бойцы могли теперь передвигаться только на ощупь. Дневной свет, пробивавшийся через узкую щель забаррикадированного повозками и камнями входа, еле-еле освещал лишь переднюю часть общего «зала». В боковых же ответвлениях, где разместили раненых, было совершенно темно. Санитары и те, кто ухаживал за ранеными, добирались к ним на четвереньках, придерживаясь руками за каменные своды пещеры.

Задуть гарнизон пещеры дымом белым не удалось. Дым, поваливший в пещеру вначале как в трубу, потом почему-то перестал набиваться внутрь нее, закружился у входа, пополз по скале вверх.

Но и от того количества, которое все же попало под каменный свод, дышать в пещере было трудно. Люди кашляли, глаза у них слезились, головы ломало от боли. Но они держались и даже отбили еще один штурм белых с большими для казаков потерями. Немало за эти двое суток полегло и бойцов. Убитых и тяжело раненных уносили в глубь пещеры. А на их место на баррикаду вставали те, из лазарета, кто еще мог держать в руках винтовку. А если и не держать, то хотя бы стрелять из нее.

В первый же день обороны пещеры в строй вернулся Серега. Рана мучила его. Но он терпел, до хруста сжимал от боли зубы. А когда чувствовал себя немного лучше, даже шутил.

— Эй, лодыри чертовы! Мало вас лупит офицерье! — кричал он казакам. — Нас тут комары заедают, а вам лень дровишек в костер подкинуть!

— И то верно! С дымком-то вроде теплее было! — поддерживали Серегу другие бойцы.

— Да и посветлее малость. А то ни те газету почитать, ни письмишко домой написать.

Казаки в ответ зло ругались. Но к кострам в светлое время подходить боялись. Бойцы зорко держали выкуривателей на мушке и не одного из них меткими выстрелами уже отправили на тот свет.

Бойцы постарше в перебранку с белыми не вступали. Вели себя степеннее. Даже ворчали:

— Охота вам зубоскалить!

— Так скучно же, дядя, — оправдывались шутники и продолжали смеяться над казаками.

— Эй, олухи царя небесного! А не пора ли вам одуматься да, пока целы, поворачивать оглобли!

— А то и того проще: сдавайтесь прямо тут!

Одинцов тоже не поддержал молодежь:

— Орете! Зря силы тратите. А они еще пригодятся.

Но комиссар отряда Лузгач сделал ему внушение:

— Ты за теми смотри, кто по ночам плачет. Им твое внушение нужно. А за этих ребят будь спокоен.

И командир отряда Пашков тоже поддержал комиссара:

— Пока бойцы смеются, морально они не сломлены. Значит, белым в пещеру не войти. Но конечно, на одном энтузиазме держаться трудно. Собери-ка, Одинцов, ко мне всех командиров. Пусть доложат, сколько осталось на каждую винтовку патронов и на каждого бойца воды. Будем вести совет, — приказал он.

Одинцов отполз в темноту. А вскоре вокруг Пашкова стали собираться командиры.

Приползали и докладывали:

— В строю осталось десять человек. По три обоймы на брата. Воды — по полфляжки.

— В строю шесть человек. По две обоймы и по гранате. Воды — одна фляжка на троих.

Были и такие доклады:

— В строю восемь. На пулемет — одна лента. На винтовку — по обойме. Воды нет: отдали раненым.

— Что же будем делать, товарищи? — спросил Пашков.

— А что с такими силами можно делать? Ждать. И только, — высказал свое мнение Одинцов.

— Чего?

— Помощи.

— От кого?

— Известно. От своих.

— А если парнишка до них не дошел?

— Все одно — должны хватиться. Не нас, конечно, раненых. Но должны, — уверенно сказал Одинцов. — Товарищ Киров как говорил? За раненых все в ответе. Вот их и хватятся.

— Должны хвататься, — согласился Пашков. — Есть еще предложения?

Командиры задумались. Потом заговорили:

— Похоже, прав эскадронный.

— Ждать — дело самое простое. Ждать можно и день. И два. И три, — сказал Лузгач. — Только кто же из раненых столько без воды выдержит?

— Три дня никто, — сказал Пашков. — Я с комиссаром согласный. И потому приказываю: сегодня ночью попробуем небольшой группой прорваться из окружения. Прорваться, уйти в горы и дойти

до своих. Казаки нашей вылазки наверняка не ждут. А мы и попробуем. Группу выделим человек в десять. Отберем только добровольцев. Дадим по гранате и по две обоймы на брата. А дальше сами пусть добывают. Так-то, товарищи командиры. Это и будет настоящая забота о наших раненых товарищах...

— Кто же с ними пойдет? — спросил Одинцов.

— Ты и пойдешь, — ответил Пашков. — Готовьте людей, товарищи командиры.

Глава 14

Мещерский вернулся в контрразведку, когда казаки снимали с коня Сурена. Избитый и измученный ездой чабан еле стоял на ногах. Чибисов пытался его поддерживать, но, увидев капитана, бросился ему навстречу.

— От есаула Попова? — сразу догадался Мещерский.

— Так точно, ваше благородие! — доложил Чибисов.

— Давайте его прямо ко мне! — приказал Мещерский и поднялся на крыльцо.

Через несколько минут к нему в кабинет ввели Сурена. Мещерский внимательно осмотрел чабана и сочувственно поморщился.

— Грубо, однако, с тобой обходились, милейший, — сказал он и прищелкнул языком. — Надеюсь, мне не придется прибегать к таким мерам. Развяжите его.

Чабана развязали.

— Хочешь сесть? Подайте стул! — приказал Мещерский.

Сурен как подкошенный свалился на стул.

— И воды ему дайте, — распорядился Мещерский и прочитал записку, которую прислал ему есаул.

Потом сел в кресло за свой стол, вырвал из блокнота лист бумаги, что-то на нем написал и отдал бумагу Чибисову.

— Скачи на базарную площадь. Найдешь там артиллерийский склад. Отдай бумагу начальнику. Получи что надо и возвращайся побыстрее к есаулу, — сказал Мещерский и закурил.

Чибисов, откозыряв, вышел из кабинета. А Мещерский, продолжая курить, спокойно говорил Сурену:

— Ты можешь сам подписать себе смертный приговор, милейший. А можешь очень легко и быстро освободиться и навсегда уйти отсюда.

Голос контрразведчика долетал до Сурена как гул далекого обвала. Он почти его не слышал.

— Тебе ничего для этого не придется рассказывать. Надо будет лишь сказать «да» или «нет», — продолжал капитан. — Я покажу тебе во дворе одного парнишку, а ты должен будешь вспомнить: давал ему лодку или нет. И сказать об этом мне. «Да» или «нет». Вот и все...

«Значит, взяли ребят, — понял Сурен. — Но почему он говорит только о парнишке? А девчонка? Что стало с ней?»

— Ты меня слышишь, милейший? — повысил вдруг тон Мещерский.

— Хорошо слышу, — ответил Сурен. И подумал: «А может, взяли совсем не того?»

— Ну вот и прекрасно. И не бойся. Парнишка тебя не увидит. Ты его будешь видеть, а он тебя нет. Наверное, так будет лучше?

— Наверное, — снова ответил Сурен. И снова подумал: «Нашел дурака, шакал паршивый, будто я верю хоть одному твоему слову. Только откуда же он узнал про лодку?»

А Мещерский продолжал свое:

— Парнишка сам во всем признался. Тебе нечего его жалеть. Он плут. Мы давно его ищем. Он связался с бандитами и помогает им воровать у богатых людей детей. Он и тебя обманул. А нам сказал, что ты сам дал ему лодку.

«И за это меня били? — чуть не вырвалось у Сурена. — Можешь говорить мне что хочешь, — подумал он. — Знаю я, что мне делать».

— Но если ты вздумаешь морочить мне голову, пеняй на себя, милейший, — предупредил Мещерский. — Живым отсюда не уйдешь.

Мещерский встал из-за стола и подошел к окну. И в этот же момент во двор въехали двое конных. Поперек лошади на седле у одного из них лежал Ашот. Сурен сразу же узнал его. Ему даже не надо было напрягать для этого память, не надо было приглядываться и подходить к окну. «Значит точно, взяли, — екнуло у Сурена сердце. — А девчонка? Неужели утонула? Эх, шайтан, почему сам их не повез? Разве можно было отправлять их одних?»

Зато Мещерский, увидев солдат и того, кого они привезли, весь просиял. От восторга он хлопнул в ладоши и с удовольствием потер их одна о другую.

— Так-с, все прекрасно, — сказал он, — Посмотри-ка, милейший, узнаешь ли ты этого человека?

«Это-то тебе и надо», — подумал Сурен и ответил:

— Никогда не видел.

— Как? — опешил Мещерский. — Он же к тебе приходил за лодкой?!

— Никто ко мне не приходил, — категорически сказал Сурен и отвернулся от окна.

— Да ты хорошенько посмотри! Хорошенько! — потребовал Мещерский. — К окну подойди!

— Незачем ходить. Первый раз его вижу, — повторил Сурен.

— Значит, так! — изменился в лице Мещерский. Простодушие и приветливость с него точно ветром сдуло. Шрам побелел. Левый ус нервно задергался. — Значит, по-хорошему мы никого узнавать не хотим. Дежурный!

В кабинет тотчас вбежал младший унтер-офицер Сыч. В дверях замерло еще двое солдат.

— В подвал! В изолятор! — рявкнул Мещерский, указав на чабана.

Солдаты подхватили Сурена под руки и потащили в подвал. А Мещерский вызвал подпоручика Геборяна. Совещание офицеров было коротким. Решили, прежде чем начать допрос с пристрастием (так в контрразведке именовали экзекуции), попробовать добыть признание добровольно, но уже у парнишки. Для этого чабана снова вывели из подвала, усадили за стол в комнатке рядом с кабинетом Мещерского. На стол перед ним поставили стакан с чаем и тарелку с пирогом. А напротив с наганом в руке сел подпоручик Геборян. После этого в кабинет Мещерского ввели Ашота. Его тоже не били и даже толкали не очень грубо. Мещерский взял двумя пальцами его за подбородок и, пристально заглядывая в глаза, с усмешкой сказал:

— Ну вот и закончилось твое путешествие, парень. Дальше ты уже не пойдешь.

У капитана были холодные жесткие руки и хрипловатый голос.

— Но ты еще можешь вернуться назад, — продолжал он. — Мы не воюем с детьми. И тотчас же отпустим тебя, если ты расскажешь, кого еще, кроме тебя, послали на связь с красными из пещеры. Ты понял меня?

— Никакой пещеры я не знаю, — сказал Ашот.

Мещерский засмеялся.

— Не валяй, парень, дурака. Все ты отлично знаешь, — примирительно сказал он. — Там в пещере уже всех прихлопнули. Но нам надо поймать и остальных связных. Вот ты и скажи: кого еще послали ваши комиссары и какой дорогой?

Ашот не поверил капитану. Но все же от его слов ему стало не по себе. Откуда вообще знал капитан о пещере? Сообщили казаки? А как удалось белым выследить его самого? Ведь этот офицер уже ждал их в доме у доктора. Теперь Ашот не сомневался в этом ни капельки. И самое главное, что больше всего не давало ему покоя: что стало с его шапкой? Он умышленно отшвырнул ее, когда его хватали, в сторону. А вдруг солдаты все же подобрали ее и нашли в ней карту? Наверное, во взгляде у него колыхнулась тень замешательства, потому что капитан сразу же ее заметил. Оценил как знак благожелательности и продолжил дальше:

— Мы следили за тобой с первого твоего шага, — сказал он. — И лодку тебе дал тоже наш человек. Не веришь?

Капитан приоткрыл дверь в соседнюю комнату.

— Посмотри, — предложил он.

Ашот посмотрел и чуть не вскрикнул от неожиданности. За столом как ни в чем не бывало сидел Сурен и пил чай. Пил чай и закусывал пирогом. Он искоса взглянул на Ашота и отвернулся. У Ашота язык пристал к нёбу!

Капитан закрыл дверь.

— Все очень просто, — объяснил он. — Он дал тебе лодку, а сам сообщил нам, куда ты пошел. Мы тебя встретили, и вот ты здесь.

«Все очень просто, — машинально про себя повторил Ашот. — Он дал нам лодку...»

— Сейчас мы его отпустим. А потом отпустим и тебя, если ты, конечно, скажешь, кто еще пошел на связь с красными, — говорил офицер.

«Сейчас его отпустят, — снова повторил Ашот. И вдруг его обожгла догадка. — А ведь Сурен не знал, что мы шли к доктору. Я и сам этого не знал! Как же тогда он мог об этом сказать?»

— Ну? — нетерпеливо спросил офицер.

Ашот молчал. Он думал. Думал, что ответить этому злому усатому человеку.

— Говори! — потребовал офицер.

— Я не знаю никакой пещеры, — повторил Ашот.

Глаза у капитана сузились.

— Врешь, — тихо выдавил он. — Все врешь, червяк...

«Значит, и шапку не нашли. А то бы ты сразу карту мне показал», — подумал Ашот.

— Врешь! — уже громче повторил офицер и снова, но на сей раз уже настежь, распахнул дверь соседней комнаты. — Оба врите. Но вы скажете правду...

Ашот снова увидел Сурена. И еще он увидел другого офицера, который сидел напротив чабана и держал в руке направленный на него наган. Теперь Сурен уже не пил чай. Он сидел сложа руки и смотрел на Ашота, и только сейчас Ашот заметил, как изуродовано лицо чабана. Правый глаз заплыл от удара. На щеке рубец от плети.

Потом капитан приказал поставить Ашота и Сурена друг против друга.

— Поговорите. Хотя бы поздоровайтесь, — улыбаясь, цедил он сквозь зубы. — Да пожмите же друг другу руки, черт возьми!

Солдаты насильно сунули руку Ашота в широкую ладонь чабана.

— Вот так, — одобрительно сказал капитан и вдруг что было силы хлестнул чем-то тонким и гибким по их рукам. Острая, как от каленого железа боль пронзила руку Ашота. Он вскрикнул. Но тотчас же сжал зубы.

— Не нравится... ведь это только самое начало... Десять плетей! — скомандовал Мещерский.

Солдаты повалили Ашота на пол, в кабинете засвистела плеть. На какой-то момент Ашоту показалось, что он теряет сознание. Удары буквально разрывали ему спину. Но он даже не стонал. Знал: пощады не будет все равно.

Когда экзекуция закончилась, Ашота снова подняли на ноги.

— Отвечайте: когда и где вы встречались раньше? — прохрипел капитан. И в это время на столе у него зазвонил телефон.

Капитан с неохотой отвернулся от арестованных и кивнул подпоручику. Тот быстро взял трубку, с кем-то поздоровался и протянул трубку капитану:

— Доктор Прозоров желает говорить с вами.

— Что ему надо? — с еще большей неохотой спросил Мещерский.

— Утверждает, что дело крайне неотложное и серьезное, — доложил подпоручик.

Мещерский поморщился и взял трубку. Голос доктора звучал взволнованно и громко.

— Да, да. Я опять вынужден вас беспокоить, — говорил в трубку доктор. — И по очень неприятному поводу. У моей внучки, господин капитан, тиф.

— Что? — остолбенел капитан.

— Да, да. Самый настоящий сыпняк. И не сегодня завтра я ее положу в лазарет, — подтвердил доктор.

— Только этого нам и не хватало, — взвился Мещерский и вдруг, взглянув на арестованных, сам закричал в трубку визгливым голосом: — А этот парень, который с ней был, он здоров?

— К сожалению, он уже ушел, — ответил доктор. — Я, естественно, осмотреть его не успел. Но поскольку они все время были в контакте, есть все основания полагать, что и он либо болен, либо является переносчиком этой заразы. Честь имею.

Доктор повесил трубку.

Глава 15

Командир Пашков не увидел тех десятерых, которых отобрал для броски Одинцов. В пещере было уже совсем темно. Но Пашкову и не нужно было на них смотреть: он каждого из них узнал по голосу. Подойдя к строю, Пашков протянул руку, положил ее на плечо правофланговому бойцу и сказал:

— Ну, готов?

— Готов, товарищ командир, — услышал он в ответ низкий голос бойца.

— Ты Каштанов? — спросил Пашков.

— Я, товарищ командир, — подтвердил боец.

— Партбилет сдал? — продолжал спрашивать Пашков.

— Сдал комиссару.

— Конечно, может, и зря окажется такая предосторожность. Но сам понимаешь, Каштанов, — сказал Пашков.

— Понимаю, товарищ командир, — ответил боец.

— И остальные сдали? — спросил Пашков.

— Сдали, — слышались ответы.

— И ты тут, Гаврилюк? И ты, Боков? — узнал по голосу бойцов Пашков.

— А где ж нам быть...

— Хорошо. Гранаты у всех есть?

— Есть. Еще бы по одной...

— Дал бы, ребята, да у самих ничего не остается. А нам ведь раненых защищать, — напомнил Пашков. — Ну, хорошо.

К ним, ориентируясь на голоса, подошел комиссар Лузгач. Сказал вполголоса:

— Баррикаду частично разобрали.

— Для отвлекающего маневра люди готовы? — спросил Пашков.

— Готовы.

Пашков снова обратился к тем, кто стоял перед ним в строю.

— Сейчас, товарищи, я вас познакомлю с нашим замыслом, — сказал он. — Если казаки и ждут наших контратак, так только по дороге. И наверняка организовали на ней заслоны. А вы в горы пойдете. Там вас никто не ждет. Сначала мы выдвинем взвод на дорогу. Он завяжет с казаками бой. Казаки, как и полагается, попытаются наш взвод смять. Мы поддержим его пулеметным огнем. А вы тем временем поднимайтесь на гору и дуйте в лес. Погони за вами не будет. Кто вас ночью найдет в лесу? Растеряться тоже не бойтесь. С рассветом обходите вершину справа. Спуститесь на той стороне к реке. Там и соберетесь. Через реку вплавь. К железной дороге не подходите. Она охраняется, и вам через нее не пройти. Идите на солнце. Благодать оставите в стороне. Выйдете в низине. А за ней и фронт. Ясен маршрут?

— Ясен, — нестройно ответили бойцы.

— А раз ясен, тогда время терять не станем, — сказал Пашков и каждому из десяти на прощание пожал руку. — Только помните: не

ради спасения собственных жизней идем мы на эту крайнюю меру. Ведет нас наш высокий революционный долг и строгий приказ товарища Кирова все сделать, себя не пожалеть ради спасения раненых товарищей. Так-то, товарищи!

Потом обернулся к Лузгачу.

— Выводи взвод, — сказал он.

Комиссар Лузгач бесшумно растворился в темноте. Немного погодя Пашков услышал, что за ним пошли люди. План действий отвлекающей группы был разработан до мелочей. Надо бесшумно выйти из пещеры через проход в баррикаде. Прикрываясь темнотой, пробраться к скале. Насколько возможно, подползти к дороге, коротким решительным штыковым ударом перебить казаков в пулеметном гнезде, завладеть пулеметом, развернуть его вдоль дороги и завязать с казаками огневой бой. А как только он разгорится, группе Одинцова взбираться на карниз и уходить в горы.

Казалось, все было продумано и учтено до мелочей. Но выполнять все это в кромешной темноте пещеры оказалось совсем не так просто. Комиссар Лузгач, боясь малейшего шума, приказал своим людям разуться и обмотать приклады винтовок тряпками. Это было сделано. Но когда бойцы выбирались из пещеры через проход в баррикаде, кто-то оступился. Упал. Расшевелил каменный запал. Камни с грохотом посыпались вниз. Кого-то ударили по ноге. Не стерпев боли, человек вскрикнул. И тут началось...

Ударил пулемет, который надо было захватить. Защелкали казачьи карабины. К счастью, никто из бойцов не пострадал. Те, кто уже вылез из пещеры, быстро попадали на землю. Те, кто только был готов протиснуться сквозь проход баррикады, — спрятались за камни. Казаки постреляли, покричали и так же неожиданно замолчали. Операцию отложили на полтора часа.

Однако через полтора часа все начали сначала. На этот раз с предельной осторожностью отряд комиссара покинул пещеру. Бойцы сосредоточились под скалой и бесшумно подползли к камням, за которыми стоял пулемет. Впереди полз комиссар Лузгач.

Он подал знак бойцам и первым очутился возле расчета. Пулеметчики, по всей вероятности, дремали, потому что ни один из них даже не поднял головы. Лузгач и тот боец, который был с ним в

паре, легко и без суеты обезвредили расчет. Но очевидно, все же они чем-то выдали себя. Ибо казак, лежавший за соседним камнем, неожиданно окликнул пулеметчиков:

— Что вы там возитесь? Эй, Силантий, ты что?

Ему, конечно, никто не ответил. И тогда казак заорал во весь голос:

— Тревога! Тревога, братцы!!

И выстрелил в воздух. В следующий момент в него из нагана несколько раз выстрелил Лузгач. А боец развернул пулемет вдоль дороги и дал длинную очередь в ответ на замелькавшие тут и там огоньки выстрелов казаков. Перестрелка началась.

Как только гул выстрелов заполнил поляну, подал команду своей группе Одинцов. Белые, казалось, совсем забыли о пещере. Бойцы беспрепятственно выбрались из-за баррикады наружу и сразу начали карабкаться по склону горы вверх. Так же благополучно они добрались до карниза и совершенно неожиданно для себя напоролась на засаду. Три выстрела ударили по ним из темноты. Но белые явно опоздали. В общей суматохе перестрелки они не заметили, как группа Одинцова очутилась на поляне, не видели, как бойцы поднялись на карниз, и спохватились только тогда, когда красные уже поднялись выше их. Одинцов бросил в стрелявших гранату. Она взорвалась, осветив желтоватым пламенем бородатого казака и какие-то диковинные, свежеструганные слепы, торчащие над входом в пещеру. Потом вслед бойцам стреляли еще. И еще. Но их уже надежно скрыли деревья и большие, поросшие диким виноградом и мхом камни. Одинцову казалось, что группа разбрелась, что до рассвета и думать нечего собирать людей. Но на первой же остановке, когда он опустил на траву перевести дух, к нему подошли двое его товарищей. В темноте кто-то легонько свистнул. Из темноты вышли еще двое. Потом еще один. А когда двинулись дальше, к ним присоединились еще два человека.

— Сколько же нас? — даже не поверил Одинцов.

— С тобой аккуратно восемь, — пересчитал людей боец.

— И все целы?

— Вроде никого не зацепило, — ощупав себя, ответили бойцы.

— Где же еще трое? — спросил Одинцов.

— Может, вперед ушли. Может, назад вернулись...

— А может, уже на небе...

— А может, уже у реки нас ждут, — сердито сказал Одинцов. — А мы прохлаждаемся.

Спорить с ним не стали, хотя все отлично понимали, что до реки никто из них не успел бы добраться в на самом лихом скакуне. Пошли на яркую, маячившую над головами звезду и на черный силуэт горной вершины, оставляя ее, как и требовал того командир Пашков, слева. Несколько раз останавливались. Отдыхали. И шли дальше. Во время одной из таких остановок Одинцов вдруг вспомнил:

— А что, хлопцы, когда я гранату шарахнул, кто видел, какие-то там жерди беляки понастроили?

Шесть человек не видели ничего. Седьмой сказал:

— Я тоже припоминаю. А сначала мне показалось, что это в глазах зарябило.

— Нет, это точно. Что-то они там построили.

— А что же это может быть?

— А леший их знает.

— Мне теперь кажется, они навес над пещерой делать хотят. Как будто от дождя хорониться.

— Ну да, чтоб наших там не замочило, — подсказал кто-то.

— А скамеек не видели? — шутя спросил другой. — Опять же чтобы товарищи бойцы могли посидеть и выкурить сигарку.

— А может, повешают они на те жерди веревки с петлями для товарищей бойцов? — спросил третий.

— Скорее всего, — согласился Одинцов. — Только этих товарищей надо еще взять.

Начало светать. Группа перевалила через гору. Внизу серой лентой в предутренних сумерках показалась река. До нее было далеко, но сверху она казалась почти рядом.

— Поглядывайте по сторонам. Может, и те трое тут где-нибудь, — приказал Одинцов.

Бойцы старательно выполняли эту команду. Смотрели и туда и сюда. Часа через два спустились к воде. Затаились в прибрежных кустах и ждали, не выйдут ли на берег остальные. Но не вышел никто.

— Значит, троих уже потеряли, — сказал Одинцов. — А время идет. И надо спешить. — И он первым вошел в воду.

Глава 16

Поговорив с Мещерским, доктор положил трубку и сел на стул.

— Ну? — нетерпеливо спросила его Женя.

— Будем ждать, — сказал доктор.

— Чего? — не поняла Женя. — У моря погоды?

— Ждать, когда теперь позвонит он.

— А если не позвонит?

— Должен позвонить. Для них тиф страшнее красных, — уверенно сказал доктор и опустил голову на руки.

— А по-моему, ты опять зря тратишь время, — сказала Женя и сбросила с себя одеяло.

— А вот это я тебе делать запрещаю, — категорически сказал доктор.

— Но мне жарко!

— Это и требовалось, — сказал доктор и подошел к постели. Он снова накрыл внучку одеялом и положил свою руку ей на лоб. — Прекрасно.

— Что прекрасно?

— У тебя, моя милая, поднимается жар. Вот что прекрасно, — объяснил доктор, и в этот момент зазвонил телефон. Он звонил требовательно, нетерпеливо. Но доктор не спешил снимать трубку. А когда снял, то заговорил сердитым и очень недовольным голосом человека, которого оторвали от срочных дел.

— Да, да! Я слушаю. Ах, это вы! Да, да. Ах, он у вас! — Потом наступила длинная пауза. А после нее снова возбужденно заговорил доктор: — Не могу дать гарантию. Мне надо его осмотреть. Да. Именно. Осмотреть, и сейчас же.

Жене показалось, что дедушка даже повеселел, хотя лицо его было все таким же хмурым. Но двигаться по комнате он явно стал живее. Он подошел к вешалке, надел свой брезентовый плащ, в котором обычно ездил на вызовы, взял саквояж с лекарствами и направился к выходу. Однако у порога доктор остановился и обернулся к внучке.

— Твой приятель в контрразведке. И они его допрашивают. Какой кошмар! Ведь он почти ребенок... Этот мрачный жандарм с усами и шрамом звонил мне только что. И хочет он того или не хочет, он допустит меня осмотреть твоего приятеля. Но предупреждаю тебя еще раз, Евгения: ты должна играть свою роль до конца. Ты больная. И тяжело больная. Поняла?

— Все поняла, дедушка, — ответила Женя.

— Тогда я пошел. А все, что надо будет делать тебе, я сообщу.

И доктор Прозоров вышел из дома. Через полчаса он уже был в контрразведке. Его не сразу пустили к Мещерскому, но в конце концов провели в тот же кабинет, в котором только что допрашивали Ашота и Сурена. Мещерский был не в духе. И все же он выдавил из себя что-то наподобие улыбки.

— Вы меня обескуражили своим заявлением, — признался он. — Но я еще не сообщил об этом начальнику гарнизона. Если ваше предположение подтвердится, полковник немедленно отправит всех нас на фронт.

— К сожалению, это не предположение. Это уже реальность, — сказал доктор, снимая плащ.

— Но вы еще не осмотрели этих двоих, — хватаясь, как утопающий за соломинку, напомнил контрразведчик.

— Мало шансов, чтобы эта зараза не распространилась на них, — сказал доктор. И тотчас подумал: «Двоих? По почему же двоих? Кто же второй? Ах, да! Женя говорила же мне о каком-то пастухе. Но неужели уже взяли и его? Быстро же, однако, управляются эти мерзавцы...»

— Естественно, они уже изолированы, — сообщил Мещерский. — Вам придется спуститься в подвал.

— Я готов, — сказал доктор.

— Вас проводит подпоручик Геборян, — сказал Мещерский и заглянул Прозорову в глаза.

— Пойдемте, — не обращая внимания на это замечание, сказал доктор.

Подпоручик ждал его. У него все до мелочей уже было согласовано и оговорено с капитаном. Вместе с подпоручиком

доктора ждали двое солдат. В руках каждый из них держал по зажженному фонарю.

— Прошу, — сказал подпоручик, пропуская доктора впереди себя.

И все пошли. Один солдат впереди, за ним доктор. Следом подпоручик, а сзади всех снова солдат. У доктора создалось впечатление, что его тоже вели как арестованного. Однако ему ничего не оставалось делать, как подчиниться.

Возле массивной, окованной железом двери подвала тоже стоял часовой. И от этого ощущение, что его ведут под конвоем, усилилось еще больше. Даже подумалось: уж не сыграл ли с ним злую шутку контрразведчик? Заманил — и без лишнего шума за решетку? Возле дверей вся группа остановилась.

— Отпирай! — приказал подпоручик.

Часовой повернул в замке ключ и отодвинул засов.

— Открывай! — снова приказал подпоручик.

Часовой открыл дверь. Подпоручик, взяв у солдата фонарь, двинулся вперед.

Прозоров понял: настала минута действовать.

— Прошу не спешить, господин подпоручик, — слегка придержав офицера за рукав кителя, сказал он.

Подпоручик вопросительно посмотрел на него.

— Вам не следует туда входить, — предупредил Прозоров.

— То есть? — удивился подпоручик.

— В противном случае, если арестованные окажутся больными, я буду вынужден отправить вас в изолятор вместе с ними, — сказал доктор.

— Ну, знаете, этого еще не хватало! — негодуя фыркнул подпоручик, но дальше порога не пошел. Повертел в руках фонарь и протянул его доктору: — Тогда, пожалуйста, орудуйте сами.

Прозоров взял фонарь и зашел в помещение. Подвал был невысоким, полутемным и сухим. Свет еле пробивался в него с улицы через крохотное зарешеченное оконце. На полу лежала солома. А на ней два человека, большой и маленький, плотно прижавшись друг к другу. Лица их были видны плохо. Свет фонаря освещал их слабо. Но взгляды: суровый и ненавидящий у одного и полный растерянности у

другого — Прозоров разглядел. И понял: Ашот поражен тем, что увидел его здесь, действующего заодно с врагами. И уж конечно, уверен теперь, что это именно он, доктор, выдал его белым.

А может, и о Жене заодно тоже подумал бог знает что? От этой догадки Прозорову сразу стало не по себе. Но он взял себя в руки.

«Надо показать этим господам с оружием, что хозяин тут я, а не они, — подумал Прозоров. — Только тогда я смогу что-либо сделать». Он осветил фонарем в подвале все углы и, не найдя того, что искал, сказал:

— Мне нужна табуретка. Даже две.

Подпоручик тут же отослал одного из солдат за табуретками. А доктор как ни в чем не бывало продолжал разглядывать подвал. На одной из стенок он нашел большой крюк, подошел и повесил на него фонарь. Тем временем солдат принес табуретки. Прозоров занес их в подвал. На одной разложил добытые из своего саквояжа медикаменты. Другую оставил свободной. Потом подошел к арестованным.

— Я врач, — представился он им. — Мне надо вас осмотреть. Пожалуйста, подойдите ко мне.

Первым поднялся с соломы Сурен. И не спеша подошел к доктору.

— Раздевайтесь. Одежду сложите на табуретку, — сказал Прозоров.

Сурен так же неторопливо, морщась от боли, стал раздеваться. Прозоров увидел его исполосованную шомполами спину, запекшуюся на рубцах кровь и негодующе посмотрел на заглядывавших в подвал солдат.

— Здесь не цирк. И темно. Возьмите-ка лучше фонарь и подержите его над порогом, — потребовал он и помог Сурену отодрать рубашку, присохшую к ранам. — Подойдите поближе к свету. Я обработаю ваши раны, — сказал Прозоров Сурену.

Сурен повиновался. Он-то видел доктора в первый раз. И естественно, ни в чем плохом заподозрить его не мог.

— Будет больно, — предупредил Прозоров, — Терпите.

Сурен в ответ только стиснул зубы. И когда Прозоров мазал раны йодом, тоже не проронил ни звука.

— Хорошо, — похвалил его Прозоров, — Выпейте вот это лекарство.

Сурен и это сделал, не колеблясь.

— Хорошо, — снова похвалил Прозоров. Он мельком взглянул на дверь и, убедившись, что солдаты внимательно за ним наблюдают, добавил: — Я так и знал: вы больны. У вас поднимается жар. Я увезу вас в лазарет. Можете одеваться.

Сурен оделся. А Прозоров подозвал Ашота:

— Теперь идите сюда вы, молодой человек.

Ашот встал, но так и остался стоять на том месте, на котором только что лежал. У него, казалось, не нашлось сил приблизиться к этому доктору-предателю. Прозоров понял это, увидев во взгляде Ашота уже не только недоумение, но и презрение. И опять ему стало не по себе. Парень страдал от своих подозрений только сильнее.

— Не надо тебе было уходить из моего дома, — тихо сказал Прозоров. И громко добавил: — Подойди! Мне надо тебя осмотреть.

Вряд ли поверил Ашот словам доктора, но подошел к нему и молча начал раздеваться. Прозоров, увидев его исполосованную спину, чуть было не разразился бранью, однако взял себя в руки, смазал рубцы йодом и приложил ладонь к его лбу. Лоб у Ашота был холодным. Но Прозоров вздохнул и сказал:

— Так я и ожидал. Женя уже свалилась. И у тебя тоже начинается температура.

Вот теперь в непреклонном и суровом взгляде Ашота вдруг что-то смягчилось. А Прозоров продолжал:

— И тебя тоже придется уложить в лазарет, в изолятор. А пока выпей лекарство.

И тоже дал ему, пилюль и ложку микстуры.

Потом доктор собрал свои вещи, уложил их снова в саквояж и вышел из подвала.

К нему тотчас же подступил подпоручик. Двери в подвал были открыты, и он отлично слышал все, о чем говорил с арестованными доктор. Но сейчас он посмотрел на него вопросительно, словно не хотел верить собственным ушам.

— Они инфекционны, — объявил Прозоров голосом, не допускающим никаких возражений. — Я категорически запрещаю

какой бы то ни было контакт с ними.

— Лично я контактировать, как вы изволили выразиться, доктор, с этим отродьем и не собираюсь, — ответил Геборян. — Что же касается господина Мещерского — это его личное дело.

— С ним я тоже поговорю, — сказал Прозоров.

— Извольте, — галантно поклонился подпоручик.

Прозоров вернулся в кабинет начальника контрразведки. Мещерский, нещадно дымя папиросой, нервно расхаживал по кабинету. Увидев доктора, он повернулся, как на шарнирах, и замер в ожидании доклада.

— Ничем вас порадовать не могу. Тиф по всей форме, — сказал Прозоров.

Мещерский сделал паузу.

— Вы не ошибаетесь?

— Пригласите на консультацию любого врача. Впрочем, можно даже фельдшера, — предложил Прозоров.

— Может, вы скажете, где их взять? — съязвил контрразведчик.

— Не знаю, — ответил Прозоров.

— И я тоже, — признался Мещерский. — Так что же будем делать, доктор?

— Больных надо положить в изолятор. И немедленно. Это раз, — начал перечислять Прозоров. — Всех солдат, имевших с ними контакт, — отправить в баню. Тоже немедленно, а их белье продезинфицировать. Это два, — загибал он пальцы. — Вам, господин капитан, неотлагательно проделать все то же самое. Это три. Подвал, эту вашу камеру, — засыпать хлоркой или залить карболкой. А всю солому из нее сжечь! Это четыре.

— Все? — спросил Мещерский.

— Советую о зарегистрированных случаях тифа сообщить начальнику гарнизона.

— Не будем спешить, — замял этот вопрос Мещерский. — Я думаю о другом. Вы предлагаете отправить арестованных в лазарет. Но ведь я еще не закончил допрос?

Прозоров почти ждал такого ответа. И был готов к нему. Он знал свою силу — она в непреклонности. И еще раз решил не покуситься ничем.

— Я не предлагаю изолировать больных, господин капитан. Я требую этого, — твердо сказал он. — Я категорически запрещаю всякие контакты с ними. Неужели вы не понимаете, к чему это может привести? В городе нет ни врачей, ни медикаментов. Весь персонал моей больницы состоит из семи человек: я, акушер, две сестры и три санитары. Что сможем мы сделать, если в гарнизоне вспыхнет эпидемия?..

Прозорову казалось, что он говорит достаточно убедительно. В конце концов, все факты были на его стороне. Но он чувствовал, что контрразведчик в чем-то колеблется. А возможно, просто ему не доверяет. Он и слушал-то его так, что при этом все время мельком поглядывал в окно. Словно ждал кого-то.

И Прозоров тоже невольно осмотрелся по сторонам. Кабинет начальника контрразведки показался ему грязноватым и плохо прибранным. На одной его стене висела довольно безвкусная картина, изображающая местный пейзаж. На другой, в простенке между окнами, небольшая карта. На ней были три дороги от Благодати к фронту. Две низом, по долине, и одна через перевал. На дорогах в долине были обозначены посты и заставы. Дорога через перевал была свободной. То ли потому, что она была старой и ею почти уже не пользовались, то ли у белых просто не хватало сил. Прозоров об этом сейчас не думал. Его смущало поведение капитана. Мещерский снова и снова поглядывал в окно. Конечно, он кого-то ждал. И так оно и оказалось.

Прозоров хотел сказать, что допрашивать людей с высокой температурой, а она, он знал, уже должна была после его таблеток у них подняться, — просто даже глупо. Что в бреду они могут наговорить любой чепухи. Но в это время во двор заехал солдат, быстро привязал коня к коновязи и бегом побежал к крыльцу. Мещерский так и просиял, увидев его. И тотчас же сделал Прозорову знак рукой, словно хотел сказать: «Одну минуточку, доктор. Вас я уже выслушал!»

Солдат в этот момент открыл дверь кабинета, громыхая сапожищами, переступил через порог и, вытянувшись в струнку, замер. Только сейчас Прозоров увидел у него на погонах нашивки младшего унтер-офицера. Это был Сыч.

— Ну-с, и что? — с деланной вежливостью спросил его Мещерский.

— Так точно, ваше благородие, горит! — доложил Сыч.

— Что горит? — не понял Мещерский.

— Девчонка горит.

— То есть как «горит»? — совсем опешил Мещерский.

— А так, что в жару. И даже бредит.

— Точно слышал?

— Совершенно точно. И лоб рукой щупал, когда примочку подавал!

— Так что же ты тут топчешься, каналья! — захрипел вдруг Мещерский. — Марш в баню! И чтоб прожарил все обмундирование до нитки!

— Слушаюсь! — отчеканил Сыч и лихо повернулся на каблуке. — Разрешите сполнять.

— Марш отсюда! — брезгливо поморщился Мещерский и отвернулся к окну.

Прозоров слушал весь этот разговор в немом напряжении. Он понял, что речь шла о его внучке. Понял, что коварный контрразведчик и на сей раз устроил и ей и ему самому проверку. Он немного испугался, не зная, как Женя справилась со своей ролью. Но теперь, убедившись, что все прошло так, как и было задумано, естественно, возмутился.

— Он был в моем доме? — нахмурившись, спросил Прозоров.

— Увы, — подтвердил контрразведчик.

— Но ведь это же за гранью самой элементарной порядочности, господин капитан, — оскорбленно проговорил доктор, хотя в душе ликовал.

— Такова неумолимая логика борьбы, — развел руками контрразведчик. — Согласитесь: все это слишком неожиданно. Я только что видел вашу внучку здоровой — и вдруг она уже источник опасности. Пожалуйста, поймите меня правильно.

Прозоров понял, что он победил. Конечно, победа была еще очень и очень маленькой. Совсем крохотной. Но она была. И надо было ее немедленно закрепить.

— Надеюсь, теперь вы откажетесь от допроса? — спросил он, смело заглянув капитану в глаза.

— На время, — согласился капитан. — Честно говоря, никаких особо ценных показаний я от них и не жду. Мне просто важно, чтобы оба они были под стражей. К тому же есаул Попов завтра утром всю операцию закончит.

Прозоров не знал, кто такой есаул Попов и о какой операции говорил Мещерский. Но спрашивать не стал. Это могло бы лишь вызвать у контрразведчика всякие подозрения. Он сделал вид, что занят своими мыслями и вообще даже не слышал, о чем говорил капитан. Но в душе он сразу почувствовал тревогу. Уж не о том ли загнанном в пещеру отряде красноармейцев шла речь? Не против ли них начнет завтра утром операцию этот самый Попов? И если да, то как и чем можно еще помочь тем, кто оборонялся в пещере? Ответить на эти вопросы, хоть в какой-то степени, мог только Ашот. А поговорить с ним Прозоров мог теперь только в лазарете. Значит, надо было как можно скорей вызволить его из подвала. Выручил Прозорова неожиданно сам Мещерский.

— Вы наметили целый ряд неотложных мер, — напомнил он. — А кто будет их выполнять? Кто повезет больных? Кто будет дезинфицировать помещение? Жечь подстилку?

Прозоров ответил не сразу.

— Я приехал на больничной двуколке. Со мной санитар. Он все сделает, — сказал он, подумав.

— Хорошо, — согласился Мещерский. — И все же, доктор, больных будет сопровождать конвой. А у изолятора будут стоять часовые.

— Это меня не касается, — безразлично ответил Прозоров.

Сказав это, он направился к двуколке и загнал ее во двор. Он все предусмотрел и привез с собой большую бутылку карболки. Санитар тоже хорошо знал свое дело. И вскоре Ашот и Сурен сидели под тентом двуколки. Лошадьми правил санитар. Прозоров сидел рядом с ним. Сопровождал двуколку конвой из трех солдат.

Глава 17

В больнице доктор направил двуколку под надзором санитаря в изолятор, а сам поспешил домой. Женя лежала. И не поднялась даже

при его приходе. И только когда убедилась, что он один, вскочила на кровати, будто ванька-встанька. Прозоров замахал на нее руками. Он стал теперь очень подозрительным, ничему не доверял, не был уверен, что за ним не подсматривает кто-нибудь из посланных Мещерским через окно, и потому остановил внучку:

— Лежи, лежи! Я сам подойду.

Он подошел к Жене, сел возле нее на кровать, положил ладонь ей на голову и заговорил тихо и быстро:

— Я знаю. Тебя проверяли. Ты молодец. И вообще, все идет как надо. Они уже в изоляторе. А кто такой есаул Попов?

— Попов? Первый раз слышу, — пыталась припомнить и не смогла Женья. — А почему ты о нем спрашиваешь?

Доктор рассказал о том, что услышал от Мещерского, высказал свои предположения и опасения.

— Наверное, Ашот его знает, — решила Женья. — Ты немедленно должен сообщить все ему.

— Все сделаю, — согласился доктор. — Только ты пока полежи.

Женья опять спряталась под одеяло, а Прозоров направился в кабинет, разыскал какие-то бумаги, сунул их в свой саквояж, туда же положил лохматую шапку Ашота, запер ящики стола, потом запер кабинет, потом зажег большую керосиновую лампу, поставил ее на всякий случай, чтобы чего-нибудь не случилось, в таз, а таз — на стол, закрыл и запер дверь кабинета. Но в окне кабинета теперь был виден с улицы свет, и каждый мог думать, что доктор дома. Закончив все эти дела, Прозоров снова подошел к внучке.

— Сейчас приедут санитары и увезут тебя в изолятор, — предупредил он ее. — Сюда мы, очевидно, больше уже не вернемся. А если вернемся, то не скоро.

— А с кем же останется Маркиз? — забеспокоилась Женья.

— Его накормят. Я попрошу, — успокоил Женю доктор.

На крыльце слышались шаги, и в дом вошли двое санитаров с носилками.

— Забирайте ее и везите в изолятор, — распорядился Прозоров. — Я все тут закрою и приду следом.

Женю переложили с кровати на носилки и унесли. Большой докторский дом сразу опустел. Старый доктор почувствовал это всем

сердцем, и ему вдруг стало невыносимо жаль расставаться с его потемневшими стенами, к которым он так привык за долгие годы. А то, что расставание предстояло, и, может быть, навсегда, это он понимал хорошо. Прозоров обошел все комнаты, прощаясь с ними, везде по-хозяйски запер двери, запер входную дверь и пошел в изолятор напрямик, через больничный сад. Мысленно он попрощался с каждым деревом — ведь многие из них выросли и стали плодоносить уже при нем. Он ухаживал за ними, лечил их, как живые существа, и привык к ним, как к живым. Сейчас, в темноте, деревья были не видны. Но Прозоров великолепно помнил по памяти каждую яблоню, каждую грушу...

Обогнув маленькую больничную баню, Прозоров сразу вышел к изолятору. Над входом в помещение горел фонарь. Свет его, желтоватый и рассеянный, освещал крыльцо и сидевших на нем двух солдат. Третий, взяв ружье на ремень, неторопливо прохаживался под окнами изолятора. Тут же возле крыльца стояла двуколка. Кони спокойно жевали сено, заботливо брошенное кем-то перед ними на землю.

Солдаты знали доктора и пропустили его без разговоров. Прозоров зашел в изолятор и плотно прикрыл за собой дверь. Сурен и Ашот лежали на койках. Женю поместили в маленькую комнатку напротив.

— Вот твоя шапка. — Прозоров передал Ашоту его шапку.

Ашот схватил ее, как ястреб курицу, мгновенно сунул руку под подкладку и, ничего не обнаружив там, вопросительно уставился на доктора.

— А это тут, — объяснил доктор и указал на свой саквояж. — Тут надежней.

— Мне уходить надо, — тихо сказал Ашот.

— Все уйдем через полчаса, — ответил Прозоров. — Но пока лежите.

Он достал из саквояжа какие-то лекарства, разложил их на столе и начал что-то из них составлять. Он их смешивал, перетирал в фарфоровой ступке, опять раскладывал по порциям. Потом засыпал эти порции в прозрачные, словно из слюды, капсулы, положил их в коробочку, налил в стакан воды и вышел к солдатам.

— Когда смена? — спросил он того, который по возрасту показался ему самым старшим.

— А кто его знает, господин дохтур, разве что утром, — чистосердечно ответил солдат.

— То-то и оно, — участливо вздохнул Прозоров. — А вечером опять, наверное, вам заступать?

— А кому же еще? Известно дело.

— Это верно, больше некому, — согласился Прозоров. — Ну, а раз так, давайте для профилактики выпьем лекарство.

— Не положено на посту, господин дохтур, — ответил тот же солдат.

Прозоров не ожидал такого ответа. Но быстро нашелся.

— А тифом болеть положено? — повысил он голос. — А мне потом возиться с вами положено? Где ваши военные врачи?

— Да не слушайте вы его, господин доктор, давайте ваши пилюли, — миролюбиво попросил солдат, который стоял у окна.

— И то сказать, ему што? Пожил свое, а нам помирать еще рано, — поддержал приятеля третий солдат.

Прозоров не стал больше разговаривать и протянул солдатам капсулы. По три на брата. С лошадиной дозой снотворного. Другого выхода у него не было. Солдаты приняли лекарство. Сначала те двое, которые были помоложе. Потом, поворчав, выпил и самый пожилой.

— Если почувствуете жар или у вас заболит голова, сообщите мне. Я буду дома, — предупредил солдат Прозоров и ушел с крыльца в сад.

Отсюда, из темноты, ему было удобнее наблюдать за состоянием охраны. А лекарство между тем дало о себе знать очень скоро. Первым его воздействие почувствовал тот солдат, который караулил у окна. Он прижался к стене, оперся на винтовку и, клюнув несколько раз носом, медленно опустился на землю. Солдаты на крыльце еще пытались как-то держаться. Вероятно, им помогало то, что они все время переговаривались. Да и боялись, наверное, показать друг другу, что еле стоят на ногах. Но как бы они ни сопротивлялись, лекарство делало свое дело. Прозоров знал, что еще минута-другая, уснут и эти двое. Но пока эти минуты тянулись, он чуть не поседел. Ведь Мещерский в любой момент мог приехать сам или кого-нибудь

прислать проверить, как несут службу солдаты. И тогда... тогда даже страшно было подумать, что могло быть со всеми «больными» и с ним самим! Но другого выхода у доктора Прозорова не было. И он ждал, волнуясь и переживая за внучку, за себя, за Ашота и Сурена, за тех совершенно незнакомых ему людей, которым утром грозила неминуемая гибель...

В конце концов сник и выронил из рук винтовку последний, третий солдат. Прозоров, как молодой олень, что было духу вприпрыжку припустил через сад обратно в изолятор. Влетел в палату к мужчинам и коротко скомандовал:

— Выходите!

Потом он поднял Женю, а когда вместе с ней вышел в коридор, Ашот и Сурен были уже у дверей.

Солдат занесли в изолятор, уложили на койки и накрыли одеялами. Лампы в палатах потушили. Но фонарь на крыльце оставили гореть. Пока доктор запирает изолятор, Сурен и Ашот собрали винтовки и положили их в двуколку, потом все сели в нее, закрыли наглухо тент с белыми санитарными крестами и погнали лошадей. Прозоров знал в городе каждую улочку, каждый проулок, и скоро двуколка, миновав посты, ныряя в колдобины и подпрыгивая на неровностях, выехала за городок. Как пригодились сейчас Прозорову знакомство с картой, которую он хоть мельком, но все же успел разглядеть в кабинете у Мещерского! Он хорошо запомнил: на двух основных дорогах, ведущих к фронту, были заставы. Третья дорога, через горы, оставалась свободной. Она, к сожалению, была длинней, тянулась к перевалу крутыми петлями. Но выбирать путь Прозоров не мог и гнал лошадей именно по этой дороге все дальше и дальше от городка в горы.

Пока еще через дырки в брезентовом тенте были видны в городке огни, ни Женя, ни Ашот, ни Сурен не проронили ни слова. Мчались молча, не веря в свое столь неожиданное и счастливое освобождение. Но как только двуколка заехала в лес и по тенту застучали ветви деревьев, Прозоров услышал их оживленные голоса и почувствовал, как на плечи ему легли чьи-то руки. Он быстро оглянулся. За спиной у него стояли Женя и Ашот.

Двуколку то и дело бросало из стороны в сторону, безжалостно трясло. В лесу было темно. Прозоров едва успевал следить, чтобы лошади не налетели на какое-нибудь дерево и не перевернули всех седоков. Но он все же разобрал взволнованный разговор Ашота и Жени.

— Спроси у дедушки, к утру будем у красных? — спрашивал Ашот.

— Не надо ему мешать, — возражала Женя.

— Ты спроси: может, пешком быстрее будет? В горах так бывает, — настаивал Ашот.

Прозорову захотелось успокоить его.

— Будем к утру. Непременно будем! — сказал он. А про себя подумал: «Если, конечно, ничего не случится. Хоть и коротка ночь, да не прост туда путь».

На подъеме кони пошли тише. Прозоров подстегнул их. Пока над горами висела ночь, от городка надо было уйти как можно дальше. Он сердцем чувствовал, что их уже хватились. И был совершенно прав. Когда беглецы были уже в лесу, Мещерский направил в больницу дежурного Сыча. Тот быстро прискакал на место, осмотрел все здание, но нигде не нашел охрану и был очень удивлен этим обстоятельством. Тогда он направился к докторскому дому. Как и полагалось ночью, в доме все было тихо, но в одном из окон горел свет. Сыч походил под окном, ничего не услышал, ничего через занавеску не увидел, однако беспокоить доктора не решился. Он снова направился в больницу. И на этот раз не нашел там ни души. Тогда он помчался назад.

Мещерский как раз собирался ужинать, когда Сыч доложил ему о результатах своей проверки. Мещерский сразу понял, что на сей раз его обвели вокруг пальца. Но он и виду не подал, что его одурачили. Да и неясно было, куда подевалась охрана. Ведь там был не один, не два, а три вооруженных солдата!

— Отправляйся немедленно обратно! Возьми с собой еще двух человек! Переверните там все вверх дном, но найдите мне всех! А главное — мальчишку и этого второго, который был с ним! — шипел контрразведчик. — И только попробуй снова вернуться ни с чем!

Сыч бросился за людьми. Но капитан уже не мог продолжать ужинать. Оставшись один, он скомкал и бросил на стол салфетку.

Закурил. И нервно заходил по комнате.

«Идиот! Кому дал себя провести! Эскулапу! Ничтожному провизору! Клистирной трубке! — ругал он себя на чем свет стоит. — Но все равно они от меня не уйдут. Всех четверых вместе с девчонкой повешу на одном дереве!»

Он еще надеялся на чудо, на то, что этот растяпа Сыч просто как следует не разобрался в деле. Тогда и ему тоже несдобровать! Но ждать сложа руки, когда дежурный вернется снова, капитан уже не мог. И едва Сыч вместе с солдатами выехал за ворота, Мещерский выбежал на крыльцо, поднял по тревоге целое отделение и всей группой, на конях, поскакал по ночному городку в больницу следом за младшим унтер-офицером. Чуда, однако, не свершилось. Когда Мещерский прибыл в больницу, солдаты, взломав в изоляторе дверь, выволакивали на крыльцо оглушенных снотворным, ничего не соображающих караульных. Всякие надежды на недоразумение рухнули. Мещерский так огрел плетью коня, что скакун мгновенно стал на дыбы.

— За мной! — крикнул капитан и с места в карьер погнал коня на объездную дорогу.

Это было как раз в то время, когда уже начало светать и беглецы высоко забрались в горы.

Лошади в больнице были сытые и сильные. Но и им нелегко было взбираться к перевалу. Дорога петляла, вилась по самому краю обрыва, сужалась так, что казалось — одну из лошадей придется выпрягать, двоим им никогда не протиснуться между камнями. В такие моменты Сурен соскакивал с двуколки, брал лошадей под уздцы и осторожно проводил по всему каменному коридору.

На одном таком трудном месте, когда дорога буквально зависла над пропастью и ее петляющий, растянувшийся на многие версты внизу хвост был виден как на ладони, Сурен неожиданно остановился.

— Что случилось? — не понял Прозоров.

Сурен легким кивком головы указал на обрыв. Те, кто были в двуколке, как по команде взглянули туда же. Внизу, горяча коней, мчалась погоня.

— Один, два... четыре... шесть, семь... девять, десять... — вслух насчитала Женя.

— Десять, — повторил Прозоров. — Что будем делать?

— До перевала далеко? — спросил Сурен.

— Полчаса езды, не меньше, — сказал Прозоров.

— Поехали. И гони! А я возьму винтовку, — сказал Сурен.

Прозоров стегнул лошадей.

Глава 18

После ночной вылазки красных из пещеры казаки недосчитались пулемета, коробки с патронами, отправили в Благодать семь раненых и предали земле пятерых убитых. Красные оставили на поле боя двух бойцов, обоих на карнизе, над пещерой. Попов понял, что бой на поляне носил исключительно отвлекающий характер, что главной была группа, прорвавшаяся в горы через верх. Ночью, по горячим следам, преследование не организовали. А сейчас искать в горах эту группу было все равно что искать иголку в стоге сена.

Дерзость красных была поразительной. Хотя, по мнению Попова, конкретной пользы осажденным в пещере вылазка принести уже не могла. На рассвете в расположение казаков вернулся Чибисов с напарником. Они привезли два ящика динамита. С ними прибыло два взвода пехоты. С восходом солнца Попов решил начать решительный штурм пещеры. Однако возглавлявший полуроту пехоты поручик попросил Попова со штурмом не спешить.

— Я топчусь перед этой дырой уже двое суток! — негодовал Попов. — У меня кони не поены.

— Зато люди целы, — заметил поручик.

— Нас сейчас столько, что мы ворвемся туда одним махом!

— Вполне вероятно, господин есаул, если бы они не натаскали перед входом столько камней, — возразил поручик.

— Расшвыряю их динамитом.

— Каким?

— Вы ослепли, поручик, — ткнул в ящики плеткой Попов.

— Вы имеете в виду эти коробочки?

— В них три пуда!

— Этого едва хватит наглушить на уху рыбы, господин есаул, — усмехнулся поручик. — Вот когда дело дойдет до преследования, я

не сомневаюсь — и вы, и ваши люди покажете себя как надо. А грязную работу предоставьте мне.

Попов понял: поручик, как пехотинец, наверняка лучше знает, как действовать в подобной ситуации, и не стал спорить. Только махнул в ответ рукой.

— Для чего вы соорудили этот карниз? — осмотрев в бинокль пещеру, спросил поручик.

— С него удобно стрелять им в спины, когда они вылезают на свою баррикаду. Это во-первых, — объяснил Попов.

— А во-вторых?

— Во-вторых, с этого карниза мы намеревались опустить на их баррикады заряды. И взорвать ее к чертовой матери!

— Понял, — кивнул поручик. — Но мало взрывчатки.

— Что же делать?

— Мне довелось немного воевать в составе экспедиционного корпуса, — начал рассказывать поручик.

Попов с любопытством и явно с завистью взглянул на пехотинца.

— Вы были во Франции?

Поручик снова кивнул.

— В Арденнах. Там тоже горы и тоже много пещер. Их тоже иногда приходилось штурмовать. Так вот, англичане придумали совершенно поразительную вещь. Они предложили забрасывать фугасы внутрь пещеры и взрывать их там. Эффект получается, я вам скажу, поразительный. Люди буквально сходят от ударной волны с ума.

— Любопытно, — оценил это дьявольское изобретение есаул.

— И все же, господин есаул, на такую преисподнюю взрывчатки маловато...

— Что же делать? — задумался Попов.

Поручик продолжал пристально разглядывать пещеру в бинокль.

— Мы напрасно теряем время, — снова заговорил Попов. — Вы думаете, красные забыли об этом обозе?

— Отнюдь, — процедил сквозь зубы поручик.

— Их наверняка уже хватились, — продолжал Попов. — И если они их еще до сих пор не нашли, так только потому, что в этих проклятых горах нет ни четкой линии фронта, ни закрепленных

позиций. Тут все перемешалось, все в движении. Все меняется. Но они их найдут!

— Мне нужен час, чтобы все подготовить, — рассчитал поручик.

— Час даю, — согласился Попов.

— Но на этот час надо их чем-то занять. Наш удар должен быть предельно внезапным, — предупредил поручик.

— Занять? — вытаращил глаза Попов. — Чем прикажете?

— Пошлите к ним парламентариев. Предложите сдаться...

— Они не станут с нами разговаривать, — буркнул Попов.

— А вы попробуйте, — настаивал поручик.

Попов сердито проворчал что-то насчет дипломатии, слюней Европы, но спорить больше не стал. Только бросил:

— Но и вы действуйте, черт возьми! Не тяните время!

Через несколько минут на поляне в сопровождении солдата появился хорунжий. Он подошел к пещере шагов на сорок и замахал флагом. Пещера не отвечала.

— Может, там уже нет никого, — засомневался солдат.

— Не разговаривай, маши! — приказал хорунжий.

Солдат замахал снова. И опять не последовало никакого ответа.

Но в пещере были живые. И даже очень оживленно разговаривали сейчас между собой.

— Сбить бы их, гадов, — сразу предложил Серега.

— Я те собью! — пригрозил командир Пашков. — Не стрелять ни в коем случае!

— А чего их жалеть? Они нас пожалеют? — не сдавался Серега.

— Расстреляю каждого, кто нарушит дисциплину! — предупредил Пашков.

— И правильно сделаешь, — поддержал его Лузгач, — Надо понимать, товарищи бойцы, что мы не банда, а регулярная часть Красной Армии. По-моему, пусть поговорят. Нам надо выиграть время. Товарищ Сергей! Выходите на переговоры!

— А что я им скажу? — сразу оробел Серега.

— А что хочешь, то и мели. Ты лясы точить здоров, — усмехнулся Пашков. — А нам, товарищи, надо приготовиться к отражению атаки. Не зря затеяли они эту волынку. Смотрите в оба. Приготовьте гранаты!

Сергея поправил гимнастерку, вышел из пещеры навстречу белякам.

— Чего надо? — громко спросил он.

— Я буду разговаривать только с командиром, — предупредил хорунжий.

— А он отдыхает, — ответил Серега.

— А может, убит? — сощурился хорунжий.

— У самого-то у тебя, дядя, синяк под глазом, — усмехнулся Серега. — А наш целехонек. Говорю — отдыхает!

— Тогда пусть выйдет тот, кто у вас старший, — потребовал хорунжий.

— А у нас все старшие. Вот я и вышел, — объяснил Серега.

— В таком случае мы предлагаем вам сдаться! — объявил хорунжий.

Как ни был зубаст Серега, но, услышав такое, замолчал. Вроде бы даже опешив.

— И чего бы это вдруг нам сдаваться? — обескураженно развел он руками.

— Ваше положение безнадежно. И дальнейшее сопротивление бесполезно, — сказал, как отрубил, хорунжий.

Сергея недоверчиво покрутил головой.

— Чудно получается. У нас потерь почти нет. А ваших эвон сколько кругом валяется, — сказал он и обвел поляну, словно подсчитывая убитых прищуренным взглядом. — И добавил: — А еще полезете, еще столько наколотим.

Хорунжий понял, что над ним просто издеваются.

— Если мы возьмем пещеру штурмом, пощады не будет никому, — сказал он.

— Мы так и думали, — ответил Серега. — Но все ж, пожалуй, надо сказать об этом нашему командиру... Так что ты, дядя, подожди тут малость...

Он не знал, о чем еще говорить с беляками, и решил таким способом потянуть время. Дескать, пока пойду к своим, пока посоветуюсь, пока вернусь... Как, впрочем, не знал и того, что пока велись эти переговоры, белые тоже зря времени не теряли. Поручик собрал подчиненных командиров и коротко объяснил им задачу.

Солдаты унесли ящики с динамитом на карниз. Там приготовили из взрывчатки три заряда. Положили их на доски. А доски подвесили на веревках на уровне пещеры. Красные, естественно, ничего этого видеть не могли. А белым оставалось лишь поджечь бикфордовы шнуры и втолкнуть заряды шестами в глубь пещеры.

Пашков похвалил Серегу:

— Здорово треплешься. Молодец.

— А чего дальше-то говорить? — смутился Серега.

— Узнай, что они нам пообещают, если мы сдадимся. Ну и поругайся как следует, — посоветовал Лузгач.

— И вообще, попроси время подумать, — добавил Пашков. — Должна же подойти подмога!

— Понял! — обрадовался Серега. Но лезть через баррикаду снова ему уже не пришлось. Получив команду, парламентареры неожиданно ушли с поляны.

— Вот и конец перекуру, — провожая их взглядом, сказал Пашков.

— Вот и начнем, — сказал поручик и поджег шнур первого заряда. Голубоватый дымок пополз по шнуру к динамиту. Поручик не торопясь начал отсчет: — Двадцать один, двадцать два, двадцать три...

Каждое вслух произнесенное двузначное число равнялось секунде. За каждую секунду шнур сгорал ровно на сантиметр. Весь шнур был рассчитан на полминуты. Поручик воочию желал убедиться в том, что шнур не отсырел и горит нормально. Кроме того, ему хотелось до предела сократить время нахождения заряда в пещере. Ведь мало ли как могли обезвредить его защитники пещеры...

Досчитав до тридцати, поручик поджег шнур второго заряда. А досчитав до сорока, громко скомандовал:

— Давай!

Солдаты подхватили рогатинами как ухватами первый заряд и ловко сбросили его в пещеру. Спустя несколько секунд раздался оглушительный взрыв. Он разметал часть баррикады. Скалистый свод пещеры вздрогнул, как при землетрясении. Грохнул второй взрыв. За ним третий. Это был сигнал начала штурма. Есаул Попов выстрелил из нагана в воздух и погнался вперед.

Белые влетели в пещеру как звери. Держа винтовки наперевес, с перекошенными от злобы лицами, они готовы были стрелять и колоть каждого, кто окажется у них на пути. Но неожиданно в пыли и дыму, наполнивших пещеру после взрывов, в глубине ее буквально наткнулись на другую баррикаду и попали под губительный кинжальный огонь пулеметов. В ход с обеих сторон пошли гранаты. Дело дошло до рукопашной...

Глава 19

Как ни старался доктор нахлестывать коней, расстояние между погоней и беглецами сокращалось с каждой минутой. Тащить двуколку с седоками на подъем было нелегко. Кони явно устали. На боках у них висела пена.

— Вон же, вон перевал! — подбадривал Прозоров друзей. — Дотянем!

— А что перевал? — мрачно спросил Сурен. — Действовать надо, доктор. Действовать.

Он загнал патрон в патронник и попросил доктора:

— Наверху, на повороте, подожди меня немного.

Сказав это, Сурен спрыгнул с двуколки и залег у края дороги над обрывом. Дорога внизу проходила прямо под ним. Не вся, конечно, а лишь небольшой ее участок. Сурен знал, что Мещерский и его солдаты галопом проскочат его минуты за две. Но и это время можно было использовать как надо... Ждать пришлось недолго. Белые выскочили из-за камней плотной группой. Они скакали, припав к седлам. Сурену сверху хорошо были видны их спины. Сурен прицелился и выстрелил. И тотчас солдат, в которого он целился, распрямился, взмахнул руками, словно собирался взлететь, и, опрокинувшись на спину, вывалился из седла. Вторым выстрелом Сурен снял с коня еще одного преследователя.

Группа Мещерского снова скрылась за камнями. А эхо выстрелов долго еще гремело в горах.

«Поздно, однако, мы их заметили. Раньше надо было ложиться в засаду, — подумал Сурен. — А теперь уже не остановишь».

Он поднялся со своего места и начал карабкаться вверх. Камни сыпались у него из-под ног. Ему пришлось хвататься голыми руками за колючий кустарник. Но он успел выйти на дорогу даже немного

раньше, чем примчалась двуколка. Ашот и Женя помогли ему забраться в двуколку. Руки у него были ободраны, в крови. С лица градом катился пот. Но глаза сияли.

— Их уже только восемь, — сказал он.

Дорога сделала еще один вираж. И снова Сурен выпрыгнул из двуколки и залег за придорожным камнем. Но эта новая позиция была не столь удобной, как первая. Да и он еще, весь дрожа от напряжения, не успел отдышаться после того, как вскарабкался на кручу. Теперь преследователи появлялись перед ним только по одному, на короткий момент. Пролетали в облаке пыли, распластавшись в воздухе, как птицы, и скрывались за отвесной скалой.

Двух первых появившихся в его поле зрения беляков Сурен пропустил. В третьего выстрелил. Но промахнулся. Четвертого и пятого тоже пропустил. В шестого выстрелил. И снова промазал.

— Шайтан! — прохрипел он от обиды и злости на себя. — Ты годишься только на то, чтобы тебя сожрали шакалы!

Он выстрелил в седьмого. Но беляков словно заколдовали. Пуля снова ушла куда-то в сторону. Сурен вскочил, отвел затвор назад. Но в магазине уже не было патронов. И в этот момент снизу прозвучал ответный выстрел. Один-единственный. Сурена резко ударило в плечо. Винтовка выпала у него из рук и полетела в обрыв. А из-под пальцев левой руки, зажавших рану, потекла горячая кровь. Сурен посмотрел вниз, на дорогу. Но там никого уже не было. Беляк выстрелил и поскакал вслед за своими. А Сурен, закусив от боли губы, полез на кручу.

«Это конец, — думал он. — Теперь на конях не уйти. Теперь догонят. Спасти могут только горы...»

Подъем был не так крут, как в первый раз. Но преодолевать его было намного труднее. Каждое движение отдавалось в плече невероятной болью. Он терял много крови. Сердце, казалось, было готово выскочить из груди. Но он лез все выше и выше. И боялся только одного: задержать хоть на минут двуколку. Он напрягал все силы... И все же его друзья появились над тем местом, где он поднимался, раньше его. И не только появились, но и увидели его, окровавленного, и тотчас Ашот и Женя поспешили ему навстречу.

Женя тянула его вперед за здоровую левую руку, а Ашот подталкивал его сзади что было сил. Прозоров тем временем разорвал на себе рубашку и приготовил материал для перевязки. Сурена буквально втащили на дорогу и на двуколку. Прозоров сразу же занялся перевязкой. А Ашот погнал лошадей.

— Надо бросать коней! Надо скорее расходиться в разные стороны! Иначе всем конец! — не переставая твердил Сурен.

— Вы свалили еще хоть одного? — неожиданно спросил Прозоров.

— Нет, — честно признался Сурен.

— Жалко, — сказал Прозоров.

— Мы зря теряем время, доктор! — упрямо повторял Сурен. — Надо расходиться.

— Это не выход, — возразил Прозоров.

— А что выход?

Прозоров взял винтовку.

— Вы хотите стрелять? — не поверил Сурен.

Прозоров ничего не ответил. Он осмотрелся по сторонам, увидел белый камень, висевший над дорогой, вскинул винтовку и выстрелил. Пуля вздыбила фонтанчик пыли ниже и правее камня.

— Не пристреляна, — сказал Прозоров и взял вторую винтовку. И тоже ловко вскинул ее, словно делал что-то очень привычное, и снова выстрелил. Белый камень раскололся, и часть его полетела вниз. Прозоров ласково погладил ладонью вороненый ствол винтовки и бережно положил ее себе на колени. Потом достал патроны из первой винтовки и, ни к кому не обращаясь, сказал: — Значит, их осталось восемь...

— Восемь, — подтвердил Сурен.

— И патронов восемь, — продолжал Прозоров. — И все же это выход.

— Они догонят нас быстрее, чем вы их перебьете! — заметил Сурен.

— Не догонят, — уверенно ответил Прозоров.

После этого он быстро достал из саквояжа и передал Ашоту его карту.

— Это твоя, — сказал он. Потом достал из кармана письмо и сунул его в руки Жене. — А это тебе. Пробирайся во Владикавказ. Иди по этому адресу. Тебя примут и отправят к отцу. И прощай! Прощайте, друзья! Помогайте друг другу! Я прикрою вас! — почти кричал он, так как из-за грохота колес почти ничего не было слышно.

— Дедушка! — Женя только сейчас поняла, что он собирается делать, и протянула к нему руки.

Но Прозоров уже спрыгнул с двуколки.

— Прощайте! — еще раз крикнул он и помахал друзьям своей панамой.

Двуколка помчалась дальше, а Прозоров, не теряя ни минуты, принялся за дело. Дорога в том месте, где он остался, была особенно узкой. С одной стороны ее зиял обрыв. С другой над ней высилась крутая гора, поросшая колючим кустарником и жухлой, выгоревшей на солнцепеке травой. Между горой и дорогой на добрую версту стояли щиты, защищавшие дорогу от камнепада. Щиты были старые, обросшие зеленью, покривившиеся, тут и там поддерживаемые деревянными подпорками. Прозоров поднял над головой увесистый камень и что было сил ударил им по одной такой подпорке. Подгнивший кол хрустнул как тростинка. Щит рухнул. Камни с гулом посыпались на дорогу. Конечно, через них можно было пройти. И даже провести коня. Но проскакать через такой завал без остановки белые уже не смогли бы. Прозорову только это и было надо. Отбежав шагов на сто, он устроил второй завал. Камни снова лавиной обрушились с горы. А Прозоров, совершенно неожиданно для себя, почему-то подумал, что за всю свою долгую жизнь он никогда ничего умышленно не ломал и не портил и уж тем более не помышлял стрелять в людей. И то и другое было совершенно чуждо всей его натуре. Но сейчас он делал это не механически, не как человек, просто спасающий свою жизнь. Всеми его действиями теперь руководило нечто очень серьезное и гораздо большее, чем желание выиграть предстоящий поединок с белыми или даже спасти внучку. Он думал лишь о том, что дальше этих нагроможденных им на дороге камней белые не должны пройти ни при каких обстоятельствах. Потому что там, за этими камнями, куда умчались в другую жизнь его

внучка и ее друзья, ни Мещерскому, ни всей его своре уже нет места. Так думал старый доктор и обрушил на дорогу третий завал.

После этого Прозоров взобрался на гору и лег за камнем. С высоты этой позиции ему прекрасно был виден весь участок дороги от поворота до поворота, все завалы и все подступы к ним. Позиция понравилась Прозорову. Но он еще был во власти своих мыслей и, повинувшись им, невольно обернулся назад, вслед двуколке. Его друзья уже подъезжали к перевалу. Он представил себе заплаканное лицо внучки и почувствовал, как сердце у него сжалось от боли. Он-то понимал, что увидеть ее снова шансов у него почти нет. Но вместе с Женей воображение нарисовало ему и раненых бойцов, смертельную схватку с казаками. И сердце, которое только что сжималось и трепетало, снова наполнилось твердостью. Прозоров удобнее уложил на камне винтовку и взглянул вперед. И тотчас же увидел мчащихся во весь опор всадников. Тех из них, которые скакали впереди, он видел хорошо. Остальных скрывала пыль. Прозоров искал Мещерского. Но его не было видно. Капитан предпочитал на рожон на лезть и ехать, прикрываясь спинами своих солдат. Прозоров прицелился и выстрелил. Мчавшийся по самому краю обрыва солдат кубарем вылетел из седла.

В пылу погони белые, очевидно, еще не разглядели, что путь им прегражден каменными осыпями, и не заметили, откуда прогремел выстрел. Они продолжали преследование с прежним азартом и гнались за двуколкой, как стая гончих за зайцем. Но когда Прозоров выстрелил второй раз и под копыта аллюром мчавшихся лошадей свалился еще один солдат, они будто прозрели. Резко вздыбив лошадей, всадники начали останавливаться, спрыгивали на дорогу, тут же залегали и сразу открыли ответный огонь. По камню, за которым лежал доктор, глухо зацокали пули. Прозоров, прикрываясь кустами, отполз в сторону. Ему было важно не прерывать за белыми наблюдения. Солдаты продолжали стрелять. Но в интервалах между выстрелами Прозоров четко услышал голос Мещерского. Капитан сердито приказывал:

— Окружайте его! Он там один! Обходите его верхом!

Прижимаясь к корням колючки, Прозоров видел, как трое солдат ужами поползли в гору. Остальные двое и сам капитан прикрывали

их огнем. Прозоров понял: если беляки заберутся на откос выше его, они безо всякого труда прикончат его первым же выстрелом. И тогда путь им будет открыт. Они переведут коней через завалы и уж на спуске, естественно, догонят двуколку. От одной этой мысли у него холодела кровь. И вся воля его напряглась, как стальная пружина. Нет, он никак не мог позволить солдатам занять выгодную позицию. Но тот же самый камень, который пока еще защищал его от врагов, также надежно скрывал и их от него. Прозорову ничего не оставалось, как выйти из своего убежища. И он сделал это.

Дозарядив винтовку на полный магазин и загнав патрон в патронник, Прозоров, собрав всю свою сноровку, стремительно выскочил из-за камня. Ему показалось, что солдаты, вскарабкавшиеся на откос, увидев его, обомлели от ужаса. Они даже не успели спрятаться за камни. А он вскинул винтовку и выстрелил в того, который был уже выше всех. Беляк ткнулся носом в землю и покатился по откосу вниз. Двое других, словно настеганные, вприпрыжку помчались обратно вниз. Прозоров тоже попытался скорее убраться за камень. Но с дороги грохнул очередной выстрел, и доктор почувствовал, как ему обожгло ногу. Он попытался ступить на нее. Она подогнулась. И он упал. За камень он уже заполз...

«Их осталось пять», — подумал он и сжал зубы. Боль в ноге разлилась по всему телу. Она была невыносимой. И он невольно зажмурился. А когда открыл глаза снова и посмотрел на дорогу, увидел, как двое солдат, очевидно те, которые только что кубарем скатились с горы, миновав завал, бегут ко второму.

«Решили, что мне уже конец, — с нескрываемым злорадством подумал Прозоров. — Не спешите радоваться. Я еще живой. А вот вы...»

Он перезарядил винтовку и, просунув ее через колючки куста, выстрелил еще раз.

И еще один беляк остался лежать на дороге. А другой повернул обратно и что было духу припустил назад. Когда Прозоров снова перезарядил винтовку, беляк был уже за камнями.

«Вот так-то... И не надо было спешить», — снова подумал Прозоров и мельком оглянулся назад. Дорога до самого перевала была пуста. Двуколка уже скрылась за перевалом. Над перевалом

висело солнце. Оно по-утреннему было еще розоватым. И не таким ярким, каким бывает в полдень. Поэтому еще отчетливо виделась голубизна неба, белые облака вдали и горы, горы насколько хватало глаз... Там, за перевалом, куда он, доктор знал это теперь уже наверняка, никогда не попадет, рисовался какой-то другой, совершенно непохожий на этот мир. «Но и вам туда дороги тоже нет, — подумал он о беляках. — И вообще, зря вы все это. Не пройти вам здесь никогда!»

Прозоров ощупал раненую ногу. И сразу ощутил под пальцами обилие крови. Она уже насквозь пропитала его брюки. «Надо немедленно перевязать», — снова заработала у него мысль. Он оперся на руки и сел. И еще выше оборвал свою рубашку. Потом стал задирать штанину. Рана оказалась сквозной. Сильно кровоточила. Но кость осталась цела. Он стал перевязывать рану и мельком взглянул на дорогу. Трое солдат снова лезли на гору, надеясь обойти его подальше, зато наверняка. Это так его разозлило, что он даже выронил тряпку, которой перетягивал рану. Схватил винтовку и сердито, словно его могли услышать, заговорил:

— Да нет же! Нет! Я еще живой!

Однако стрелять с того места, где он сидел, он не мог. Выдвинуться вверх, как это он сделал в предыдущий раз, ему наверняка не позволил бы Мещерский. Тогда он пополз под прикрытием камня назад и полз до тех пор, пока не увидел солдат. Собственно, ему были видны лишь мокрые от пота спины их вылинявших рубах. Он уже мог стрелять. Но не спешил. Ему надо было прежде найти хоть какое-нибудь укрытие для себя. Для Мещерского он по-прежнему был недосыгаем. А солдатам, стоило им лишь обернуться, он был виден как на ладони.

Однако укрытия не было, а солдаты уползали все дальше и дальше. И Прозоров решился. Он тщательно, гораздо тщательнее, чем до этого, прицелился и плавно нажал на крючок. Беляк, в которого он целился, взмахнул рукой, перевернулся на бок и застыл на месте. Но двое других на сей раз не побежали обратно. Они вскочили, увидели его и сразу открыли огонь... Одна пуля сорвала у доктора с головы панаму, другая рикошетом от камня ударила его в бок. Удар был страшным. У Прозорова поплыли в глазах черные

круги. И тем не менее он собрал силы и выстрелил еще раз. Последний. Выстрелил и уронил винтовку. Голова его упала на жесткую, каменистую землю откоса. Он уже не видел, что тот солдат, в которого он стрелял, тоже не удержал в руках оружие, бросил его, прижал руки к животу и медленно опустился на землю. Не видел, да и не мог видеть, как выскочил из-за укрытия Мещерский и побежал к тому месту, где он лежал. Не видел, как оставшийся на склоне солдат продолжал целиться в него и стрелять. Не слышал он и выстрелов. И лишь вздрогнул, когда спину ему обожгла новая рана. Впрочем, боли он уже не чувствовал. Но сознание в нем еще жило. И горькая мысль показалась ему острее ран.

«Трое все же еще осталось, — подумал он. — Но я — то сделал все, что мог...»

Он не слышал, как кричал Мещерский солдату:

— Что ты там возишься? Спускайся немедленно вниз!

— Кутякова ранило, ваше благородие, — оправдывался солдат.

— А я говорю, брось его! — приказывал Мещерский. — Коней лови! Коней давай!

— Помереть он может, ваше благородие, — все еще медлил солдат.

— Да понимаешь ли ты, дурья башка, что уйдут беглецы!

Солдат бросил раненого и побежал за лошадьми. А Мещерский, взяв винтовку на перевес, пошел к Прозорову.

Глава 20

За перевалом коням сразу стало легче, и они пошли быстрее. Теперь их надо было больше сдерживать, чем погонять. Ашот, стоя в двуколке, натягивал вожжи. Женя поддерживала его, чтобы он не вылетел на поворотах. Сурен, зажимая рану рукой, полузакрыв глаза, лежал на дне двуколки. Его знобило. Женя всхлипывала и нет-нет мельком оглядывалась назад. Но за перевалом уже ничего не было видно. Ашот как мог успокаивал ее и все время повторял:

— Какой человек твой дедушка! Он как наш командир Пашков. Мало таких на свете!

Двуколка была уже где-то на середине спуска, когда впереди вдруг появились трое на конях. Первой их заметила Женя.

— Кто это? — испуганно спросила она.

Ашот пригляделся. Всадники были вооружены. Но одеты они были по-разному. И это его успокоило. Белые все носили одну форму. А красноармейцы еще довольно часто одевали то, что у них было: и гимнастерки, и куртки, и френчи, и кителя. Но больше всего его успокоил остроконечный шлем на голове у одного из всадников. Это была знаменитая буденовка...

— Это наши, — уверенно ответил Ашот. И не сдержал радости: — Красные!

Не только люди увидели людей. Но и кони коней. И помчались навстречу друг другу еще быстрее. А приблизившись, начали осаживаться и, охотно повинувшись Ашоту, совсем остановились возле своих братьев.

— Кто такие? — с любопытством разглядывая Ашота и Женю, спросил красноармеец в буденовке.

— Свои мы. Неужели не видишь? — удивился Ашот.

— На лбу у вас не написано, — усмехнулся красноармеец. — А еще там кто?

— Тоже наш, — ответил Ашот.

— Он ранен. Ему срочно нужно помочь, — добавила Женя.

Красноармеец быстро соскочил с коня и заглянул под тент.

— Кто же его так? — увидев окровавленного Сурена, спросил он.

— Белые за нами гонятся, — объяснил Ашот. — И вообще, мне к командиру вашему скорее надо. У меня донесение к нему!

— Донесение? — переглянулись красноармейцы. — А как же вы ушли от белых?

— Дедушка там на перевале отстреливается, — снова всхлипнула Женя. — Вы бы помогли ему...

— Что ты, дорогой, ишака за хвост тянешь? Мы из Благодати вырвались. Там люди в горах гибнут. А ты тут разговорами занимаешься! — рассердился на красноармейца Ашот.

— Подожди, парень. Дай разобраться, что к чему, — остановил Ашота другой красноармеец. — Говоришь, вы из Благодати?

— Да! Справка тебе нужна? На! — еще больше разошелся Ашот. Он спрыгнул на землю, задрал рубашку и показал бойцам свою спину. — Читай, если грамотный! Читай!

— Хорошо, парень, — сразу смягчился боец. — Мы ведь тут тоже не цветочки нюхаем. Белых на перевале много?

— Было десять. Двоих он убил, — показал на Сурена Ашот.

— Всего десять? — не поверил боец.

— Конечно! Мы каждого считали, — заверил его Ашот.

— Тогда так, — принял решение старший боец. — Ты, Петров, все же оставайся здесь. Ты, Ермаков, садись в двуколку и вези раненого в лазарет. А ты, парень, садись на его коня и за мной!

— А я? — испугалась, что ее забыли, Женя.

— И ты поезжай в лазарет. Потом встретимся, — сказал боец и погнал коня по дороге вниз, на равнину. Ашот едва поспевал за ним.

Чем ниже они спускались с гор, тем чаще попадались им красноармейцы и даже небольшие их подразделения. А старший все торопил коня. Наконец они приехали в небольшое селение. Здесь красных было много: пеших и конных. В саду возле церкви стояли повозки с установленными на них пулеметами. А на площади у самого базара, задрав к небу толстые, короткие стволы, разместилась артиллерийская батарея. Неподалеку от нее, в небольшом доме, к которому со всех концов тянулись телефонные провода, находился штаб. На крыльце его дежурили двое красноармейцев.

Ашота ввели в накуренную комнату и подвели к столу, за которым сидел худощавый человек с бритой головой и большими роговыми очками на носу. Он очень сердито кричал на кого-то в телефонную трубку. На Ашота и на бойца он не обратил ни малейшего внимания.

— Так и запомни, Калмыков, или сегодня к двадцати часам ты мне найдешь Пашкова, или вместе со всей своей разведкой пойдешь под трибунал! Понял? Я за тебя перед товарищем Кировым отвечать не собираюсь! Понял? Да, да! Будь уверен, если ты своего слова не выполнишь, я свое держать умею!

Ашоту очень хотелось сказать, что он знает, где Пашков. Что он как раз и прибыл сюда от него. Но на столе немилосердно звонил другой телефон. И очкастый, бросив одну трубку, схватил другую и закричал еще сильнее:

— Что значит сквозь землю провалились? Ты в своем уме? У него одних подвод пруд пруди! Ищите не там где надо. Ты смотри у меня,

товарищ Семибаба, или к двадцати ноль-ноль доложишь, или... пеняй на себя! Вот так!

Он бросил трубку и, кажется, только сейчас заметил бойца и Ашота, которые стояли перед ним.

— Вам что надо? — еще не успев остыть, тем же сердитым тоном спросил он. — По какому делу?

Боец лихо звякнул шпорами и, приложив руку к фуражке, начал докладывать, кто он и откуда. Но Ашот не дал ему договорить. Он достал из-за пазухи измятый и перемятый кусок карты, протянул его очкастому и сказал:

— Не надо искать Пашкова. Он тут.

Брови у очкастого так взметнулись, что очки буквально подскочили на носу.

— Тут? — он перегнулся через стол и схватил карту.

Все последующие события развивались с невероятной быстротой. С трудом разобрав нанесенные на карту пометки, но убедившись по подписи, что их сделал сам Пашков, начальник штаба схватил Ашота за плечи и крепко расцеловал. И пока Ашот рассказывал ему, как отряд Пашкова очутился в пещере, как Пашков послал его вместе с Одинцовым к красным, как пробирался он до Благодати, как доктор спас его из контрразведки и как ушли они от погони, начальник штаба созвал совещание командиров. Командиры засыпали Ашота вопросами: как он шел, что он видел, где у белых пулеметы. Ашот едва успевал отвечать. А они все записывали и что-то помечали на своих картах. Потом в штаб пришел начальник дивизии. Он был высокий, в тужурке с карманами, подпоясан ремнем, с двумя большими значками на красных подкладках на груди. Все командиры, увидев его, встали. Ашот в этот момент рассказывал о том, что стало известно доктору о намерении есаула Попова. Начдив, выслушав доклад начальника штаба, разрешил всем сесть.

— Так вот почему никто не нашел их, — сказал начштаба.

— Тем не менее передайте Калмыкову, что этот юный герой стоит всех его разведчиков, — сказал он с добродушной улыбкой и крепко пожал Ашоту руку.

Он подошел к висевшей на стене карте, на которой начальник штаба уже что-то отметил, и внимательно посмотрел на нее. Он

изучал карту не так уж долго. Но Ашоту показалось, что на это ушла уйма времени. И он даже хотел сказать об этом начдиву. Потому что надо было как можно быстрее помочь и отряду в пещере, и доктору на перевале. Но начдив вдруг заговорил сам.

— Удар будем наносить в двух направлениях, — объявил он. — Кавалерийский полк с батареей горных орудий пройдет через горы и, прорвав позицию белых южнее Благодати, выйдет к мосту. Захватив его, переправится через реку, развивая наступление, оседлает дорогу от моста до пещеры и тем самым отрежет казакам путь отступления на Благодать и блокирует Благодать с юга. Ясна задача?

Командиры кавалерийского полка и артиллерийской батареи встали, как только начдив назвал их. Теперь они оба ответили:

— Ясно!

— Одновременно бронепоезд «Грозный», — продолжал начдив, — выдвинется к разъезду Черная скала и огнем своих орудий воспретит казакам подход к пещере. Приказание командиру бронепоезда передайте по телефону немедленно.

Начальник штаба тотчас же соединился с командиром бронепоезда.

— Краснознаменный Уральский полк и третий полк имени Розы Люксембург со всеми приданными им средствами, — приказывал начдив, — первый через перевал, а второй в направлении железной дороги прорывают позиции белых восточнее и западнее Благодати и одновременным ударом овладевают городом. Тоже ясно?

— Ясно, — ответили командиры.

— Этот план утвержден Реввоенсоветом нашей армии. Товарищ Киров лично будет следить за его выполнением, — предупредил начдив. — Штаб армии планировал начать наше наступление завтра на рассвете. Но коли поступили такие важные сведения о судьбе наших товарищей, мы обязаны принять все меры к их спасению немедленно. И поскольку к выполнению боевой задачи мы в основном готовы, то выступаем, — начдив взглянул на часы, — через тридцать минут, товарищи.

Потом он сказал еще несколько слов о революционном долге, который лежит на бойцах и командирах дивизии, о высокой

сознательности красных воинов, освобождающих Закавказье от белых банд, о великой интернациональной миссии Красной Армии.

— По местам, товарищи. Горнистам играть «Сбор»! — закончил он свой приказ.

Командиры быстро вышли из штаба. Начдив остался у карты. А начальник штаба снова закрутил ручку телефона.

Ашот не понял многих слов, сказанных начдивом. «Оседлать, блокирует, долг, интернациональная миссия...». Но одно ему было ясно: о докторе начдив забыл совершенно. И он спросил его:

— А как же доктор? Он там один, и у него всего восемь патронов...

Начдив оторвался от карты.

— Впереди Краснознаменного полка пойдет конная разведка. Она выступит немедленно. Это самое скорое, что можно сделать. А в общем, война есть война, будь она проклята, и за каждую, даже маленькую победу приходится расплачиваться, — сказал он и положил свою руку Ашоту на плечо. — Сам-то ты откуда? Как попал к Пашкову?

Ашот рассказал историю с колодцем. Рассказал о Сурене и Жене. Начдив слушал его внимательно, потом повернулся к начальнику штаба:

— Позвони в лазарет. Прикажи от моего имени, пусть этому человеку окажут всю необходимую помощь наравне с бойцами. А внучку доктора пусть пока придержат у себя. Потом решим, куда ее направить.

Он подошел к окну, посмотрел, как лихо снялась с места батарея горных орудий, как сытые кони по три в упряжке потащили, не чувствуя веса, передки и орудия через площадь. Проводил взглядом пулеметные тачанки и снова вернулся к Ашоту.

— И тебе, дорогой, пока суд да дело, тоже стоит побыть в лазарете. Там тебя и подлечат, и накормят, и со своими ты там будешь, и люди там пообходительней. А потом мы все решим как надо, — сказал он и добавил, обращаясь уже к начальнику штаба: — Дай команду. Пусть отвезут. Пусть поставят по всем правилам на довольствие и форму подберут как положено. Благодать возьмем, сам приеду, проверю, как выполнили.

Глава 21

Всю ночь группа Одинцова продиралась через горы и на рассвете вышла к перевалу. Бойцы были измучены, устали, руки и ноги у них были в ссадинах и царапинах. Но Одинцов и не помышлял об отдыхе. И очень ругался, что не успел дойти до перевала потемну.

— Так они и оставят тебе перевал без охраны, — ворчал он, щурясь от ярких лучей выкатившегося из-за горы солнца. — Шлишли, а тут, может, на...

Бойцы с ним не спорили, хотя силы у всех были уже на исходе. Но когда со стороны перевала неожиданно послышалась частая оружейная стрельба, об усталости сразу же будто забыли.

— Во! — даже оживился Одинцов и окинул взглядом своих подчиненных. — О чем я вам говорил?

— А мы что? Жали, аж сало каплет, — за всех ответил чернявый боец.

— Значит, еще быстрее надо было, — не стал слушать его Одинцов. — Попробуй теперь сунься на перевал...

— Рано еще, командир, отходную петь. Еще неизвестно, кто там и что там, — рассудил другой боец, с повязкой на голове.

— Может, разведать? Я готов, — вызвался чернявый.

— Незачем разведывать. Невелик у нас гарнизон, — остановил его Одинцов. — Все разом пойдём. А то, пока туда да сюда — только время потеряем.

Группа двинулась дальше. Но стрельба прекратилась так же неожиданно, как и началась. И над горами снова сомкнулась хрустальная тишина. Стало слышно, как где-то звенела, падая с камня на камень, родниковая вода. Ласково и глуховато плескалась на перекатах речушка...

— Чудно. Вроде и не было ничего, — слушая эту тишину, сказал чернявый.

— А ты еще на орла и решку погадай: было или не было, — съязвил Одинцов. — Прибавим шагу!

Пошли быстрее, хотя идти было совсем непросто. Мешали кусты, колючки. Осыпались под ногами камни. А главное, вернулась тишина и снова на плечи навалилась усталость. Отяжелели ноги. Непослушными стали руки. Они вроде и хватались за ветки, но

держались за них плохо. К счастью, подъем скоро кончился и лес стал реже. Продвинулись вперед еще на сотню метров. И впереди белесой лентой обозначилась дорога, а на ней мчащиеся во весь опор всадники. Разглядеть, кто они, мешала мгlistая дымка, висевшая над откосом, и пыль, поднятая бегущим впереди скакуном. Да и далековато было.

— А ну, еще метров на триста вперед! — скомандовал Одинцов и первым, стараясь не высовываться из-за камней, где шагом, а где бегом двинулся к дороге.

Всадники на какое-то время исчезли из виду. Дорога на повороте прижалась к отвесной скале, и они скрылись за ней, как за щитом.

— Давай, давай ребята, — торопил Одинцов подчиненных. — За кустами отдышимся!

Добрались до кустов. Но дальше, как это часто бывает в горах, продвинуться не могли ни на шаг. Издали зеленый клин, через который намеревались проскочить бойцы, выглядел сплошным кустарником. Но на самом деле большая часть его оказалась глубокой расщелиной, сплошь заросшей деревьями. Они росли на обрывистых склонах расщелины, и их почти не было видно. Над расщелиной поднимались лишь их верхушки. Они сливались с кустами и виделись со стороны единым кудрявым массивом.

— Везет нам как утопленникам, — заглядывая на дно расщелины, вздохнул чернявый. — Вот так бы ночью. И загремели бы, будь здоров.

— А перелезть придется, — тяжело отдуваясь, ответил Одинцов.

Впереди снова прогремел выстрел. Потом, немного погодя, второй. А еще спустя самую малость стрельба загрохотала вовсю.

— Кто бьет? По кому? — прислушиваясь к выстрелам, спросил боец с перевязкой на голове. — Ничего не поймешь...

— Похоже, перестрелка, — ответил чернявый.

— А вроде с одной стороны лупят, — не согласился раненый.

— Что бы там ни было, а нам тут стоять и слушать — только время терять, — заметил Одинцов. — Берите, хлопцы, веревки, пояса, у кого, одним словом, что есть, связывайте и давайте по одному вниз.

Бойцы засуетились. В ход пошли даже ремни от винтовок, обмотки. Их связали. И по одному, с их помощью, опустились на дно

расщелины. Последним спустился Одинцов. Он опускался без страховки, потому что уже некому было отвязывать ее наверху. Потом, так же по одному, полезли вверх. Стрельба за это время вроде бы немного поутихла, но еще продолжалась.

— Вперед, товарищи! Вперед! — торопил подчиненных Одинцов.

Теперь двигаться было легче. А может, это только так казалось, потому что всем не терпелось узнать, что же там, впереди, происходит. Бегом добрались до края кустарника. Раздвинули ветки, чтобы не мешали обзору, и увидели, как на ладони, картину. На дороге и на откосе лежат убитые белые солдаты. В стороне, немного выше их, распластался человек в гражданской одежде. К нему от дороги, с винтовкой в руках, подбирается офицер. Еще увидели сбившихся в кучу коней и бегущего к ним солдата.

— Небось добивать идет, — сказал Одинцов, глядя на офицера.

— Не дойдет, — ответил чернявый и вскинул винтовку.

— Смотри, того не зацепи, — предупредил Одинцов. — Вот, значит, что тут было...

— Не зацеплю, — ответил чернявый.

— И этот чтоб на коня не сел, — снова сказал Одинцов.

— Не сядет, — ответили сразу несколько человек. И тоже прицелились, кто с колена, кто стоя.

— Тогда, залпом, пли! — скомандовал Одинцов.

Грохнул залп. Офицер схватился за грудь, взглянул вверх, откуда стреляли, и повалился навзничь. А солдат упал словно подкошенный.

— Бегите вчетвером и всех до одного коней переловите, — приказал Одинцов. — А вы, хлопцы, за мной!

Они подбежали к Прозорову. Чернявый перевернул доктора на спину и приложил ухо к его груди.

— Ну? — нетерпеливо спросил Одинцов.

— Похоже, жив, — ответил чернявый и для верности приложил к груди доктора другое ухо.

— Дай-ка я сам, — оттолкнул его Одинцов. Послушал и подтвердил: — И правда жив. Перевязывайте его быстрее.

Пока Прозорова перевязывали, подвели коней. Собрали валявшиеся на земле винтовки и сделали из шинели носилки. Подвесили их между двумя лошадьми и положили на них Прозорова.

— Кто же, интересно, этот папаша? — не утерпев, спросил чернявый.

— Жив будет — узнаем, — ответил Одинцов. — Пока ясно только то, что мы ему и в подметки не годимся.

Он дернул поводья, и конь легко понес его к перевалу. За ним широкой рысью, чтобы не растрясти раненого, двинулась вся группа.

Глава 22

Если бы к казакам не подошло подкрепление, никогда бы им не ворваться в пещеру. Так бы и ползали перед ней, прячась за камнями да постреливая. Но пехота оказалась много вьедливей и, зацепившись за клочок земли, уже ни за что не желала его оставлять. Да и много ее оказалось по эту сторону баррикады, снаружи. Гораздо больше, чем тех, кто еще мог держать оружие в руках под сводами пещеры.

Красные защищались отчаянно. Даже раненые помогали отбивать атаку. Но силы были слишком неравны. И баррикады пали: сначала первая, а потом и вторая. Кстати сказать, благодаря этой, второй баррикаде, взрывы фугасов в пещере не дали ожидаемого белыми эффекта. Камни поглотили ударную волну. Пещера наполнилась дымом и пылью. Но из ее защитников почти никто не пострадал.

Другое дело — рукопашная схватка. Белые буквально подавили бойцов своей многочисленностью. Озверевшие солдаты немедленно валили на землю любого, кто оказывал им хоть малейшее сопротивление. Били прикладами, кололи штыками. В этой схватке погиб комиссар Лузгач. Дважды был ранен командир Пашков. Погибли многие бойцы и командиры. Оставшихся в живых пленных заставили выносить из пещеры раненых, выводить лошадей.

Потом пленных бойцов построили под скалой. И есаул Попов в сопровождении подпоручика и двух унтер-офицеров пошел вдоль строя. Он пристально осмотрел каждого и, отойдя в сторону, громко скомандовал:

— Коммунисты, выходи!

Из строя пошатываясь вышел Пашков. Его тотчас же отвели в сторону.

— Еще? — потребовал Попов.

Шеренга стояла не дрогнув.

— Я сказал: коммунисты, выйти из строя! — повторил есаул.
Бойцы не двигались.

— В таком случае, будете расстреляны все! — объявил есаул.

И тогда шеренги зашевелились. Из строя стали выходить люди. К ним тотчас подбегали казаки и, словно боясь, что они снова вернуться в строй, штыками отгоняли их в сторону.

— Еще есть? — спросил Попов после того, как строй снова замер.
Ему никто не ответил.

Не дождавшись ответа и видя, что из строя никто больше не выходит, есаул круто повернулся и пошел к раненым, которых также положили под скалой, только с другой стороны поляны. Он останавливался возле каждого и спрашивал:

— Коммунист?

Несколько человек ответили утвердительно.

Есаул делал знак рукой, казаки тотчас подхватывали раненого под руки и оттаскивали, если он не мог передвигаться сам, к группе бойцов, которые стояли отдельно. Раненым доставляло это колоссальные мучения. И кто-то из них, не выдержав боли, громко застонал.

— Ироды! Раненых оставьте в покое! — собрав силы, крикнул Пашков.

— Молчать! — рявкнул в ответ есаул. — Тут я командую! Шкуру с живого спущу!

Он вернулся к общему строю и, ткнув нагайкой в сторону группы Пашкова, зло заговорил:

— Эти, коммунисты, все до единого будут повешены. Им нет и не может быть пощады. А вы — расстреляны. Но вы можете еще спасти свою жизнь, если сами повесите своих комиссаров. И тогда я отпущу вас на все четыре стороны. Или добровольно перейдете на нашу сторону и, храбро сражаясь с оружием в руках против большевиков, кровью и потом искупите свою вину перед отечеством. Даю на размышление три минуты!

Есаул посмотрел на часы и отошел в сторону. Бойцы стояли в шеренгах, понуро глядя себе под ноги. В тишине лишь слышались стоны раненых. И вдруг громкий, почти задорный голос потряс воздух:

— Напрасно ждешь, дядя! Среди нас нет предателей!

Это крикнул Серега. Есаул мельком взглянул на него и махнул нагайкой. Серегу схватили и отвели в группу коммунистов.

— Осталась минута. Последняя минута! — предупредил есаул. — Еще можно спасти себя!

Но прошла и эта минута. А из строя так и не вышел ни один человек.

Есаул стегнул себя нагайкой по голенищу.

— Ну что ж, у меня тоже есть характер, — сказал он и кивнул в сторону группы коммунистов. — Приступайте, господа казаки!

— Пошли! — скомандовал Чибисов, и казаки повели бойцов к карнизу над пещерой.

Там, на стропилах, уже висели веревки с петлями, и под каждой из них было сооружено из жердей что-то вроде небольшого помоста. Группа дошла уже примерно до середины поляны, когда неожиданно сзади, на дороге, почти на том самом месте, откуда ночью бойцы утащили у казаков пулемет, фонтаном взметнулась в небо земля, и все содрогнулось от страшного грохота. В воздухе запели осколки. Кто-то вскрикнул. Кто-то закричал: «Наши!» И в этот момент раздался второй взрыв. Но уже не на земле. А над пещерой. Снаряд угодил, словно нарочно, почти в самый карниз, мгновенно разметал его в щепки и осыпал поляну грудой камней...

На поляне все сразу перемешалось: казаки, бойцы, солдаты. Откуда-то из-за кустов метнулись ошалевшие от испуга кони. Метнулись и, разбрасывая людей, помчались на дорогу. А люди, толкая друг друга, сбивая на ходу друг друга с ног, устремились двумя потоками: белые — спасаясь от артиллерийского огня в пещеру, красные — на дорогу. Есаул и подпоручик еще что-то пытались кричать, приказывать. Но грохнул третий снаряд, так же ударив в гору. И все снова утонуло в сплошном гуле. А потом вдруг послышался голос Пашкова:

— Раненых уносите с поляны! Уносите раненых!

Часть бойцов повернула к подножию скалы и, подхватив раненых на руки, понесла их в траншею, вырытую казаками, и за камни.

Гроыхнул четвертый снаряд. За ним пятый. Тяжелые морские орудия бронепоезда рушили на горы многопудовые снаряды один за

одним. И скоро на поляне, кроме убитых, не осталось ни одного человека.

А когда канонада так же неожиданно оборвалась, Серега увидел на дороге, ведущей к поляне, мчащихся во весь опор всадников. Увидел и толкнул лежавшего рядом с ним пожилого бойца, того самого возницу, который вез его вместе с Ашотом на телеге.

— Не упускай, отец, душу. Еще пригодится. Наши подходят, — сказал он.

— Иде? — не поверил возница.

— А вон, — кивнул Серега и закричал что было сил: — Наши! Наши идут! Наши!

Заключение

Никогда раньше, даже в дни самых больших базаров, не появлялось на улицах Благодати столько народу, сколько собралось в тот день. Ни стар, ни млад не усидел дома. Пришли в городок жители окрестных деревень. Спустились с гор чабаны. На площади, возле городского сада, играл военный духовой оркестр. Над трибуной, наспех сколоченной саперами, гордо развевался красный флаг. Тут и там в толпе виднелись военные: красноармейцы и командиры, в гимнастерках и кожаных куртках, в остроконечных буденовках и форменных фуражках, в кубанках и, даже не смотря на жару, в папахах.

Из дома, в котором еще совсем недавно размещалась акцизная контора, а теперь поместился штаб, вышли несколько человек военных и направились к трибуне. Толпа расступилась перед ними, давая им проход. Рядом с военным в кожаной фуражке шагал парнишка в ладно подогнанной под его щуплую фигуру солдатской гимнастерке, шароварах и сапогах. На голове у парнишки была надета лихо сдвинутая набекрень кубанка с широкой кумачовой лентой.

Военные и вместе с ними парнишка поднялись на трибуну. Оркестр заиграл «Интернационал». В толпе запели слова бессмертного гимна. А когда музыка стихла, высокий военный с шашкой и маузером поднял руку и объявил:

— Разрешите, товарищи, начать наш митинг. Слово, товарищи, представляется члену Революционного военного совета 11-й армии

товарищу Кирову Сергею Мироновичу.

Толпа зааплодировала.

Киров, зажав в руке кожаную фуражку, громко сказал:

— Товарищи красноармейцы, политработники и командиры! Граждане города Благодать и его уезда! Поздравляю вас с полным освобождением вашего края от ига белых. Никогда больше не возвратится сюда власть капиталистов и помещиков, купцов, ростовщиков и алчного духовенства, всех тех, кто грабил и угнетал трудовой народ. Отныне здесь будет власть рабочих и крестьян, как и всюду в России, единственно законная и подлинная государственная власть, поддерживаемая миллионами населения, власть, которая имеет в своем распоряжении достаточно многочисленную и хорошо организованную Красную Армию.

Киров говорил просто и увлеченно. Его речь то и дело прерывали аплодисменты и возгласы: «Да здравствует Советская власть!», «Да здравствует товарищ Ленин!».

— Красная Армия вместе с партизанами, показывая примеры массового героизма, — продолжал Киров, — прогонит белых, дашнаков и мусаватистов с Кавказа. Мы никогда не забудем светлые имена героев, отдавших свою жизнь за свободу и счастье трудового народа. Придет время, и там, где сегодня гремят бои и льется кровь бойцов революции, мы поставим красивые памятники в их честь. А сегодня мы вручаем боевые ордена тем бойцам и командирам, которые проявили особую храбрость и мужество и своими умелыми действиями способствовали достижению нашей победы. Среди награжденных боевым орденом вашей республики мне хочется, товарищи, особо отметить юного патриота Ашота Казаряна. Вот он, товарищи, стоит перед вами. Этот юный герой пробрался через тылы белых и вовремя доставил командованию Красной Армии очень важные сведения. Благодаря ему, нам удалось вырвать из лап белых большую группу раненых красных бойцов и командиров.

Ашот не очень хорошо представлял себе, что означает все это награждение, этот орден, как, впрочем, не очень понимал, почему все называют то, что он сделал, подвигом. Конечно, ему досталось, пока он дошел до красных. Но разве тем, кто оставался в пещере, было легче? Разве доктору Прозорову было легче? А Сурену? А Жене?

Ведь она, помимо всего прочего, еще девчонка. И разве это ее дело — лазить по горам, скакать на лошадях, под пулями белых уходить от погони? Ответить на все эти вопросы Ашот не мог. Потому что знал: и его товарищам во всей этой истории досталось нисколько не меньше, чем ему. А некоторым и не в пример больше. Он-то остался живым. А скольких прекрасных бойцов и командиров недосчитались защитники пещеры, когда подоспела помощь, белые сдались и командир Пашков, опираясь на шашку, построил своих подчиненных на переключку...

Ашот думал сейчас об этом, глядя на собравшихся перед трибуной людей. Где-то тут же должна быть и Женя. Они так договорились, что она непременно придет на площадь, как только врачи сделают перевязку дедушке и Сурену. Доктор Прозоров потерял много крови и почти двое суток был без сознания. Но его все же удалось спасти. Теперь их обоих привезли в Благодать и положили в ту самую больницу, в которой Прозоров проработал столько лет... В больницу положили и многих других раненых. А лечить их назначили военного врача. И об этом тоже думал сейчас Ашот. И наконец он нашел в толпе Женю. Она делала ему рукой какие-то знаки. Ашот посмотрел на товарища Кирова и, пригнувшись так, чтобы никому не мешать, тихонько слез с трибуны. Женя подбежала к нему.

— Ну, что там? — нетерпеливо спросил Ашот.

— Врач сказал, что раны хорошие. А дедушка попросил пить, — сообщила Женя. — Бежим туда!

Ашот крепко взял Женю за руку, и они побежали через сад в больницу.

notes

Дашнаки и мусаватисты

Дашнаки и мусаватисты — члены буржуазно-националистических контрреволюционных партий Армении и Азербайджана.

Абрек

Абрек (осетин.) — разбойник